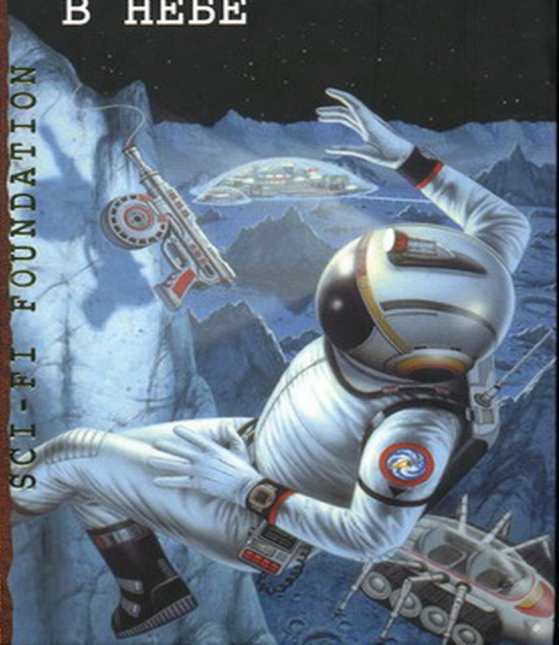
Весь

ХАЙНЛАЙН

ТУННЕЛЬ В НЕБЕ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION



Астронавт Джонс
Роберт Хайнлайн

Аннотация
Роберт Хайнлайн. «Астронавт Джонс»
Глава 1. ТОМАГАВК
Глава 2. ДОБРЫЙ САМАРИТЯНИН
Глава 3. ЗЕМПОРТ
Глава 4. ГИЛЬДИЯ АСТРОНАВИГАТОРОВ
Глава 5. …ТВОИ ДЕНЬГИ И МОЕ УМЕНИЕ…
Глава 6. АСТРОНАВТ ДЖОНС
Глава 7. ЭЛДРЕТ
Глава 8. ТРИ ПУТИ НАВЕРХ
Глава 9. КАРТОГРАФ ДЖОНС
Глава 10. ПЛАНЕТА ГАРСОНА
Глава 11. ЧЕРЕЗ ГРУЗОВОЙ ЛЮК
Глава 12. АЛКИОНА
Глава 13. ПЕРЕХОД
Глава 14. ГДЕ УГОДНО
Глава 15. ЭТО ЖЕ НЕ ПРОГУЛОЧКА
Глава 16. «… БОЛЬШЕ СОТНИ ЛЕТ»
Глава 17. НАДЕЖДА
Глава 18. ЦИВИЛИЗАЦИЯ
Глава 19. ДРУГ ПОЗНАЕТСЯ В БЕДЕ
Глава 20. «КОРАБЛЬ — ЭТО НЕ ПРОСТО ЖЕЛЕЗО»

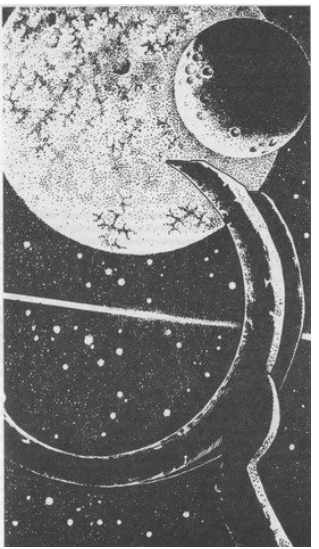
Глава 21. КАПИТАН «АСГАРДА»
Глава 22. ТОМАГАВК

Аннотация

Роман патриарха американской фантастики, Великого Мастера Роберта Энсона Хайнлайна (1907–1988) повествует о приключениях юного Максимилиана Джонса, с детства мечтавшего о профессии астронавигатора. Сбежав из дома, Макс в результате невероятного стечения обстоятельств попадает на терпящий бедствие космический корабль и становится для его экипажа и пассажиров последним шансом на спасение.

Роберт Хайнлайн
«Астронавт Джонс»

Джиму Смиту, моему другу



Глава 1
ТОМАГАВК

Макс любил это время года, это время дня. Урожай уже убран, можно пораньше покончить со своими вечерними делами и расслабиться, побездельничать. Вычистив свинарник и покормив кур, он не пошел ужинать, а вместо этого поднялся по тропинке на холм к западу от амбара и улегся на траву, не обращая никакого внимания на прыгавших вокруг блох. У него была с собой книга, взятая в прошлую субботу в местной библиотеке, бонфортовские «Твари небесные: Путеводитель по экзотической зоологии», но он ее просто положил себе под голову вместо подушки. Голубая сойка начала было высказывать свои сомнения в отношении порядочности его поведения, но, не получив ответа, заткнулась. Рыжая белка замерла на пне и уставилась на него. Поглазев немного, она снова принялась таскать в дупло орехи.

Макс смотрел на северо-запад. Он любил это место потому, что отсюда были видны стальные опоры и направляющие кольца магнитной

дороги Чикаго-Спрингфилд-Земпорт. Дорога появлялась из отверстия в склоне справа от него. В самом отверстии можно было видеть направляющее кольцо — здоровенный, футов двадцати в диаметре, стальной обруч. Пара ходулеобразных опор поддерживала другое кольцо футах в ста от первого. Третье и последнее справа кольцо находилось к западу от него. Склон там еще круче спускался в долину, поэтому опоры этого кольца были высотой футов в сто с лишком. На половине высоты этого кольца была видна силовая антенна, направленная поперек провала.

Слева от него, на дальнем краю провала, опять шли направляющие кольца ЧСЗ-дороги. Входное кольцо было побольше из-за возможного сноса поезда в сторону ветром; на его опорах была приемная силовая антенна. Этот склон был круче, еще одно кольцо — и дорога опять исчезала в туннеле. Макс читал, что на Луне входные кольца были не больше остальных: там никогда нет ветра, отклоняющего поезд. Когда он был ребенком, это кольцо было чуть поменьше, и однажды, во время жуткого урагана, поезд в него ударился. Произошло невероятное крушение, погибло больше четырех сотен людей. Сам он этого не видел, а отец не разрешил ему и потом сходить

посмотреть. Из-за всех этих трупов. Однако след крушения и по сию пору был виден на левом склоне — пятно зелени, более темной, чем вся остальная.

Он смотрел на проходящие поезда всегда, когда была такая возможность. Ничего плохого он пассажирам не желал, — но все равно, если уж случится вдруг катастрофа, не хотелось бы снова ее пропустить.

Макс не спускал глаз с отверстия туннеля: «Томагавк» должен был появиться с минуты на минуту. Неожиданно отверстие озарилось серебристым сиянием, затем из него вылетел сверкающий цилиндр с острым, как игла, носом. Словно яркая вспышка, он промелькнул сквозь последнее кольцо, а затем — от этого перехватывало дыхание — какие-то мгновения находился в свободном полете между двумя обрывами. Чуть ли не быстрее, чем Макс смог перевести взгляд, летящий поезд вошел в кольцо на другой стороне лощины и исчез в горе. И только тогда дошел звук.

Это было как удар грома, раскатившийся между горных склонов. Макс схватил воздух разинутым ртом.

— Ни фига себе! — тихо сказал он. — Вот это

да! — Невероятное зрелище и звуковой удар каждый раз производили на него одно и то же впечатление.

Макс слышал, что для пассажиров поезд был совершенно бесшумным, так как все звуки от него отставали, но в точности он этого не знал. Ведь он никогда не летал на таком поезде и, с работой на ферме и мамочкой, вряд ли сможет когда-нибудь в будущем.

Он сел и открыл книгу, держа ее так, чтобы не терять из виду юго-западное небо. Через семь минут после пролета «Томагавка» он, если вечер был ясным, наблюдал запуск ежедневного лунного корабля. До космодрома в Земпорте было довольно далеко, так что зрелище получилось куда менее драматичным, чем прыжок магнитного поезда с расстояния в какие-то сотни ярдов, но именно посмотреть на этот корабль он и пришел сюда. Магнитные поезда, конечно, были очень интересны, но космические корабли были его страстью — даже такие игрушечные, как лунный челнок.

Однако только он нашел место, где остановился, — описание крайне разумных, но флегматичных ракообразных с Эпсилона Кита-IV, — как его отвлек оклик откуда-то сзади.

— Эй, Макси! Максимиллиан! Мак-си-миль-ян!

Он замер и ничего не отвечал.

— Макс! Я же тебя вижу, Макс, иди сюда сию же секунду, ты слышишь меня?

Макс что-то пробормотал себе под нос и поднялся на ноги. Он медленно спускался по тропинке, оглядываясь на небо. Потом все поле его зрения заслонил сарай. Мамочка вернулась, и никуда уж тут не денешься — если он не явится и не сделает, что от него требуется, она сумеет отравить ему жизнь. Когда сегодня утром она уезжала, у него было такое ощущение, будто ее не будет по крайней мере до следующего утра. Не то чтобы она сама так сказала — мамочка никогда этого не делала, — но он научился распознавать признаки. И вот теперь ему придется выслушивать ее нытье и ее мелочные сплетни вместо того, чтобы почитать. А то, что ничем не лучше, его будет отвлекать какой-нибудь из ее обожаемых слюнявых сериалов по стереовидению. Ему не раз приходилось бороться с соблазном поломать проклятый СВ — и сделать это всерьез, топором. Сам он почти никогда не имел возможности посмотреть интересную для себя передачу.

Подойдя к дому, он вдруг остановился. Он-то думал, что мамочка прикатила на автобусе из

Углов и, как обычно, прошла остаток пути пешком. Но сейчас около веранды стоял щегольской уницикл — и к тому же она была не одна.

Сначала он подумал, что это «иностранец», но, подойдя поближе, узнал нежданного гостя. Макс гораздо охотнее повстречался бы даже с иностранцем, любым иностранцем. Бифф Монтгомери был местным, правда, он не работал на ферме. Макс не припоминал, чтобы хоть раз в жизни видел Биффа, занятого честным трудом. Говорили, что Монтгомери иногда нанимали охранником самогонщики, когда один из их аппаратов еще действовал где-то там, в горах. Вполне возможно — Монтгомери был здоровый, плотный мужчина, и эта роль вполне ему подходила.

Макс знал Монтгомери с незапамятных времен, часто видел, как тот толкался около Клайдовских Углов. Но обычно он не обращал на Монтгомери никакого внимания и не имел с ним никаких дел — до последнего времени: мамочку стали все чаще замечать в его компании, она даже стала ходить с ним на танцы, которые устраивались в сараях и кукурузных лущильнях. Макс несколько раз пытался сказать ей, что покойному отцу это не очень бы понравилось. Да разве может кто-нибудь спорить с мамочкой — она просто не

слышит того, чего не хочет слышать.

Но домой она притащила его впервые. Макс почувствовал, что в нем разгорается ярость.

— Поскорее, Макси! — крикнула мамочка. — Да не стой ты там, как чурбан. — Макс неохотно двинулся дальше и подошел к ним. — Макси, пожми руку своему новому отцу, — пропела мамочка и шаловливо глянула на него, словно выдала нечто очень остроумное.

Макс тупо уставился на нее, от удивления открыв рот.

Монтгомери ухмыльнулся и выставил свою клешню.

— Ага, Макс, ты теперь Макс Монтгомери — я твой новый папаша. Но ты все равно можешь называть меня Монти.

Макс уставился на руку, а затем, очень неохотно, пожал ее.

— Моя фамилия Джонс, — сказал он без всякого выражения.

— Макси, — протестующе воскликнула мамочка.

Монтгомери жизнерадостно расхохотался.

— Да не торопи ты его так, Нелли, лапочка. Пусть Макс попривыкнет к этому. Живи сам и давай жить другим — вот мой девиз. — Он

повернулся к своей жене. — Подожди, пока я возьму багаж. — С одного багажника уницикла он снял тюк скомканной одежды, а с другого — две плоские пинтовые бутылки. Заметив, что Макс наблюдает за ним, он подмигнул и сказал: — Тост за новобрачную.

Упомянутая новобрачная стояла около двери, и он попытался проскользнуть мимо нее. Та запротестовала:

— Но как же это, Монти, дорогой, разве ты не собираешься…

Монтгомери остановился.

— Совсем позабыл, у меня ведь мало опыта в таких делах. Конечно же. — Он повернулся к Максу. — Возьми все это хозяйство, — и сунул ему тюк и бутылки. Потом он подхватил мамочку на руки, что-то хрюкнув при этом, перенес ее через порог, снова поставил на ноги и поцеловал. Она тем временем повизгивала и краснела. Макс молча прошел вслед за ними, положил принесенное на стол и отвернулся к плите. Плита совсем остыла, он не пользовался ею со времени завтрака. Была еще и электрическая плита, но она перегорела еще при жизни отца, а денег на починку так и не нашлось. Он вытащил из кармана складной нож, настрогал щепок, добавил растопки и поднес к

получившейся кучке зажигалку. Когда пламя разгорелось, он вышел с ведром за водой.

Когда он вернулся, Монтгомери сказал ему:

— Не мог понять, куда это ты пошел. Неужели в этой мусорной куче нет даже водопровода?

— Нет. — Макс поставил ведро на пол и подложил в огонь пару поленьев ватного дерева.

Мамочка сказала:

— Макси, у тебя уже должен был быть готов обед.

Монтгомери благожелательным голосом вмешался в разговор:

— Ну успокойся, дорогая, он же не знал, что мы приедем. И к тому же это дает время для тоста.

Макс стоял, повернувшись к ним спиной, и уделял все свое внимание нарезанию грудинки. Перемена была столь ошеломляющей, что ему пока еще не хватило времени полностью ее осознать.

— Эй, сынок! Подними стакан за новобрачную! — окликнул его Монтгомери.

— Мне надо готовить ужин.

— Чепуха! Вот твой стакан. Быстренько!

Монтгомери налил в стакан на палец янтарно-желтой жидкости; его собственный стакан был наполнен до половины, а у новобрачной по

крайней мере на треть. Макс взял свой стакан, подошел к ведру и черпаком долил в него воды.

— Ты же только испортишь!

— Я к этому не привык.

— Ну ладно. Ну, значит, за зардевшуюся новобрачную и всю нашу счастливую семейку! Пей до дна!

Макс осторожно хлебнул из стакана и отставил его. По вкусу это напоминало горькую микстуру, которую давала ему как-то весной окружная врачиха. Он вернулся к своему прерванному занятию, но Монтгомери опять окликнул его.

— Эй, как это, ты же не допил.

— Послушайте, мне надо готовить ужин. Вы же не хотите, чтобы все подгорело, правда?

— Ну что же, — пожал плечами Монтгомери, — тем больше останется нам. Это твое хозяйство мы используем на запивку. Знаешь, сынок, когда я был в твоем возрасте, я мог опрокинуть полный стакан, а потом сделать стойку на руках.

Макс собирался поужинать грудинкой и разогретыми оладьями, но их осталось только полсковородки. Он поджарил яичницу на жире от грудинки и сварил кофе, этим и ограничился. Когда они сели ужинать, Монтгомери оглядел поданные блюда и громко объявил:

— Лапочка, я надеюсь, что начиная с завтрашнего дня ты сумеешь делом подтвердить все то, что наговорила мне про свои кулинарные таланты. Твой парень — совсем никудышный повар.

Несмотря на эти слова, он поел от души. Макс решил не говорить ему, что он готовит лучше, чем мамочка; Монти очень скоро и сам это обнаружит.

В конце концов Монтгомери отодвинулся от стола, вытер рот, налил себе еще кофе и закурил сигару. Тогда мамочка вопросила:

— Макси, дорогой, а что будет на десерт?

— Десерт? Ну — в холодильнике есть то мороженое, что осталось после Дня Солнечного Союза.

— Ой, господи! — хихикнула мамочка. — Боюсь, что его там нет.

— Что?

— Ну, боюсь, что я вроде его съела как-то вечером, когда ты был на южном поле. Был такой жутко жаркий день!

Макс не ответил ничего, он совсем не удивился. Но мамочка не унималась.

— Ты что, не приготовил ничего на десерт, Макс? Но ведь сегодня такой особенный день.

Монтгомери вытащил сигару изо рта.

— Заткнись, лапочка, — сказал он ласково. — Я

не слишком люблю сласти, я больше насчет мяса и картошки — это нарастает на кости. Поговорим лучше о более приятных вещах. — Он повернулся к Максу. — Макс, что ты еще умеешь делать, кроме как копаться на ферме?

— Чего? — удивился Макс. — Я никогда не делал ничего другого. А что?

Монтгомери стряхнул пепел с сигары на тарелку.

— Просто мы покончили с работой на ферме.

Второй раз за последние два часа Макс услыхал новость, которую не смог сразу переварить.

— Как это? Что вы имеете в виду?

— А вот так, что мы продали ферму.

У Макса появилось такое ощущение, словно из-под его ног выдернули ковер. Однако по выражению мамочкиного лица он понял, что это правда. У нее всегда был такой вид, когда она ему устраивала что-нибудь подобное — торжествующий, но слегка настороженный.

— Отцу бы это не понравилось, — резко сказал Макс. — Эта земля принадлежит нашей семье уже четыре сотни лет.

— Ну, Макси! Я же говорила тебе, не знаю сколько раз, что я не создана для деревенской жизни. Я выросла в городе.

— Клайдовские Углы! Тоже мне город!

— Но все равно это не ферма. И я была совсем юной девушкой, когда твой папаша привез меня сюда — а ты был уже большим парнем. Передо мной еще вся жизнь. Не могу же я прожить ее, похоронив себя на ферме.

— Но ты же обещала отцу, что… — прибавил громкости Макс.

— Заткнись, — оборвал его Монтгомери. — И постарайся говорить повежливее, когда обращаешься к своей матери — и ко мне.

Макс замолчал.

— Земля продана, и нечего больше об этом спорить. А как ты думаешь, сколько стоит этот участок?

— Ну, по правде говоря, я никогда не задумывался об этом.

— Что бы ты ни думал, я получил больше. — Он подмигнул Максу. — Да, сэр. Твоей мамаше дико повезло в тот день, когда она обратила на меня внимание. Я ведь такой человек, что на три фута в землю вижу. Я же знаю, чего это тут появился агент, скупающий эти бесплодные, не имеющие никакой ценности огрызки недвижимости. Я…

— Я использую предоставляемые правительством удобрения.

— Я сказал «никакой ценности», и они не имеют никакой ценности. В смысле, для сельского хозяйства. — Он ухмыльнулся с видом большого пройдохи и объяснил. Судя по его словам, был намечен большой правительственный проект, для которого были выбраны как раз эти места. Монтгомери изъяснялся про все это крайне таинственно, из чего Макс заключил, что знает он очень мало. Некий синдикат втихую скупал землю, надеясь содрать за нее побольше с правительства. — Так что мы получили с них раз в пять больше, чем они собирались платить. Совсем неплохо, правда?

Тут в разговор встряла мамочка.

— Вот видишь теперь, Макси? Если бы твой папаша узнал, что мы когда-нибудь сумеем получить…

— Смолкни, Нелли!

— Но я только хотела сказать ему, сколько…

— Я же сказал «смолкни».

Она замолчала. Монтгомери отодвинул стул, засунул в рот сигару и встал. Макс поставил греться воду для мытья посуды, соскреб объедки с тарелок и отнес их курам. Он провел во дворе порядочное количество времени, глядя на звезды и пытаясь собраться с мыслями. Неожиданная

перспектива иметь Биффа Монтгомери в семье потрясла его до глубины души. Интересно, какие права имеет отчим или, скорее, двоюродный отчим, человек, женившийся на его мачехе. Этого он не знал.

В конце концов Макс решил, что надо вернуться в дом, как бы ни было ему это противно. Он увидел, что Монтгомери стоит у книжной полки, которую он приспособил над стереоприемником; этот тип лапал его книги и сложил несколько из них стопкой на приемнике.

— Вернулся? — оглянулся Монтгомери. — Не уходи пока никуда, я хочу, чтобы ты мне рассказал кое-что относительно вашей живности.

В двери появилась мамочка.

— Дорогой, — пропела она, — неужели все это не может подождать до утра?

— Не торопись, радость моя, — отмахнулся Монтгомери. — Этот самый аукционер появится здесь завтра, прямо с утра. Мне нужно иметь к этому времени опись. — Он продолжал вытаскивать книги с полки. — Гляди-ка, а вот это — отличные штуки. — У него в руках было полдюжины томиков, напечатанных на самой тонкой бумаге и переплетенных в гибкий пластик. — Интересно, сколько они стоят? Нелли, дай-ка мне мои очки.

Макс торопливо подскочил к нему и протянул руку к книгам.

— Это мои!

— Чего? — Монтгомери глянул на него, а затем поднял книги высоко в воздух. — Ты слишком молод, чтобы у тебя было что-нибудь свое. Нет, загоним все. Вымести все дочиста и начать жизнь с чистой страницы.

— Они мои! Мне их подарил дядя. — Он воззвал к мачехе. — Скажи ему, мамочка!

— Слушай, Нелли, — ровным голосом процедил Монтгомери, — приведи-ка ты в порядок этого мальчишку, чтобы мне не пришлось заниматься его воспитанием.

Нелли озабоченно наморщила лоб.

— Ну, по правде говоря, я и не знаю. Они принадлежали Чету.

— А Чет был твоим братом? Тогда ты и есть наследница Чета, а не этот щенок.

— Он не был ее братом, он был ее шурином!

— Ах так? Это не важно. Твой отец был наследником твоего дяди, а твоя мать — наследница отца. А не ты, так как ты еще несовершеннолетний. Такой уж, сынок, закон. И ничего тут не поделаешь. — Он поставил книги на полку, но остался стоять между ними и Максом.

Макс почувствовал, как его верхняя губа начала непроизвольно дергаться; он знал, что не сможет говорить членораздельно. Его глаза затуманились от слез, он едва различал ненавистную жуликоватую морду «отчима».

— Вы… ты вор.

— Макс! — взвизгнула Нелли.

На лице Монтгомери появилось выражение холодной ярости.

— А вот это уже чересчур. Боюсь, что теперь ты вполне заслужил ремня. — Его пальцы начали расстегивать тяжелый пояс.

Макс на шаг отступил. Монтгомери вытащил ремень и сделал шаг вперед.

— Монти! — еще громче взвизгнула мамочка. — Я прошу тебя!

— Не лезь не в свое дело, Нелли, — оборвал ее Монтгомери, а Максу сказал: — Мы должны раз и навсегда установить, кто тут старший. Извинись.

Макс не отвечал.

— Извинись, — повторил Монтгомери, — и мы про это забудем.

Он помахивал ремнем, как кот хвостом. Макс отступил еще на один шаг. Монтгомери сделал шаг вперед и попытался его схватить.

Макс увернулся и через открытую дверь выбежал в темноту. Он не останавливался, пока не уверился, что никто за ним не гонится. Потом, все еще кипя яростью, он перевел дыхание. Он уже почти жалел, что Монтгомери не погнался за ним; он не думал, что кто-нибудь сумеет совладать с ним в темноте в его родном дворе. Он знал, где сложены дрова, а Монтгомери не знал; и где тут лужа, в которой купаются свиньи. И он знал, где тут колодец, — даже это, если уж на то пошло.

Прошло довольно много времени, пока Макс достаточно успокоился для того, чтобы думать рационально. Теперь он был рад, что все так легко кончилось. Монтгомери был значительно тяжелее его и, по слухам, дрался отчаянно.

Если это действительно уже кончилось, — поправил он себя. Он думал, решит ли Монтгомери к утру позабыть обо всем. В комнате все еще горел свет; он укрылся в сарае и ждал, сидя на земляном полу, прислонившись спиной к дощатой стене. Через некоторое время Макс почувствовал страшную усталость. Он подумал, не лечь ли спать прямо в сарае, но тут не было подходящего места, чтобы лечь, даже при том, что старый мул сдох. Тогда, вместо этого, он встал и посмотрел на дом.

Свет в комнате погас, но был виден в спальне;

конечно же, они еще не уснули. Кто-то прикрыл дверь после его бегства; она не запиралась, так что попасть внутрь можно было без труда, но он боялся, что Монтгомери услышит. Его собственной комнатой была небольшая пристройка, добавленная к кухонному концу главной комнаты, напротив спальни. Однако у нее не было наружной двери.

Не важно, он решил эту проблему давно, когда вырос достаточно для того, чтобы уходить и приходить ночью, не спрашивая разрешения у старших. Он крадучись обошел дом, нашел козлы для пилки дров, поставил их под окном, забрался на них и вытащил гвоздь, удерживавший раму. Мгновение спустя он беззвучно спустился с подоконника в свою комнату. Дверь в главную комнату была закрыта, однако он решил все равно не рисковать и не включать свет: Монтгомери может зачем-нибудь выйти в комнату, и тогда он увидит свет в щели под дверью. Макс тихо выскользнул из одежды и забрался на кровать.

Сон не шел. Один раз он начал было ощущать теплую дремоту, но затем какой-то еле слышный звук вырвал его из этого состояния. Вероятно, это была просто мышь, но на какое-то мгновение ему показалось, что это Монтгомери стоит над его

кроватью. С колотящимся сердцем он сел на край постели, все еще совершенно раздетый.

Перед ним стояла проблема, что же теперь делать — не только в следующий час, не только завтра утром, но и следующим утром, и каждым утром после этого. Сам по себе Монтгомери не представлял проблемы; он не остался бы по своей воле даже в одном округе с этим человеком, но как же мамочка?

Когда отец уже знал, что умирает, он сказал ему:

— Позаботься о своей матери, сынок.

Что ж, он так и делал. Каждый год он собирал урожай — в доме была еда и даже деньги, пусть и совсем немного. Когда сдох мул, он и с этим справился: одолжил упряжку у Макалистера и расплатился собственной работой.

Однако имел ли отец в виду, что он должен заботиться о своей мачехе, даже если она снова выйдет замуж? Ему как-то никогда не приходило в голову подумать об этом. Отец велел ему позаботиться о ней, и так он и делал, хотя пришлось бросить школу и конца этому не было видно.

Но ведь она больше не миссис Джонс, она теперь миссис Монтгомери! Имел ли отец в виду, что он обязан заботиться о миссис Монтгомери?

Конечно же, нет! Если женщина выходит замуж, о ней заботится муж. Это все знают. И отец, конечно же, не ожидал от него, что он станет противостоять Монтгомери. Макс встал, сразу приняв решение.

Оставался единственный вопрос — что взять с собой. Брать было почти нечего. В темноте, на ощупь, он нашел рюкзак, которым пользовался при вылазках на охоту, и запихнул в него носки и вторую рубашку. К этому он добавил круглую астронавигационную линейку дяди Чета и кусок вулканического стекла, который дядя прихватил на Луне. Удостоверение личности, зубная щетка и отцовская бритва — не то чтобы она слишком часто была ему нужна — почти закончили его поспешные сборы.

За кроватью была плохо прибитая доска. Он нащупал ее, оторвал, пошарил в отверстии и не нашел ничего. В этом месте он иногда припрятывал немного денег на черный день, так как мамочка то ли не умела, то ли не хотела экономить. Видимо, она успела найти этот тайник при одном из своих обысков. Ничего не поделаешь, уходить все равно надо; хотя пропажа денег немного все усложнила.

Макс вдруг вспомнил, у него даже перехвати-

ло дыхание. Ведь было то, что он просто обязан взять с собой. Книги дяди Чета. И они (по-видимому) все еще стоят на полке, которая висит на общей со спальней стене комнаты. Но он обязан взять их, даже рискуя при этом наткнуться на Монтгомери.

Очень осторожно, очень медленно он открыл дверь в комнату и стоял на пороге, обливаясь потом. В щели под дверью спальни все еще виднелся свет, Макс помедлил еще, с трудом заставляя себя двигаться дальше. Монтгомери пробормотал что-то, непонятное отсюда, а мамочка хихикнула.

Когда глаза Макса привыкли к полумраку, он рассмотрел в слабом свете, сочившемся из-под двери, что у наружной двери что-то нагромождено. Это была куча кастрюль и сковородок, которая устроила бы страшный грохот при любой попытке открыть дверь. Очевидно, Монтгомери ожидал, что мальчик вернется домой, и был наготове, чтобы тут-то с ним и разделаться. Макс очень обрадовался, что прокрался домой через окно.

Медлить дальше смысла не было — он прокрался через комнату, ни на секунду не забывая о скрипучей половице рядом со столом. Рассмотреть что-либо было невозможно, но он хорошо

знал свои книги на ощупь. Он осторожно вытащил их, стараясь не уронить остальные.

Макс прошел уже весь обратный путь к двери своей комнаты, когда вспомнил про библиотечную книгу. И остановился, покрывшись от страха холодным потом.

Он не мог снова пройти этот путь. На этот раз они могут его услышать. Или Монтгомери встанет попить воды, или еще что-нибудь.

Но в его очень ограниченном кругозоре воровство библиотечной книги — или ее невозвращение, что то же самое, — было если уж не смертным грехом, то, по крайней мере, одним из первых пунктов списка постыдных поступков. Он стоял на месте, обливаясь потом и размышляя.

Потом он проделал снова весь этот путь, осторожно обойдя скрипучую доску и катастрофически позабыв о другой такой же. Наступив на нее, он застыл. Однако, очевидно, звук не встревожил парочку в спальне. Наконец он перегнулся через СВ-приемник и начал шарить на полке.

Монтгомери не только перелапал, но и переставлял все книги, так что Максу пришлось вынимать их одну за другой и пытаться разобраться в них на ощупь, открывая каждую и отыскивая библиотечную перфорацию титуль-

ного листа.

Она оказалась четвертой из ощупанных им книг. Макс вернулся в свою комнату, двигаясь очень медленно и осторожно, с трудом сдерживая желание двигаться побыстрее. Потом его начало трясти, и пришлось переждать, пока это пройдет. Он опять не решился испытывать судьбу, закрывать дверь и включать свет, — а вместо этого оделся в темноте. Еще через несколько мгновений он вылез в окно, нащупал босыми ногами козлы и бесшумно спрыгнул на землю.

Ботинки лежали в рюкзаке на самом верху, и он решил не вынимать их оттуда, пока не отойдет подальше от дома. Он опасался шума, который могли произвести обутые ноги. Он обогнул дом по широкой дуге и оглянулся назад. Свет в спальне все еще горел; Макс стал срезать угол, выходя на дорогу, и вдруг заметил уницикл Монтгомери. И остановился.

Пройдя дальше, он выйдет на дорогу, по которой ходит автобус. Повернет ли он налево или направо, у Монтгомери будут шансы пятьдесят на пятьдесят догнать его на уницикле. Двигаться предстояло на своих двоих — денег на автобус у него не было.

Ерунда это все. Монтгомери и пробовать не

станет вернуть его домой. Скажет: скатертью дорожка, — и тут же из головы выкинет.

Но все-таки мысль эта его тревожила. А что, если мамочка уговорит Монтгомери? А что, если Монтгомери не сможет забыть оскорбление и не пожалеет трудов, чтобы с ним посчитаться?

Он вернулся и, снова держась подальше от дома, пошел по склону холма в направлении правого участка ЧСЗ-дороги.

Глава 2
ДОБРЫЙ САМАРИТЯНИН

Макс хотел бы, чтобы было светло, но и темнота не слишком его беспокоила. Он прекрасно знал эти места, каждый холмик, чуть ли не каждое дерево. Он держался высоких мест, передвигаясь с холма на холм, пока не добрался до выходного кольца, откуда поезда перепрыгивали через долину. Здесь он вышел на служебную дорогу, которой пользовался обслуживающий персонал магнитной дороги. Тогда он сел на землю и обулся.

Служебная дорога была просто тропой, шедшей сквозь лес по просеке. Эта тропа годилась для гусеничного транспорта, но не для колесных машин. Она спускалась в долину, а затем поднималась и проходила немного ниже того места, где магнитная дорога скрывалась в дальнем обрыве. Макс пошел по служебной тропе не спеша, но быстро, легкой, свободной походкой прирожденного горца.

Через семнадцать минут он пересек долину и оказался под входным кольцом. Он прошел дальше, пока не приблизился к кольцу, располо-

женному прямо в черневшем зеве туннеля. Здесь он остановился на — по его расчету — безопасном расстоянии и снова оценил свои шансы на успех.

Обрыв был высоким, иначе кольца установили бы не в туннеле, а в выемке. Он часто охотился здесь и знал, что для подъема на обрыв потребовалось бы часа два — при дневном свете. В то же время вспомогательная дорога проходила прямо сквозь гору, под кольцами. Весь путь по ней займет не больше десяти-пятнадцати минут.

Макс никогда не проходил сквозь обрыв. Это было строго запрещено и преследовалось по закону. Не то чтобы запрещение сильно беспокоило Макса, он и так уже находился на запретной территории. Дело было в другом. Иногда свинья или какое-нибудь дикое животное забредали в туннель и не успевали выбраться оттуда до прохода поезда. Они погибали — мгновенно и без единой царапины. Как-то Макс высмотрел в туннеле совсем неподалеку от входа погибшую лису. Он быстро сбегал и вытащил ее. На ней не было никаких внешних повреждений, но когда он снимал шкуру, то увидел, что ее тело представляло собой сплошную массу мелких кровоизлияний. Несколько лет тому назад какой-то человек был «пойман» поездом внутри туннеля — и дорожные

рабочие извлекли труп.

Туннель был шире, чем кольцо, но ненамного — только чтобы позволить поезду двигаться, обгоняя свою собственную ударную волну, отраженную от стенок. Ничто живое, попавшее в туннель, не могло избежать этой волны; этот непереносимый громовой раскат, от которого даже на порядочном расстоянии болели уши, был заряжен такой энергией, что вблизи обозначал неминуемую мгновенную смерть.

Однако Максу совсем не хотелось карабкаться по обрыву; он прокручивал в уме ночное расписание поездов. Тот, за которым он наблюдал на закате, назывался «Томагавк»; прохождение «Джавелина» он слышал тогда, когда прятался в сарае. И «Ассегай» тоже должен был пройти уже довольно давно, хотя он его вроде бы и не слышал. Оставался полуночный «Кинжал». Макс посмотрел на небо.

Венера, конечно же, уже ушла за горизонт. Однако, к его удивлению, Марс все еще стоял на западе. Луны не было. Попробуем вспомнить — полнолуние было в прошлую пятницу. Конечно же…

Получавшийся ответ казался ошибочным, поэтому он дополнительно проверил себя,

тщательно оценив положение Веги и сравнив его с тем, что ему говорило положение ковша Большой Медведицы. Тогда он тихо присвистнул — несмотря на всю уйму происшедших событий, сейчас было всего еще только десять часов, плюс минус пять минут; звезды никогда не ошибаются. В таком случае «Ассегай» будет не раньше, чем через три четверти часа. Если не брать в расчет какой-нибудь специальный поезд, вероятность которого крайне мала, у него была уйма времени.

Макс направился прямо в туннель. Пройдя ярдов пятьдесят, он уже пожалел о своем поступке и даже немного запаниковал; здесь было темно, как в могиле. Зато идти здесь было гораздо легче, стенки туннеля были совершенно гладкими, так как ничто не должно мешать прохождению ударной волны. После нескольких минут торопливого, хотя и на ощупь, продвижения по туннелю, когда глаза его адаптировались к полной темноте, он различил впереди еле заметный серый круг. Тогда он побежал — сначала рысцой, а затем, подгоняемый страхом перед этим местом, — со всех ног.

Когда Макс достиг выхода, сухое горло его горело, а сердце колотилось как сумасшедшее;

потом он бросился вниз по склону, не обращая внимания на то, что почва под ногами сразу стала хуже, когда он покинул туннель и побежал по служебной тропе. Он не замедлял своего бега, пока не оказался около опоры кольца, опоры такой высокой, что кольцо, которое она поддерживала, казалось снизу совсем маленьким. Здесь он остановился и попытался справиться со своим дыханием.

Что-то ударило его сзади и сшибло с ног.

…Он поднялся, ничего не понимая и шатаясь, как пьяный. Постепенно он вспомнил, где находится, и понял, что на какое-то время потерял сознание. Одна из его щек была в крови, ладони и локти ободраны. Только рассмотрев все это, он осознал, что случилось: над ним пролетел поезд.

Поезд пролетел не так близко от Макса, чтобы убить его, однако достаточно близко, чтобы ударная волна сбила его с ног. Это никак не мог быть «Ассегай»; он поглядел на звезды и снова убедился в этом. Нет, это был специальный, дополнительный, — и Макс выбежал из туннеля всего за какую-то минуту до него.

Тогда его затрясло, и прошло много минут, прежде чем он взял себя в руки. Потом он направился по служебной тропе со всей скоростью, на

какую было способно его изодранное тело. Еще через какое-то время он обратил внимание на странное обстоятельство: ночь была совершенно безмолвной.

Но ведь ночь не бывает безмолвной. Никогда. Уши Макса, с младенческого возраста привыкшие к звукам и голосам родных холмов, должны были бы слышать несмолкаемое переплетение разнообразных ночных звуков — шелест листьев на ветру, копошение его меньших братьев — древесных лягушек, стрекотание насекомых, крики сов.

Неумолимая логика подсказала Максу, что он лишился слуха — стал глухим, как чурбан. Его оглушила ударная волна. Однако поделать с этим нельзя было сейчас ничего, так что он продолжил свой путь; мысль вернуться домой даже не пришла ему в голову. В глубине этой лощины, где опоры колец достигали высоты в триста футов, он свернул со служебной тропы на обычный проселок и пошел по нему вниз. Первая его задача — добраться до такого места, где Монтгомери вряд ли будет его искать, — была выполнена. Хотя Макс и находился пока что всего в нескольких милях от своего дома, но все же, пройдя сквозь хребет, он оказался совсем в другой местности.

Несколько часов он продолжал спускаться по проселку. Дорога эта была совсем примитивной, пригодной разве для телег, но все-таки получше, чем та, служебная. Где-то там, внизу, где холмы сменялись долиной, в которой жили «иностранцы», он найдет шоссе, проложенное параллельно магнитной дороге и ведущее в Земпорт. Именно Земпорт избрал он своим конечным пунктом, имея при этом более чем смутное представление относительно того, что будет делать, добравшись туда.

Луна светила теперь Максу в спину, и он шел довольно быстро. Кролик выпрыгнул на дорогу, присел на секунду, уставившись на него, и куда-то ускакал. При виде кролика Макс пожалел, что не захватил с собой малокалиберку. Спору нет, винтовка была очень старая, изношенная и стоила в таком виде гроши. К тому же последнее время становилось все труднее и труднее найти патроны для такого допотопного оружия, но кролик в котелке — это сейчас было бы великолепно, просто великолепно. Он понял, что не только страшно устал, но и очень проголодался. Он только чуть поковырял свой ужин там, дома, а на завтрак ему, похоже, придется сосать лапу.

Вскоре внимание Макса переключилось с

голода на звон в ушах, звон, который, к его беспокойству, становился все сильней и сильней. Он тряс головой и хлопал себя по ушам, но ничего не помогало. Ему не оставалось ничего другого, как смириться и перестать обращать внимание на этот звон. Пройдя еще с полмили, он неожиданно обнаружил, что слышит звук своих шагов. Он остановился как вкопанный; затем сильно хлопнул ладонями — и отчетливо различил хлопок сквозь продолжавший звучать в ушах звон. Дальше он пошел с полегчавшим сердцем.

В конце концов Макс оказался на уступе, с которого открывался вид на широкую долину. При лунном свете он увидел плавный изгиб шоссе, ведущего на юго-запад, и даже смог различить флюоресцентные разделительные линии на его полотне. Он поспешил вниз.

Он приближался к шоссе и уже даже слышал рев пролетающих мимо грузовиков, когда заметил впереди себя огонек. Макс осторожно приблизился, уверенный в том, что это и не машина, и не фермерский дом. С близкого расстояния выяснилось, что там горит небольшой костер, который можно было увидеть только сверху, с холма; со стороны шоссе его заслонял известняковый выступ. Какой-то человек, сидя

на корточках, помешивал содержимое большой консервной банки, пристроенной на камнях над огнем.

Макс подкрался еще ближе и теперь глядел на стоянку бродяги почти прямо сверху. До него донесся запах варева, и рот его увлажнился. Разрываемый, с одной стороны, голодом, а с другой — врожденным недоверием горца к «иностранцам», он лежал неподвижно и смотрел. В конце концов человек снял посудину с огня и крикнул:

— Ты, там, кончай прятаться! Спускайся сюда!

Макс был слишком поражен, чтобы ответить сразу. Человек добавил:

— Иди сюда, к огню. Я не собираюсь нести его к тебе наверх.

Макс поднялся и вошел в круг света, отбрасываемого костром. Человек поднял на него глаза.

— Привет. Бери стул.

— Привет. — Макс присел на другой стороне костра. Бродяга был одет даже хуже него самого и явно давно не пользовался бритвой. Однако и в этих лохмотьях он производил впечатление какой-то изысканной небрежности и держался с прямо-таки воробьиной самоуверенностью.

Человек продолжал помешивать варево в сво-

ей посудине, а затем зачерпнул его ложкой, подул на нее и попробовал.

— Считай готово, — объявил он. — Четырехдневная похлебка уже почти созрела. Бери себе тарелку.

Он поднялся, покопался в куче меньших банок за своей спиной и выбрал одну из них. Макс чуть помедлил, а затем сделал то же самое, остановив свой выбор на той, в которой когда-то был кофе и которая, похоже, с того времени больше не использовалась. Гостеприимный хозяин налил ему щедрую порцию варева, а потом протянул ложку. Макс посмотрел на нее.

— Если ты не доверяешь тому парню, который пользовался ею до тебя, — рассудительно произнес бродяга, — подержи ее над огнем, а потом оботри. Что касается меня, то не беспокойся. Если клоп укусит меня, то погибнет в страшных мучениях.

Макс послушался этого совета, подержав ложку в огне, пока терпели пальцы, а потом вытерев ее собственной рубашкой.

Похлебка была хорошая, а голод сделал ее совершенно великолепной. Она была густая, из овощей и какого-то неопределенного мяса. Макс не стал ломать голову относительно происхож-

дения составных элементов похлебки; он просто наслаждался ею. Через некоторое время хозяин сказал:

— Добавки?

— А? Конечно. Спасибо.

Вторая порция варева насытила Макса и наполнила каждую клеточку его организма ощущением блаженства. Он лениво потянулся, наслаждаясь своей усталостью.

— Ну что, полегчало? — спросил бродяга.

— Да, да еще как. Вот уж спасибо.

— Кстати, можешь называть меня Сэм.

— Ой, забыл. Меня звать Макс.

— Рад с тобой познакомиться, Макс.

Макс несколько помедлил, прежде чем задать вопрос, беспокоивший его все это время.

— Слышь, Сэм? А как ты узнал, что я был там? Ты что, услышал меня?

— Нет, — ухмыльнулся Сэм. — Но твой силуэт рисовался на фоне неба. Никогда больше не делай этого, мальчик, а то как-нибудь это станет последним, что ты сделаешь.

Макс резко повернулся и поглядел на то место, откуда смотрел на костер. Конечно же. Сэм был прав. Это надо же так влипнуть. Сэм продолжил:

— И далеко ты собрался?

— Чего? Да, еще чапать и чапать.

Сэм помолчал, а затем сказал:

— Дома твои, верно, без тебя соскучились?

— Чего? Откуда ты это знаешь?

— Что ты из дома сбежал? Ведь ты же так и сделал, правда ведь?

— Да. Похоже, что так я и сделал.

— Когда ты сюда притащился, видок у тебя был — прямо скажу. Может, еще не поздно все это дело послать, пока ты еще не совсем сжег за собой мосты. Ты подумай, парнишка. На дороге — оно не сахар. Я-то это хорошо знаю…

— Вернуться? Я никогда не вернусь!

— Что, так уж тебя достало?

Макс не отвечал, глядя на пламя костра. Ему было крайне необходимо разобраться в своих собственных мыслях, даже если для этого требовалось рассказать чужаку о своем, личном, — а этот чужак был какой-то очень легкий в общении. С ним говорить было просто.

— Сэм, а Сэм, у тебя была когда-нибудь мачеха?

— Что? Как-то не припомню, чтоб у меня была такая штука. Меня целовал на ночь детский дом центрального Джерси.

— Вот оно что. — Макс, спотыкаясь, выложил всю свою историю. Сэм иногда прерывал Макса

сочувственными вопросами, чтобы разобраться в невнятице его рассказа. — И вот тогда я смылся, — заключил Макс. — Больше нечего делать. Ведь правда?

Сэм пожевал губами.

— Пожалуй что и правда. Этот самый твой отчим в квадрате — он смахивает на мышь, которая хочет стать крысой. Но теперь ты от него хорошо ушел.

— Ты же не думаешь, что они попробуют найти меня и притащить назад, ведь не думаешь?

Сэм помолчал, подкладывая в костер новую деревяшку.

— А вот в этом я не уверен.

— Что? А зачем? Я ему не нужен. Ему нет до меня никакого дела. Да и мамочке тоже, если говорить правду. Она, конечно, может поскулить малость, но сама для меня пальцем о палец не ударит.

— Все это так, но есть еще и ферма.

— Ферма? Мне она не нужна. Теперь, когда отец умер. Да по правде говоря, и ферма та слова доброго не стоит. Там хребет себе переломить можно, пока вырастишь хоть какой-нибудь урожай. Если бы Закон о пищевом производстве не запретил владельцам земли прекращать использование сельскохозяйственных угодий, отец давным-дав-

но бросил бы обрабатывать свой участок. Без этого самого казенного проекта невозможно было бы найти такого идиота, который избавил бы нас от этой фермы.

— Про то я и говорю. Этот тип уговорил твою, так сказать, мамашу загнать ферму. Так вот, мое юридическое образование, может, и не очень, — но похоже, что деньги эти должны бы пойти тебе.

— Что? Да хрен с ними, с теми деньгами, мне лишь бы уйти куда подальше от этой парочки.

— Не произноси таких слов про деньги; власти предержащие повелят тебе заткнуться за подобное богохульство. Однако, скорее всего, то, как ты сам к этому относишься, не имеет ровно никакого значения. Насколько я понимаю, гражданин Монтгомери вскоре страстно возжелает увидеть тебя.

— С чего бы это?

— Твой отец оставил завещание?

— Нет. А зачем? Он не оставил после себя ничего, кроме этой фермы.

— Я, конечно, не знаком со всеми хитростями законов вашего штата, однако то, что по крайней мере половина этой фермы — твоя, ясно как божий день. Вполне возможно, что мачеха твоя

имеет только право пожизненного пользования своей половиной с передачей тебе после ее смерти. И совершенно очевидно, что она не может заключить законную сделку без твоей подписи. И вот вскоре после того, как завтра утром откроется судебная контора вашего округа, предполагавшиеся покупатели это выяснят. Вот тут-то они и забегают, разыскивая ее. И тебя. И ровно через десять минут этот самый красавчик Монтгомери бросится искать тебя. Если только он не занят этим прямо сейчас.

— Господи боже! А если они меня найдут, имеют они право заставить меня вернуться?

— А ты не давай им себя найти. Ты успел для начала уйти довольно далеко.

Макс подобрал с земли свой рюкзак.

— Пожалуй, я лучше двинусь дальше. Огромное спасибо, Сэм. Может, и я тебе когда-нибудь пригожусь.

— Да сядь ты.

— Послушай, я уж лучше постараюсь убраться отсюда подальше.

— Парень, ты сейчас совсем выжатый, и поэтому голова у тебя не очень соображает. Ну и далеко ты сегодня уйдешь, в такой отличной форме? Вот завтра, ранним утром, ясным и солнечным, мы с

тобой спустимся вместе к шоссе, пройдем по нему с милю на юг. Там есть кафе, в которое заезжают шоферы грузовиков. И вот тут-то мы и подцепим какого-нибудь дальнобойщика, когда он будет выходить в хорошем настроении после хорошего завтрака. Договоримся, чтобы он нас подвез, и ты за десять минут проедешь больше, чем пройдешь сейчас за всю ночь.

Макс не мог не согласиться, что устал, точнее — совершенно вымотался. Кроме того, Сэм без всякого сомнения понимал в таких делах больше, чем он.

— А одеяло-то у тебя есть в этой твоей торбе? — спросил Сэм.

— Нет. Только рубашка… и книги.

— Книги, говоришь? Я и сам люблю почитать, когда есть подходящий случай. Дай посмотреть.

Макс довольно неохотно вытащил свои книги. Сэм поднес их поближе к костру и перелистал.

— Ничего себе, чтоб я был трехглазый марсианин! Да ты, парень, хоть представляешь себе, что это у тебя за книги?

— А как же.

— Но этого же просто не может быть, чтобы они были твоими. Ты же не член гильдии астронавигаторов.

— Нет, а дядя мой был. Он участвовал в первом полете к Бете Гидры, — гордо добавил Макс.

— Трепешься!

— Вот те крест.

— Но сам-то ты никогда не был в космосе? Да нет, конечно же, нет.

— Но я обязательно буду. — Тут Макс неожиданно признал то, о чем никогда ни с кем еще не говорил: желание повторить путь своего дяди и тоже отправиться к звездам. Сэм задумчиво слушал его. Когда Макс кончил говорить, он медленно произнес:

— Так, значит, ты хочешь стать астронавигатором?

— Конечно же хочу.

Сэм почесал себе нос.

— Послушай, парень, не хотел бы я, чтобы мои слова были для тебя холодным душем, но ты же и сам понимаешь, как все это делается. Стать астронавигатором почти так же трудно, как попасть в Гильдию водопроводчиков. Гильдия не встретит тебя с распростертыми объятиями только из-за того, что тебе, видишь ли, захотелось в нее вступить. Членство в ней, как и во всех хорошо оплачиваемых гильдиях, передается по наследству.

— Но ведь мой дядя был членом этой гильдии.

— Вот именно, дядя, а не отец.

— Нет, но член гильдии, у которого нет сыновей, имеет право представить кого-нибудь другого. Дядя Чет мне это объяснял. Он говорил мне, что собирается зарегистрировать мою кандидатуру.

— И он это сделал?

Макс молчал. В то время, когда дядя умер, он был еще слишком юным, чтобы суметь разобраться, как это можно узнать. А когда за дядей последовал отец, его без остатка поглотили домашние дела, и он так ничего не выяснил, подсознательно предпочитая лелеять свою мечту вместо того, чтобы подвергать ее проверке.

— Не знаю я, — наконец ответил он. — Я отправлюсь в Земпорт в Великое Братство и все узнаю.

— Да-а. Ну что ж, удачи тебе, парень. — Сэм глядел на огонь костра, как казалось Максу, печальными глазами. — Так я сейчас на боковую, и тебе советую. Если продрогнешь, там, под тем камнем, есть кой-чего — мешковина, упаковочные материалы и всякое такое. Не замерзнешь, если не боишься подхватить блоху-другую.

Макс заполз в указанную ему темную нору и обнаружил, что это что-то вроде пещеры в известняке. Ощупав пол, он нашел некое подобие

подстилки. Он думал, что будет плохо спать, однако полностью выключился еще раньше, чем Сэм потушил костер.

Разбудило его солнечное сияние, разливавшееся снаружи. Он выполз из тесной норы, встал и потянулся, прогоняя одеревенение из своего тела. Судя по солнцу, было часов семь. Сэма нигде не было видно. Он осмотрел все вокруг, покричал, правда не слишком громко, и решил, что Сэм отправился к ручью попить и умыться. Тогда он вернулся в свое прибежище и вытащил оттуда рюкзак, собираясь сменить носки.

Дядиных книг не было.

На его запасной рубашке лежала записка: *«Дорогой Макс,* — говорилось в ней. — *В котелке еще остался супчик. Можешь подогреть его на завтрак. Пока. Сэм. P. S. Жаль, что так вышло».*

Последующее исследование содержимого рюкзака показало, что пропало и удостоверение личности, но остальное жалкое хозяйство Макса Сэма не заинтересовало. Макс не притронулся к похлебке, а сразу пошел к шоссе, терзаемый горькими мыслями.

Глава 3
ЗЕМПОРТ

Грузовое шоссе по виадуку пересекало грунтовую дорогу, по которой шел Макс. Он поднялся к дальней стороне шоссе и направился на юг по его обочине. Путь этот был отмечен знаками «Проход воспрещен», но, несмотря на это, тропинка была хорошо протоптана. Потом шоссе расширилось, чтобы дать возможность машинам снижать скорость. Далее, на расстоянии порядка мили, виднелось кафе — видимо, то самое, о котором говорил Сэм.

Макс перескочил через изгородь, окружавшую кафе и стоянку для машин, и подошел к стояночным ячейкам, в которых в ряд выстроилось порядка дюжины больших наземных кораблей. Один из них, готовившийся к отправлению, мелко дрожал, его плоское днище уже зависло в нескольких дюймах от металлического покрытия площадки. Макс подошел к переднему концу этого грузовика и снизу заглянул в кабину. Дверца была открыта, и через нее был виден водитель, наклонившийся над приборной доской.

— Эй, мистер! — окликнул его Макс.

Водитель высунул голову наружу.

— Чего тебе?

— Вы, случаем, не подвезете меня на юг?

— Да иди ты, парень. — Дверца захлопнулась.

Ни один из остальных грузовиков не готовился к скорому отправлению, кабины их были пусты. Макс собрался было уже уйти, когда еще один гигантский грузовик скользнул по тормозной полосе, достиг стоянки, медленно вполз в ячейку и, наконец, опустился на землю. Макс думал, не подойти ли к водителю сразу, но решил подождать, пока тот поест. Он отошел к зданию кафе и сквозь стекло стены, сглатывая слюни, смотрел, как изголодавшиеся мужчины изничтожают пищу, когда услышал за своим плечом приятный голос:

— Простите, пожалуйста, но вы заслоняете дверь.

— Ой, извините, пожалуйста, — испуганно дернулся Макс.

— Проходите, пожалуйста, вы же раньше меня. — Говоривший был лет на десять старше Макса. Его густо усыпанное веснушками лицо улыбалось почему-то только одним из уголков рта, а к шапочке, как заметил Макс, был приколот значок Гильдии водителей грузовиков. — Входи-

те, — повторил человек, — а то рискуете, что вас тут в сутолоке затопчут.

Макс убеждал себя, что он просто посмотрит, нет ли там, внутри, Сэма, — в конце концов, не возьмут же они с него плату за то, что он просто войдет внутрь, если он не будет ничего есть. Почти втайне от самого себя он подумывал спросить управляющего, если у того будет достаточно дружелюбный вид, не найдется ли у них какой мелкой работы за обед. Слова этого веснушчатого склонили чашу весов; он проследовал за своим носом по направлению источника божественных запахов, струившихся из дверей кафе.

Кафе было переполнено, свободен был только один столик на двоих. Человек легко опустился в кресло и пригласил:

— Садитесь. — Увидев, что Макс мнется, он добавил: — Давай садись. Ненавижу есть в одиночку.

Макс ощутил на себе взгляд управляющего и сел. Официантка вручила каждому из них меню, и водитель одобрительно окинул ее взглядом. Когда девушка отошла, он заметил:

— Раньше в этой помойке была автоматическая система обслуживания, и они разорились. Вся торговля перешла в «Тиволи», в восьмидесяти

милях отсюда. Новый хозяин выкинул всю эту хурду-мурду на свалку, набрал девиц, и дело снова пошло. Ничто не улучшает вкус еды так, как хорошенькая девушка, ставящая ее на столик перед тобой. Верно ведь?

— Э-э… наверное. Конечно.

Макс не слышал, что ему сказал водитель. Он очень редко бывал в кафе, да и то только за стойкой в Клайдовских Углах. Цены в меню его ужаснули; ему хотелось заползти под столик.

Шофер внимательно посмотрел на него.

— В чем дело, браток, что тебя беспокоит?

— Беспокоит? Да ничего.

— Ты что, без цента?

Жалкое выражение лица Макса само ответило на этот вопрос.

— Ерунда, со мной такое частенько бывало. Ты успокойся. — Махнув рукой, он подозвал официантку. — Давай сюда, радость моя. Мы с напарником возьмем по бифштексу с яйцом сверху, а к нему это вот и вот это. И я хочу, чтобы яйцо было совсем чуть прожарено. Если оно будет, как подошва, я прибью его к стене как предостережение для потомков. Ясно?

— Да ты небось не сможешь даже гвоздь в яичницу вбить, — фыркнула девица и отошла, со-

блазнительно покачиваясь. Водитель не спускал с нее глаз, пока она не исчезла на кухне. — Видишь, про что я говорю! Ну разве ж может с этим конкурировать какая-то там механизма?

Бифштекс был отличным, и яйцо свернулось не совсем. Водитель сказал, чтобы Макс называл его «Рэд», а Макс в ответ сказал свое имя. Макс как раз подтирал кусочком хлеба остатки желтка с тарелки и раздумывал, сейчас поднять вопрос насчет поездки или чуть погодя, когда Рэд слегка наклонился вперед и негромко сказал:

— Макс, ты куда-нибудь торопишься? У тебя найдется время для небольшой работы?

— Что? Ну, вполне возможно. А какая работа?

— Не против малость проехать на юго-запад?

— Юго-запад? По правде говоря, туда я и направляюсь.

— Добро. Так вот, какое дело. Хозяин говорит, что на каждой машине должно быть два водителя — а в противном случае надо отдыхать восемь часов после восьми за рулем. А я не могу сейчас этого себе позволить. За опоздание будет штраф, а напарник мой отключился. Этот дуболом налакался, и мне пришлось оставить его, чтобы малость пришел в себя. Так вот, через сто тридцать миль отсюда будет контрольный пост.

Если я не предъявлю им второго водителя, они заставят меня остановиться.

— Да ты что, Рэд, я же не умею водить. Конечно, очень жалко.

— Да тебе и не надо будет — отмахнулся Рэд. — Ты каждый раз будешь отдыхающим водителем. Ты что, думаешь, я доверю свою малютку «Молли Мэлоун» кому-нибудь, незнакомому с ней? Я продержусь на стимуляторах, а посплю недобранное уже в Земпорте.

— Ты что, едешь до самого Земпорта?

— Конечно.

— Тогда заметано.

— Порядок. Так вот как это будет. Каждый раз, когда будем проезжать контрольный пункт, ты — спишь на койке. Ты помогаешь мне нагружать и разгружать — я должен скинуть часть груза и взять кое-что еще в Оклахома-Сити. А я тебя кормлю. Порядок?

— Порядок.

— Тогда почапали. Я хочу смыться отсюда до того, как тронутся остальные. Никогда не знаешь, кто из них может настучать. — Рэд кинул на стол бумажку и не стал ждать сдачу.

«Молли Мэлоун» была двухсот футов в длину и имела обтекаемую форму, создававшую на ходу

отрицательную подъемную силу. Макс понял это, глядя на приборы; когда она задрожала и приподнялась над землей на стоянке, шкала «расстояние от грунта» показала девять дюймов, а после разгона это расстояние уменьшилось до шести.

— Отталкивание обратно пропорционально кубу расстояния, — объяснил Рэд. — Чем сильнее воздух прижимает нас к полотну, тем сильнее дорога нас отталкивает. Это не дает нам прыгнуть за горизонт. Чем быстрее мы едем, тем устойчивее.

— А что, если ты пойдешь с такой скоростью, что воздух прижмет днище к дороге? Ведь тогда же все мы на куски разлетимся!

— Шевели мозгами. Чем сильнее мы проседаем, тем сильнее нас отталкивает вверх. Я же сказал, обратно пропорционально кубу.

— А, ясно. — Макс вытащил дядину счетную линейку. — Если она как раз удерживает свой вес при клиренсе девять дюймов, тогда при трех дюймах отталкивание будет в двадцать семь раз больше ее веса, при одном дюйме — в семьсот двадцать девять, а при четверти дюйма…

— О таком даже и не думай. Даже при максимальной скорости я не могу опустить ее до пяти дюймов.

— А что ее двигает?

— Сдвиг по фазе. Поле бежит вперед, а «Молли» пытается его догнать… и никогда не может. Ты только не пытай меня про всю эту теорию — я просто нажимаю кнопки. — Рэд закурил сигарету и, держа рычаг управления одной рукой, удобно откинулся на спинку сидения. — А теперь забирайся-ка ты, друг, в койку. Контрольный пост через сорок миль.

Койка была расположена за кабиной, поперек машины, это было что-то вроде полки над сиденьем. Макс вскарабкался туда и замотался в одеяло. Рэд подал ему шапочку, точь-в-точь как свою.

— Натяни ее себе на глаза, только пусть будет видно эту бляху. — Бляхой был значок Гильдии водителей. Макс сделал, как ему было сказано.

Через некоторое время звук встречного потока воздуха с негромкого рева перешел на легкое посвистывание, а потом и совсем стих. Грузовик осел на дорожное полотно, дверца кабины открылась. Он лежал тихо, и ему не было видно происходящего.

— И как долго ты ее гонишь? — спросил какой-то голос.

— Да вот, сел после завтрака у Тони.

— Всего-то? Что ж это у тебя такие красные

глаза?

— Это оттого, что я веду дурную жизнь. А язык показать?

На шуточку инспектор реагировать не стал, а вместо этого наставительно заметил:

— Твой напарник не расписался в путевке.

— Как вам будет угодно. Хотите, я разбужу этого придурка?

— Э-э… да нет, обойдемся. Распишись за него сам. Только скажи ему потом, чтобы был в другой раз повнимательней.

— Точно.

«Молли Мэлоун» тронулась с места и набрала скорость. Макс сполз вниз.

— Когда он спросил про мою подпись, я уже думал, что мы влипли.

— Да нарочно я это сделал, — ухмыльнулся Рэд. — Всегда надо кинуть им какую-нибудь косточку, чтоб погрызть, а то они сами начнут все раскапывать.

Грузовик Максу понравился. Огромная скорость, да еще так близко к земле, приводила его в восторг; он уже стал подумывать, что, если вдруг не удастся стать астронавтом, такая жизнь — это тоже было бы неплохо; он узнает, сколько надо на вступительный взнос в гильдию и начнет

откладывать деньги. Ему нравилась непринужденность, с которой Рэд выбирал на дорожном полотне линию, соответствующую скорости «Молли», и потом клал огромный грузовик в вираж. Обычно это бывала внешняя, самая быстрая линия, «Молли» заваливалась набок, и горизонт перекашивался под диким углом.

Подъезжая к Оклахома-Сити, они пролетели под кольцевыми направляющими ЧСЗ-дороги как раз в тот момент, когда проходил поезд — «Бритва», по расчетам Макса.

— Когда-то я водил эти штуки, — произнес Рэд, бросив взгляд вверх.

— Ты водил их?

— Ага. Но потом мне стало в них как-то неспокойно. Я ненавидел ощущение невесомости, которое появлялось при каждом прыжке. А еще мне стало казаться, что у поезда есть собственные намерения и он просто рвется свернуть вбок вместо того, чтобы спокойно войти в следующее направляющее кольцо. От таких мыслей не приходится ждать ничего хорошего. Тогда я нашел водителя, который горел желанием поднять свое положение, и заплатил обеим гильдиям за разрешение поменяться с ним. И не пожалел потом об этом ни разу. Две сотни миль в час на таком

малом расстоянии от земли — этого более чем достаточно.

— А как насчет космических полетов?

— Ну, это же совсем другое дело. Там у тебя есть свободное место со всех сторон. Знаешь, парень, когда ты будешь в Земпорте, обязательно хорошенько посмотри на эти большие штуки. Они того стоят.

Библиотечная книга прямо жгла Макса через рюкзак; в Оклахома-Сити он заметил почтовый ящик около стоянки грузовиков и, повинуясь мгновенному импульсу, кинул книгу туда. Сделав это, он почувствовал легкий укол беспокойства: этим он раскрывал свое местоположение, и этот ключ мог попасть к Монтгомери. Но, с другой стороны — ведь он же обязан вернуть книгу. Его не беспокоили нарушения закона: ни то, что он заходил в места, обозначенные «Вход воспрещен», ни то, что он сейчас изображал из себя второго водителя; невозвращение библиотечной книги — это было совсем другое дело. *Это был грех.*

Когда они прибыли на место, Макс спал на койке. Рэд потряс его за плечо.

— Парень, конец маршрута.

Макс сел, широко зевая.

— А где мы?

— Земпорт. Давай малость встряхнемся и разгрузим эту красотку.

К тому времени, как они разобрали груз «Молли», с восхода прошло два часа и уже становилось по-пустынному жарко. Рэд последний раз повел Макса завтракать. Он кончил есть первым, заплатил и затем положил рядом с тарелкой Макса бумажку.

— Спасибо, парень. А это — тебе на счастье. Пока.

Пока Макс сидел с раззявленным ртом, он уже исчез. Макс так никогда и не узнал его фамилии; он даже не заметил номера на его значке.

Земпорт был самым большим поселением, какое Макс когда-либо видел в своей жизни. Все здесь смущало и несколько пугало — спешащие куда-то толпы не обращающих ни на что внимания людей, огромные здания, движущиеся дорожки, заменявшие обычные улицы, шум, пустынное солнце, сверкавшее в небе, ровная, как стол, местность — это надо же, вплоть до горизонта невозможно было найти ни одного, даже самого завалящего холмика.

Тут он впервые увидел инопланетянина — восьмифутового уроженца Эпсилона Близнецов-V. Тот вышел из какого-то магазина со свертком

под левыми руками — так же непринужденно, подумал Макс, как фермер, явившийся в Углы за субботними покупками. Макс уставился на инопланетянина. По снимкам в газетах и СВ-программам он знал, что это за существо, но увидеть своими глазами — это ж совсем другое дело. Многочисленные глаза, видом напоминавшие цепочку желтых виноградин вокруг головы, придавали существу гротескный, вроде как безликий вид. Макс крутил головой, следя за ним.

Существо подошло к полицейскому, дотронулось одной из многочисленных рук до шапочки и произнесло:

— Проштите, пошалуста, шеф, вы не мокли пы шкашать, как пройти к атлетическому клупу «Пальмы пуштыни»? — Откуда исходили звуки — этого Макс так и не понял.

В конце концов Макс заметил, что, кроме него, никто не глазеет на инопланетянина; тогда он медленно побрел дальше, время от времени поглядывая назад. Это вскоре привело к тому, что он налетел на одного из прохожих.

— Ой, простите меня, пожалуйста! — испуганно выпалил Макс.

Незнакомец внимательно поглядел на него.

— Поосторожней, браток. Ты же теперь в боль-

шом городе.

После этого Макс старался быть внимательнее.

Он собирался сразу найти, где находится Гильдия Великого Братства астронавигаторов, в отчаянной надежде на то, что даже без дядиных книг и удостоверения личности он сможет доказать, кто он такой, и узнать, успел ли дядя Чет позаботиться о его будущем. Однако все вокруг было так интересно и так хотелось на все поглазеть, что он заблудился. Макс обнаружил себя в конце концов перед фасадом Имперского Дома, отеля, обещавшего обеспечить необходимое сочетание давления, температуры, освещения, атмосферы, псевдогравитации и питания для любого известного вида разумных существ. Он поошивался некоторое время неподалеку в надежде увидеть кого-либо из постояльцев, но единственный, появившийся из отеля за то время, пока он ждал, выкатился в чем-то вроде цистерны высокого давления, заглянуть внутрь которой не было никакой возможности.

Он заметил, что охранник, стоящий у двери отеля, поглядывает на него, и двинулся было дальше, но потом решил спросить, в какую сторону идти, рассуждая, что если уроженец созвездия Близнецов мог расспрашивать полицейского, то,

конечно же, и человек может сделать то же самое. И с удивлением обнаружил, что прямо цитирует инопланетянина.

— Простите, пожалуйста, сэр, вы не могли бы сказать мне, как пройти к Гильдии астронавигаторов?

Полицейский оглядел Макса.

— В конце Авеню Планет, перед самым портом.

— Мм… а в какую…

— Недавно здесь?

— Ага. Да, сэр.

— И где ты остановился?

— Остановился? Да пока еще нигде. Я только что сюда приехал. Я…

— А какие у тебя дела в Гильдии астронавигаторов?

— Это по поводу моего дяди, — жалко пробормотал Макс.

— Твоего дяди?

— Он… он астронавигатор, — Макс мысленно попросил у Бога прощения за использование в фразе настоящего времени.

Полицейский вновь оглядел его.

— Отправляйся по этой дорожке до ближайшего перекрестка, там перейди и ступай на запад. Это здоровое здание со знаком Гильдии — изобра-

жением солнца над входом. Мимо не пройдешь. Только не лезь в места, куда запрещен вход.

Макс двинулся, не дав себе труда выяснить, каким, собственно, образом он должен догадываться, куда запрещен вход. Найти Гильдию и вправду оказалось просто; бежавшая на запад движущаяся дорожка нырнула под землю, а когда она вновь вынырнула и пошла на поворот в обратную сторону, Макс оказался прямо перед нужным ему зданием.

Но глядел он не на него. На запад, где кончалась авеню и не было больше домов, расстилалась площадь космопорта, а на ней — корабли, миля за милей. Маленькие проворные стрелы боевых кораблей; тупорылые лунные челноки; крылатые работяги, которые обслуживают орбитальные станции; автоматические грузовики, мощные и неуклюжие. А прямо напротив входа, не более чем в полумиле от него, стоял огромный корабль, который он узнал с первого взгляда, — звездный корабль «Асгард». Он знал его биографию, на нем служил дядя Чет. Сотню лет назад его построили в космосе, это был корабль системы «космос-космос», не садившийся ни на какую планету, только тогда он назывался «Принц Уэльский». Прошли годы, с него сняли ракетные двигатели, разожгли

вместо них масс-конверсионный факел и дали ему новое имя: «Эйнштейн». Прошли еще годы, около двадцати лет он вращался вокруг Луны — бесполезная, допотопная пустая скорлупа. Теперь на нем вместо факела стояли движители Хорста-Конрада, отталкивающиеся от самой ткани пространства; благодаря им он смог наконец познакомиться с поверхностью Матушки-Земли. В ознаменование нового рождения он получил имя «Асгард», в честь небесного обиталища богов.

Его грузная грушеподобная туша покоилась на более остром своем конце, поддерживаемая лесом невидимых издалека выдвижных опор. Вокруг корабля стояло ограждение, долженствующее преградить неосторожным случайным людям путь в опасное место.

Макс прижался носом к входным воротам космопорта, пытаясь получше разглядеть этот корабль. Через некоторое время его окликнул чей-то голос:

— Брысь отсюда, Джек! Ты что, знака не видишь?

Макс взглянул на ворота. Над его головой висел знак «Запретная зона». Он с неохотой отошел от ворот и направился к зданию Гильдии.

Глава 4
ГИЛЬДИЯ АСТРОНАВИГАТОРОВ

Все в здании Великого Братства представлялось глазам Макса роскошным, устрашающим; впечатление было такое, словно находишься в церкви. Огромные двери при его приближении бесшумно раскрылись, уйдя куда-то в глубь стен. На покрытом ковром полу шагов было не слышно. Он глядел вдоль длинного, высокого фойе, раздумывая, куда же идти теперь, когда его остановил твердый голос.

— Я могу быть вам чем-нибудь полезной?

Он повернулся. На него смотрела строгого вида очаровательная молодая женщина. Она сидела за столом. Макс подошел к ней.

— М-м-м… Может, вы можете сказать мне, мисс-сис, к кому бы мне тут обратиться. Я, по правде говоря, не совсем точно знаю…

— Секунду. Пожалуйста, как ваша фамилия? — За несколько минут она вытащила из него все основные факты, связанные с его розысками. — Насколько я могу понять, вы не имеете здесь никакого статуса, а также и никакого повода

обращаться в Гильдию.

— Но я же вам рассказал, что…

— Ладно. Я передам это в юридическое управление. — Она дотронулась до какой-то кнопки, и из стола поднялся экран. Глядя на экран, женщина произнесла: — Мистер Хэнсон, вы можете уделить минутку?

— Да, Грейс?

— Тут у нас один юноша, который считает, что наследственно принадлежит к Гильдии. Вы можете с ним побеседовать?

— Грейс, — ответил голос, — вы же знаете, как это делается. Запишите адрес, пошлите его заниматься своими делами, а бумаги пришлите сюда для рассмотрения.

Она нахмурилась и тронула другую кнопку. Теперь, хотя Макс и видел, что женщина продолжает говорить, не слышал ни звука.

Поговорив, она кивнула, затем экран скользнул обратно в стол. Она тронула еще одну кнопку и позвала:

— Скитер!

Из двери за ее спиной выскочил мальчик-посыльный и оглядел Макса холодными глазами с головы до ног.

— Скитер, — продолжила она, — проводите

этого посетителя к мистеру Хэнсону.

Посыльный фыркнул:

— Его, что ли?

— Его. А кроме того, застегните воротник рубашки и выкиньте куда-нибудь эту свою жвачку.

Мистер Хэнсон выслушал рассказ Макса и передал его своему начальнику, главному юридическому советнику. Пришлось рассказывать в третий раз. Чиновник задумчиво побарабанил пальцами по крышке, а затем поговорил с кем-то, используя такое же заглушающее приспособление, как ранее девушка.

Потом он повернулся к Максу.

— Сынок, тебе очень повезло. Наипочтеннейший Верховный Секретарь соблаговолил уделить тебе несколько минут своего времени. Так вот, когда ты войдешь к нему, не садись, помни, что ты должен говорить только тогда, когда к тебе обращаются, и быстро удались, когда он скажет тебе, что аудиенция окончена.

По сравнению с кабинетом Верховного Секретаря вся та роскошь, которая поражала Макса до этого, казалась строгим аскетизмом. Один ковер стоил не меньше, чем вся ферма, на которой вырос Макс. Нигде не было видно средств связи, документов, не было даже письменного стола.

Верховный Секретарь полулежал в огромных размеров кресле, какой-то служитель массировал ему затылок. При появлении Макса Секретарь поднял голову и произнес:

— Входи, сынок. Садись сюда. Как тебя зовут?

— Максимиллиан Джонс, сэр.

Они глядели друг на друга. Секретарь видел долговязого юнца, которому не помешали бы стрижка, ванна и приличная одежда; Макс видел толстого коротышку в помятой униформе. Голова его казалась великовата для туловища, а что касается глаз, то Макс не мог решить однозначно — смотрят они сочувственно или холодно.

— И ты — племянник Честера Артура Джонса?

— Да, сэр.

— Я хорошо знал Брата Джонса. Великолепный математик. — Верховный Секретарь продолжил: — Я так понимаю, что ты имел несчастье потерять свое правительственное удостоверение личности. Карл.

Он не повышал голоса, однако в кабинете мгновенно появился молодой человек.

— Да, сэр?

— Сними отпечаток большого пальца этого юноши, свяжись с Бюро Идентификации — не здешним, а с главной конторой в Новом Вашинг-

тоне. Передай привет от меня начальнику Бюро и скажи ему, что я буду крайне благодарен, если они произведут идентификацию, пока ты находишься у аппарата.

С Макса быстро сняли отпечаток, и человек по имени Карл ушел из кабинета. Верховный Секретарь продолжил:

— Какова цель твоего приезда сюда?

Макс неуверенно объяснил, что дядя собирался представить его для ученичества в Гильдии.

— Так я и думал, — кивнул Верховный Секретарь. — Жаль разочаровывать тебя, юноша, но Брат Джонс не сделал никаких представлений.

Макс с трудом осознал смысл такого простого утверждения. Настолько его внутренняя гордость была связана с гордостью за профессию дяди, настолько все его надежды покоились на вере в то, что дядя назвал его наследником своей профессии, что он не мог так сразу принять приговор, что он — никто и ничто. Он выпалил:

— А вы совершенно уверены? Вы проверяли?

На лице массажиста появилось шокированное выражение, но Верховный Секретарь ответил спокойно:

— Архивы были обследованы, и не один раз, а дважды. Сомнений быть не может. — Он сел,

сделал легкое движение рукой, и служитель испарился. — Крайне сожалею.

— Но он же мне говорил, — набычился Макс. — Он говорил, что собирается.

— И несмотря ни на что, он этого не сделал. — Человек, бравший отпечаток пальца, появился в кабинете и передал Верховному Секретарю записку. Тот бросил на нее взгляд и откинул ее в сторону. — У меня нет ни малейших сомнений, что он думал о тебе. Представление кандидатуры в наше братство связано с серьезнейшей ответственностью; вполне обычна ситуация, когда бездетный брат в течение длительного времени присматривается к какому-либо подходящему парню, прежде чем решит, стоит он того или нет. По каким-то причинам твой дядя не назвал твоего имени.

Макс был крайне поражен этой унижавшей его теорией, что любимый дядя мог счесть его недостойным. Это не могло быть правдой — ведь как же, всего за день до своей смерти он говорил… Макс прервал свои мысли, чтобы сказать:

— Сэр, думаю, что я знаю, как это все получилось.

— Да?

— Дядя Честер умер внезапно. Он собирался

назвать меня, но не имел такой возможности. Я совершенно в этом уверен.

— Возможно. Нередко человек не успевает привести в порядок свои дела, прежде чем выходит на последнюю орбиту. Однако я обязан исходить из предположения, что он знал, что делает.

— Но как же…

— Молодой человек, это все. Нет, не уходи еще. Я думал о тебе сегодня. — На лице Макса появилось изумление. Верховный Секретарь улыбнулся и продолжил: — Видишь ли, ты — второй «Максимиллиан Джонс», явившийся к нам с этой историей.

— Как?

— Вот именно, как. — Он сунул руку в карман своего кресла, вытащил оттуда несколько книг и карточку и протянул их Максу, который смотрел, не веря своим глазам.

— Книги дяди Чета!

— Да. Другой человек, старше тебя, вчера появился здесь с этими книгами и твоим удостоверением. Но у него было поменьше амбиций, чем у тебя, — сухо добавил Секретарь. — Он был согласен на положение не столь высокое, как у астронавигатора.

— И что же вышло?

— Когда мы попытались снять у него отпечатки пальцев, он неожиданно исчез. Сам я его не видел. Но когда сегодня появился ты, мне уже стало интересно, сколько еще «Максимиллианов Джонсов» удостоят нас своим вниманием. В будущем береги получше эту карточку — я так понимаю, что мы спасли тебя от штрафа.

Макс положил удостоверение во внутренний карман.

— Огромное спасибо, сэр.

Он начал засовывать книги в свой рюкзак, но Верховный Секретарь жестом остановил его.

— Нет, нет! Верни, пожалуйста, эти книги.

— Так ведь дядя Чет подарил их мне.

— Очень жаль, но в самом крайнем случае он мог дать их тебе на время — и даже этого он не должен был делать. Орудия нашей профессии не бывают личной собственностью — они выдаются каждому из братьев на время. Выходя в отставку, твой дядя должен был их вернуть, хотя некоторые братья из сентиментальных соображений не хотят с ними расставаться. Передай их, пожалуйста, мне.

Макс все-таки медлил.

— Да ты сам подумай, — увещевающе сказал чиновник. — Разве годится, чтобы наши профес-

сиональные секреты бродили неведомо где и были доступны кому угодно. Такого не допускают даже парикмахеры. На нас лежит огромная ответственность перед народом. Законным хранителем этих руководств может быть только член нашей гильдии, который прошел обучение, тренировку, проверку, принял присягу и был принят.

Ответ Макса был еле слышен.

— Да что же в этом плохого? Я же не буду ими пользоваться, если на то пошло.

— Но ты, конечно же, не являешься сторонником анархии? Все наше общество базируется на том, что важные секреты доверяются только тем, кто этого достоин. Но ты не грусти. Каждый из братьев, когда ему выдаются орудия его труда, оставляет казначею задаток. Я считаю, что, так как ты ближайший родственник брата Джонса, мы вполне можем возвратить этот задаток тебе — за возвращение книг. Карл.

Молодой человек вновь возник едва ли не раньше, чем было произнесено его имя.

— Деньги из депозита, пожалуйста.

Деньги были у Карла с собой. Создавалось впечатление, что он зарабатывает себе на жизнь тем, что всегда знает, что Верховный Секретарь

собирается пожелать. Макс неожиданно для себя обнаружил, что принимает внушительную пачку денег — больше, чем он когда-либо в жизни видел; книги были взяты у него прежде, чем он смог придумать еще какое-либо возражение.

Похоже, что пора было уходить, однако ему снова жестом указали на стул.

— Мне лично очень жаль тебя разочаровывать, но я — лишь слуга своих братьев; у меня нет выбора. И в то же время… — Тут Верховный Секретарь сложил кончики пальцев своих рук друг с другом. — Наше братство не оставляет в беде своих. В моем распоряжении есть средства для таких случаев. Ты не хотел бы пойти в обучение?

— Для Гильдии?

— Нет, конечно же, нет! Мы не собираемся раздавать из соображений благотворительности членство нашего братства. Обучение какой-либо приличной профессии — кузнеца, или повара, или портного — что ты пожелаешь. Любой род занятий, не передаваемый по наследству. Братство поддержит тебя, заплатит за твое обучение и, если ученье хорошо пройдет, одолжит тебе деньги на вступительный взнос в гильдию.

Макс понимал, что должен с благодарностью принять это предложение. Ему бесплатно пред-

лагали благо, которое тысячи из кишащих на улице людей не получат никогда и ни на каких условиях. Однако некое врожденное чувство противоречия, то же самое, из-за которого он с презрением вылил на землю оставленный Сэмом суп, сделало так, что щедрое предложение костью застряло у него в глотке.

— Конечно, большое спасибо, — ответил он почти что уверенным голосом, — но я не думаю, что вправе на это согласиться.

На лице Верховного Секретаря появилось мрачноватое выражение.

— Ты так думаешь? Ну что ж, это — твоя жизнь, тебе и жить. — Он щелкнул пальцами, появился посыльный и проводил гостя на улицу.

Макс стоял на ступеньках здания Гильдии и отрешенно размышлял, что же делать дальше. Теперь его не привлекали даже корабли, стоявшие на космодроме; у него подкатывали слезы, если он смотрел на них. Вместо этого он взглянул на восток.

В этом направлении, на небольшом от него расстоянии некая подтянутая фигура стояла, небрежно облокотившись о мусорный бак. Когда глаза Макса остановились на этом человеке, тот выпрямился, бросил окурок на мостовую и на-

правился к нему. Макс вгляделся получше.

— Сэм!

Вне всяких сомнений, это был тот самый бродяга, который его обокрал, — хорошо одетый, гладко выбритый — но все равно тот же самый Сэм. Макс торопливо пошел ему навстречу.

— Приветик, Макс! — поприветствовал его Сэм без малейшей тени смущения. — И как делишки?

— Мне бы нужно сказать, чтобы тебя арестовали!

— Тише, тише, говори поспокойнее. Ты привлекаешь к себе внимание.

Макс глубоко вздохнул и заговорил потише.

— Ты украл мои книги.

— Ты говоришь — твои книги? Да они же не были твоими — я вернул их настоящим хозяевам. Ты что, хочешь, чтобы меня арестовали за это?

— Но ведь ты… И в любом случае ты…

За спиной Макса прозвучал голос, вежливый, твердый и официальный:

— Сэр, этот человек досаждает вам?

Макс повернулся и увидел полицейского. Он собрался было что-то сказать, но сразу прикусил язык, сообразив, что вопрос был адресован Сэму.

Сэм взял Макса за руку повыше локтя жестом

покровительственным и отеческим; хватка тем не менее была твердой.

— Да нет, офицер, все в порядке. Спасибо.

— Вы совершенно в этом уверены? Мне передали, что этот мальчонка двигается в эту сторону и чтобы я малость приглядывал за ним.

— Это мой друг. Я его здесь ждал.

— Как знаете. У нас уйма хлопот с бродягами. Похоже, все они так и рвутся в Зemпорт.

— Он не бродяга. Это мой молодой друг из провинции; боюсь, он тут немного запутался. Я за него отвечаю.

— Очень хорошо, сэр. Спасибо.

— Совершенно не за что. — Макс позволил Сэму увести себя. Когда они были вне слышимости полицейского, Сэм сказал: — Едва пронесло. Этот въедливый придурок засунул бы нас обоих в каталажку. Ты, парень, правильно сделал, что не разевал зря свою варежку. — Свернув за угол, он отпустил наконец руку Макса и широко ухмыльнулся. — Ну так что, парень?

— Мне надо было сказать ему все про тебя.

— И что ж ты молчал? Он же стоял перед тобой.

Макса разрывали противоречивые чувства. Само собой, он злился на Сэма, однако его первой,

непосредственной реакцией при виде бродяги было теплое чувство, которое испытываешь, увидев знакомое лицо в толпе чужих; злость пришла на какую-то долю секунды позднее. Теперь Сэм смотрел на него с легким цинизмом, по лицу его блуждала загадочная улыбка.

— Ну так что же, парень? — повторил он. — Если ты и вправду хочешь сдать меня, пошли назад и покончим с этим. Я не убегу.

Макс бросил на Сэма раздраженный взгляд.

— Да брось ты это, забудем!

— Спасибочки. Мне жаль, парень, что так вышло, честно жаль.

— Тогда зачем ты это сделал?

Лицо Сэма неожиданно приобрело печальное, отстраненное выражение, потом на нем вновь появился тот же жизнерадостный цинизм.

— Меня ввела в соблазн одна идея, старик, — у каждого человека есть свои пределы. Когда-нибудь потом я тебе все расскажу. А теперь — как насчет того, чтобы поработать челюстями и почесать языками? Тут неподалеку есть одна такая забегаловка, где можно потрепаться и этот самый шум не глушит тебя все время.

— Не знаю, хочу ли я.

— Да брось ты кочевряжиться. Еда там не бог

весть что, но все-таки получше моего супчика.

Макс был готов произнести выспреннюю речь о том, почему он не стал сдавать Сэма в полицию, и о том, почему у него нет ни малейшего желания разделить с Сэмом обед; однако при упоминании о супчике осекся. Он припомнил, как Сэм, не расспрашивая его о моральных устоях, просто поделился своей пищей.

— Ну… ладно.

— Вот это то, что я называю «правильный парень».

Они пошли по переулку. Этот район принадлежал к разновидности, которую можно найти поблизости от порта в любом портовом городе; как только они свернули с помпезной Авеню Планет, толпа стала гуще, шумнее, оживленнее и вроде как-то теплее и дружественнее, несмотря на сильный душок «не выпускай кошелька из рук». Крохотные портняжные мастерские, маленькие ресторанчики, не чересчур сверкавшие чистотой, дешевые гостиницы, сомнительные игорные заведения, какие-то притоны, выставки, как «образовательные», так и «научные», уличные торговцы, театрики с аляповатыми афишами, из чьих дверей просачивались звуки музыки, букмекерские конторы, притворяющи-

еся магазинчиками, астрологические салоны, притворяющиеся татуировочными ателье, и, конечно же, неизбежная миссия Армии Спасения придавали этому переулку аромат, которого не хватало его более пристойным родственникам. Марсиане в респираторах и темных очках со стеклами в форме листьев клевера, гуманоиды с Беты Ворона-3. какие-то твари с внешними скелетами, явившиеся Бог знает откуда, — все они толкались в одной толкучке с людьми всех возможных цветов и оттенков, и все сливались в легкое, непринужденное братство.

Сэм остановился перед заведением с древним традиционным знаком трех золотых шаров.

— Подожди здесь малость. Я сейчас.

Макс ждал, глазея на толпу. Вскоре Сэм снова появился, но без своего плаща.

— Ну, теперь мы можем и поесть.

— Сэм, ты что, заложил свой плащ?

— Возьми с полки пирожок. Как это ты догадался?

— Но ведь… Слушай, я же не знал, что ты на мели, у тебя такой процветающий вид. Забери его назад, я… я заплачу за обед.

— Надо же, это очень мило с твоей стороны, парень. Ты про это забудь. При здешней погоде

плащ мне ни к чему. Точно. Я так вырядился просто для того, чтобы произвести хорошее впечатление — как бы это сказать, в связи с одним небольшим делом.

— Но откуда ты… — начал было Макс и сразу смолк.

Сэм ухмыльнулся.

— Ты хочешь спросить, не спер ли я весь этот прикид? Нет. Я просто повстречал некоего обывателя, полного веры в проценты вероятности, и втянул его в дружественную азартную игру. Запомни, парень, никогда не делай ставки по этим самым процентам, умение гораздо важнее. А вот мы и пришли.

В зале, выходившем на улицу, был бар, в глубине находился ресторанчик. Сэм провел Макса через ресторан, через кухню, затем вдоль коридора, в комнатах по обеим сторонам которого шла игра в карты. В конце этого коридора был расположен меньший, не такой претенциозный ресторанный зал; Сэм выбрал столик в углу. К ним, приволакивая одну ногу, пришаркал огромного роста самоанец. Сэм поприветствовал его кивком.

— Приветик, Перси. — Затем он повернулся к Максу. — Сперва по одной?

— Да я, пожалуй, не буду.

— Очень правильно. И не пробуй эту гадость. Перси, мне ирландский и нам обоим, что у вас там есть на обед.

Самоанец молча продолжал стоять. Сэм пожал плечами и выложил на стол деньги. Перси их сгреб.

— Но я же собирался сам заплатить, — неуверенно возразил Макс.

— Можешь заплатить за обед. Перси — хозяин этого заведения, — добавил Сэм. — Он непристойно богат, но не думай, что он стал таким, доверяя типам вроде меня. А теперь расскажи, старик, о себе. Как ты сюда попал? Как ты там побеседовал с этими астронавигаторами… вообще все. Что, закололи они упитанного тельца?

— Да вроде нет.

Макс не видел, почему бы ему не рассказать все Сэму; кроме того, он вдруг почувствовал, что ему очень хочется говорить. Когда он окончил рассказ, Сэм кивнул.

— Чего-то в этом роде я и ожидал. У тебя есть какие-нибудь планы?

— Нет. Сэм, я не знаю, что мне теперь делать.

— Хм… С непрухой бороться трудно. Ешь пока, а я выпью.

Через некоторое время он добавил:

— Макс, а чем бы ты хотел заняться?

— Ну… я хотел быть астронавигатором…

— Об этом нет смысла и говорить.

— Понимаю.

— Ты мне скажи, ты хочешь быть навигатором и никем другим, или ты просто хочешь попасть в космос?

— Знаешь, я никогда не думал об этом с такой точки зрения.

— Ну, так подумай.

Макс подумал.

— Я хочу в космос. Даже если я не могу попасть туда в качестве навигатора, я все равно хочу — все равно кем. Но я не знаю как. Гильдия астронавигаторов была единственным местом, где у меня был хоть какой-то шанс.

— Есть всякие способы.

— Чего? Ты имеешь в виду — подать заявление на эмиграцию?

Сэм покачал головой.

— Чтобы попасть в одну из приличных колоний, надо значительно больше денег, чем ты можешь собрать, а попасть в те, куда можно бесплатно, я не пожелал бы и злейшему своему врагу.

— На что же ты тогда намекаешь?

Сэм ответил не сразу.

— Есть всякие способы провернуть это, сынок, если ты будешь меня слушаться. Этот самый твой дядя — ты много с ним общался?

— Конечно.

— И он рассказывал тебе про космос?

— Конечно же. Больше мы с ним ни о чем и не говорили.

— Хм… И ты хорошо знаешь ихний космический жаргон?

Глава 5
...ТВОИ ДЕНЬГИ И МОЕ УМЕНИЕ...

— Жаргон? — удивился Макс. — Я знаю, наверное, примерно то же, что и любой другой.

— Где находится Хитрая яма?

— Чего? Это центр управления.

— А если жулику потребуется покойник, где он его возьмет?

Тут Макс откровенно развеселился.

— Это же все просто чушь из СВ-сериалов, на борту никто так не разговаривает. Повар это повар, и, если ему потребуется кусок говядины, он пойдет за ним в морозилку.

— А чем отличается животное от скотины?

— Ну, скотина — это пассажир, а животное, наверное, — это просто животное.

— Если, скажем, ты на корабле, идущем на Марс, и вдруг объявили, что гикнулась силовая установка и корабль идет по спирали прямо к Солнцу. Что бы ты подумал?

— Я подумал бы, что какой-то шутник пытается меня перепугать. Перво-наперво, я не мог находиться «на» корабле, а только «в». Во-вторых,

спираль не относится к возможным орбитам. В-третьих, если корабль направлялся с Земли на Марс, он не мог бы упасть на Солнце, эти орбиты несовместимы.

— Ну, а если ты — член команды корабля, находишься в чужом порту и хочешь прогуляться, познакомиться с местными достопримечательностями. Каким образом ты пойдешь к капитану за разрешением?

— Так я же этого не буду делать.

— Ты просто смоешься с корабля?

— Дай мне закончить. Если я захочу прошвырнуться, я спрошу разрешения у первого помощника, капитан не занимается такой ерундой. А если корабль достаточно большой, я сперва спрошу разрешения у начальника своей секции. — Макс сел и пристально посмотрел на Сэма. — Сэм, ты же бывал в космосе. Правда ведь?

— Как такая глупая мысль пришла тебе в голову?

— Из какой ты гильдии?

— Заткнись, Макс. Кто не спрашивает, тому не соврут. Может, я все это изучил по чужим разговорчикам, так же как ты.

— Не верю я, — покачал головой Макс. По лицу Сэма было видно, что он оскорблен до глубины

души. Макс продолжил:

— Так к чему все это? Ты задаешь мне уйму глупейших вопросов. Конечно же, я про космос кое-что знаю: я читал о нем всю свою жизнь, и дядя Чет рассказывал мне целыми днями напролет. Но что с того?

Сэм поглядел на него и тихо произнес:

— Макс, «Асгард» уходит в ту среду к звездам. Ты хотел бы быть в нем?

Макс подумал. Быть в сказочном «Асгарде», лететь к звездам. Он отбросил эти видения в сторону.

— Не говори так, Сэм! Ты же знаешь, что я отдал бы за это свою правую руку. Зачем меня дразнить?

— Сколько у тебя денег?

— А? А что?

— Сколько?

— У меня даже не было времени их сосчитать. — Макс начал было вытаскивать из кармана пачку, но Сэм торопливо остановил его.

— Тсс! — сказал он. — Не надо размахивать деньгами в этом месте. Ты чего хочешь — поесть или чтоб тебе перерезали горло? Держи их под столом.

Пораженный Макс выполнил указание Сэма.

Еще больше его поразил результат подсчета денег; он понимал, что ему дали их много, но чтобы столько — у него этого и в мечтах не было.

— Так сколько же? — настаивал Сэм. Макс сказал ему, и Сэм тихо выругался. — Ну что же, этого как раз примерно хватит.

— На что хватит?

— Увидишь. А пока спрячь их подальше.

Спрятав деньги, Макс произнес несколько удивленно:

— Сэм, я и подумать не мог, что эти книги так много стоят.

— Да ничего они не стоят.

— Что?

— Это все лапша на уши идиотам. Так поступают многие гильдии. Они делают вид, что их профессиональные секреты — прямо-таки драгоценность, и для этого заставляют кандидата выложить кругленькую сумму за полагающиеся ему справочники и руководства. Если бы эти штуки публиковались обычным образом, они стоили бы куда меньше.

— Но это правильно, верно ведь? Как мне объяснил достопочтеннейший Верховный Секретарь, не годится, чтобы этими познаниями мог распоряжаться первый встречный.

Сэм издал малопристойный звук и сделал вид, что сплевывает.

— А какая разница? Ну вот, были бы они все еще у тебя, ну и что? У тебя же нет корабля, которым можно управлять.

— Но ведь… — Макс прервал фразу на полуслове и ухмыльнулся. — В любом случае ничего не изменилось от того, что они забрали у меня эти книги. Я же их читал, так что теперь знаю, что там в них.

— Знаешь, конечно знаешь. Ты, возможно, даже запомнил некоторые методы. Но у тебя нет всех этих колонок цифр, чтобы находить ту, которая тебе нужна тогда, когда она тебе нужна. Больше всего они беспокоятся как раз об этом.

— Да есть они у меня! Я же тебе сказал, что я их читал. — Макс наморщил лоб и начал цитировать: — Страница 272, Численное решение дифференциального уравнения движения методом Рикардо… — И он пошел выдавать последовательность семизначных чисел. Сэм слушал его со все растущим удивлением, а затем прервал:

— Парень, ты что — действительно все это помнишь? Ты не дуришь меня?

— Конечно нет, ведь я же читал все это!

— Да, чтоб меня… Слушай, ты что, из этих, ко-

торые читают страницу с одного взгляда?

— Нет, не то чтобы… Я читаю быстро, но мне нужно действительно читать. Но я ничего не забываю. Я никогда не мог понять, как это другие забывают. Я-то сам не могу ничего забыть.

— Я вот лично сумел позабыть целую уйму всякого, — потряс головой Сэм. — И слава Богу. — Он на несколько секунд погрузился в размышления. — Если так, то мы, пожалуй, можем забыть эту самую хохму, используем лучше твои хитрые способности.

— Про что ты там? Какую хохму?

— Мм… пожалуй, нет. Я все-таки был прав в первый раз. Идея была — убраться отсюда. С такой твоей памятью шансы становятся значительно лучше. Хотя ты пользуешься сленгом вроде бы вполне свободно, все равно я беспокоился. А теперь — нет.

— Сэм, кончай говорить загадками. Что это ты задумал?

— Ну ладно, парень, я выложу тебе все. — Он осторожно оглянулся по сторонам, наклонился к Максу и заговорил еще тише: — Мы берем эти деньги, и я распределяю их по нужным рукам. В результате к моменту взлета «Асгарда» мы зачислены в его команду.

— Как стажеры? У нас же не будет времени пройти наземную школу. Да и ты к тому же слишком стар для стажера.

— Шевели мозгами получше! У нас не хватит даже на один вступительный взнос, не говоря уж о двух, в любую из космических гильдий. Да и вообще «Асгард» не берет стажеров. Мы будем бывалыми странниками, членами одной из гильдий, и все это будет подкреплено документами.

— Но за это сажают в тюрьму! — возмутился Макс, кое-как переварив услышанное.

— А сейчас ты где находишься?

— Во всяком случае, не в тюрьме. И не собираюсь.

— Да вся эта драгоценная планета — одна большая тюрьма. И вдобавок переполненная. Ну какие у тебя шансы в жизни? Если ты не родился либо богатым, либо в одной из наследуемых гильдий, что ты можешь сделать? Только подрядиться в какую-нибудь трудовую корпорацию.

— Но есть же и ненаследуемые гильдии.

— А ты можешь заплатить взнос? Тебе остался год, может — два, а потом ты будешь слишком стар, чтобы быть стажером. Если хорошо уметь мухлевать в карты, можно и успеть накопить эти деньги, а заработать? На это уйдет вся твоя

жизнь! Эти деньги должен был скопить твой папаша, а он оставил тебе вместо этого ферму. — Сэм вдруг прервался и задумчиво укусил свой палец. — Макс, я буду с тобой честен. Ведь твой отец все-таки обеспечил тебе хороший старт. С теми деньгами, что у тебя теперь есть, ты вполне можешь вернуться домой, нанять адвоката попронырливее и, вполне возможно, вытащить из этого экспоната Монтгомери деньги, которые он жульнически получил за твою ферму. А потом тебе хватит на вступительный взнос в какую-нибудь гильдию. Сделай это, парень, сделай, я у тебя на пути стоять не буду. — Он испытующе глядел на Макса.

Макс думал о том, что всего несколько часов назад он отказался от возможности получить профессию бесплатно. Может, стоит передумать. Может быть…

— Нет! Это не то, что мне нужно. А эта самая твоя… идея — как мы все это устроим?

Сэм заметно расслабился и улыбнулся.

— Вот это молодец!

Сэм снял комнату как раз над рестораном Перси, в ней оставил Макса, а сам взял у него деньги и несколько раз куда-то уходил. Когда Макс попытался что-то возразить, Сэм устало сказал:

— Ну чего ты хочешь? Чтобы я оставил тебе в залог свою голову? Или ты хочешь, чтобы мы пошли вдвоем и перепугали их до потери пульса? Люди, с которыми я должен переговорить, не собираются рисковать. А может, ты считаешь, что можешь и сам все это организовать? Твои деньги и мое умение — такое у нас будет партнерство.

Когда Сэм ушел первый раз, Макса грызли сомнения, но вскоре тот вернулся. В один из разов Сэм привел с собой толстенную, преклонных лет даму, которая оглядела Макса так, словно тот был скотиной, выставляемой на продажу. Сэм не стал ее представлять, а вместо этого спросил:

— Ну как? Я думаю, что тут пригодились бы усы.

Дама посмотрела на Макса с одной стороны, потом с другой. И твердо отрезала:

— Нет.

Она потрогала голову Макса холодными, влажными пальцами; когда он испуганно отпрянул, она посоветовала ему: — Да не дергайся ты, сахарный ты мой. Тете Бекки предстоит над тобой потрудиться. Нет, мы сдвинем вверх край волосяного покрова вот здесь, у висков, чуть проредим волосы на макушке, уберем этот их блеск. Добавим для комплекта несколько легких морщинок,

татуированных около глаз. Мм… пожалуй, и все. Главное — не перестараться.

Когда эта пузатая художница окончила свою работу, Макс стал выглядеть на добрых десять лет старше. Потом она спросила Макса, как он хочет — чтобы корни волос были уничтожены или чтобы со временем волосы опять выросли? Сэм начал было настаивать на перманентности, однако она отодвинула его в сторону.

— Я дам ему пузырек «Чудодейственного восстановителя» — без всякой платы, это же просто спирт, а он будет натираться им на глазах у вашей публики со всей возможной суетой. Ну как, годится это, сладкий? Такого хорошенького не хочется старить навсегда.

Макс принял от нее пузырек с надписью *«Чудодейственный восстановитель — или волосы восстанавливаются, или деньги возвращаются».*

Сэм забрал у Макса его удостоверение личности и вернулся с другим. В этом новом удостоверении была правильная фамилия и неверный возраст, правильный номер и неверный род занятий, правильный отпечаток большого пальца и неверный адрес. Макс с любопытством осмотрел документ.

— Выглядит как настоящий.

— Еще бы. Человек, сделавший его, делает

настоящие тысячами. Только за такие он берет дополнительную плату.

Тем же вечером Сэм принес откуда-то книгу с названием «Корабельная экономика». На ее переплете был рельефно оттиснут герб Гильдии космических стюардов, поваров и счетоводов.

— Постарайся этой ночью не ложиться и запомни из нее, сколько сможешь. Даже с тем зельем, которое Перси подсыпал ему в стакан, ее хозяин не проспит больше десяти часов. Дать тебе таблетку, чтобы не уснуть?

— Да не надо. — Макс оглядел книгу. Она была довольно толстая и с мелким шрифтом. В пять утра Макс разбудил Сэма, вернул ему книгу и лег спать с головой, гудящей от штабелирования и приготовления груза, от расчетов распределения масс и моментов инерции, от гидропонических техник, учета груза, налоговых отчетов, диет, хранения и приготовления пищи, ежедневных, еженедельных и поквартальных отчетов и от рекомендаций, как избавиться от крыс в помещениях, которые невозможно освободить от персонала. Совсем ничего сложного, решил он, трудно было понять, почему такая ерунда считалась чересчур эзотеричной для непосвященных.

На четвертый день заточения Сэм снабдил Мак-

са поношенной корабельной формой и вручил ему потертую трудовую книжку в пластиковой обложке. Первая страница этой книжки провозглашала Макса полноправным братом стюардов, поваров и счетоводов, достойно завершившим ученичество. Далее перечислялись освоенные им ремесла. Еще выяснилось, что он уже семь лет регулярно платит ежеквартальные членские взносы. Откуда-то взявшаяся его собственная подпись стояла рядом с подписью Верховного Стюарда; обе они были продавлены рельефной печатью Гильдии. Последующие страницы книжки были заполнены перечислением его рейсов, оценкой его эффективности и прочими аналогичными данными, все записи были соответствующим образом подписаны первыми помощниками и казначеями. Макс с интересом узнал про себя, что он был оштрафован на трехдневный заработок за курение в запрещенном месте во время полета на «Лебеде» и что однажды, заплатив за это соответствующий взнос Гильдии картографов и вычислителей, проходил шестинедельное обучение с целью получить квалификацию картографа.

— Замечаешь тут нечто странное? — спросил Сэм.

— Мне тут все кажется странным.

— Тут сказано, что ты был на Луне. Все бывали на Луне. Только вот почти все корабли, на которых ты служил, уже списаны, и ни одного из твоих казначеев нет сейчас в Земпорте. А единственный звездный корабль, в котором ты совершал прыжок, пропал без вести в следующем же походе. Ясно тебе?

— Пожалуй, да.

— Когда ты будешь разговаривать с каким-нибудь другим космонавтом, на каком бы корабле он ни служил, ты служил на другом. Ведь ты же не будешь показывать свою книжку никому, кроме казначея и своего непосредственного начальника.

— А что, если кто-нибудь из них служил на одном из этих кораблей?

— На «Асгарде» этого не случится. Уж об этом-то мы позаботились. А теперь я выведу тебя в общество — на вечеринку. Ты пьешь исключительно теплое молоко по причине своей язвы и каюкаешь, если его нет. И ты почти ни о чем больше не разговариваешь — только о своих симптомах. Ты прямо сейчас же начинаешь создавать себе репутацию неразговорчивого: чем меньше разеваешь варежку, тем меньше шансов пролететь.

Следи за собой, парень, получше — весь вечер ты будешь среди космонавтов. Если у тебя это пойдет сикось-накось, ей Богу, я верну тебя на землю и полечу один. Дай-ка я еще погляжу, как ты ходишь.

Макс прошелся. Сэм тихо выругался.

— Ужас, ты так и продолжаешь ходить, как сельский дурачок. Да вытащи ты ноги из этой грязной борозды.

— Неужели совсем плохо?

— Что поделаешь, уж как есть. Хватай шапку. Будем ковать железо, пока горячо, а мосты за нами пусть горят синим пламенем.

Глава 6
АСТРОНАВТ ДЖОНС

«Асгард» стартовал на следующий день. Макс проснулся рано и попытался разбудить Сэма, однако это оказалось непростой задачей. В конце концов тот сел.

— Господи, да что же это с головой! Сколько времени?

— Около шести.

— Шесть, и ты меня разбудил? Ты должен быть благодарен судьбе за то, в каком я сейчас состоянии. Только оно мешает мне отправить тебя к твоим пращурам. Спи.

— Но сегодня же старт!

— Ну и что? Старт в полдень. Мы заявимся в последнюю минуту; таким образом у тебя будет меньше шансов лопухнуться.

— Сэм? Откуда ты знаешь, что они нас возьмут?

— Да бога ради, какой же ты зануда! Все же договорено. А теперь заткнись. Или иди вниз и завтракай — только ни с кем не разговаривай. И, если ты настоящий друг, принеси мне кофе

в десять.

— И завтрак?

— Не упоминай про пищу в моем присутствии. Имей хоть какое-нибудь сострадание.

Когда они появились у ворот порта, было уже полдвенадцатого; десять минут спустя автобус доставил их к кораблю. Макс начал было глазеть на огромные, вздувающиеся борта, однако это его занятие было прервано человеком, стоявшим около подъемника с листом бумаги в руках.

— Фамилии?

— Андерсон.

— Джонс!

Он отметил их в списке.

— В корабль. Вы обязаны были быть здесь еще час назад.

Вместе с ним они залезли в подъемник, клетка которого тут же оторвалась от бетона и пошла вверх, раскачиваясь на подвеске, как ведро в колодце.

Сэм поглядел вниз и зябко поежился.

— Никогда не уходи в рейс в бодреньком состоянии, — порекомендовал он Максу. — А то еще станет жалко расставаться с Землей.

Клетку втянули в корабль, люк закрылся, и они вступили на палубу «Асгарда». Макса пробирала

дрожь, как артиста перед первым выходом на сцену.

Он ожидал, что сейчас первый помощник возьмет с него присягу на верность команде корабля, как того требовал закон. Однако встретили его прямо-таки до унизительного буднично. Член команды, встретивший их у корабля, сказал, чтобы они шли за ним, и привел их в канцелярию казначея. Там старший делопроизводитель велел им расписаться и поставить отпечатки пальцев в толстой книге. При этом он широко зевал и все время стучал по своим крупным, как у лошади, зубам. Макс отдал ему свою поддельную трудовую книжку. Ему все время казалось, будто на ней огромными буквами стоит «фальшивка». Однако мистер Куйпер попросту бросил ее в корзину для входящих бумаг.

— На этом корабле всегда полный порядок, — сообщил он им устало. — Вы начинаете с того, что чуть не опоздали к старту. Худое начало.

Сэм не ответил ничего. Макс сказал:

— Да, сэр.

Старший делопроизводитель продолжал:

— Кидайте свои шмотки, ешьте и приходите сюда. — Он взглянул на висевшую на стене схему. — Один из вас будет в Д-112, а другой в Е-009.

Макс хотел было спросить, как туда добраться, но Сэм взял его за локоть и осторожно вытащил из канцелярии. Оказавшись за дверью, он сказал:

— Не задавай вопросов, если без этого можно обойтись. Сейчас мы на палубе Б, и это все, что нам нужно знать.

Пройдя немного, они обнаружили трап и пошли по нему вниз. Макс ощутил неожиданное изменение давления воздуха.

— Закупорились герметично, — пояснил Сэм. — Теперь скоро.

Они были в Д-112, кубрике на восемь человек, и Сэм показывал Максу, как пользоваться наборным замком единственного свободного шкафчика, когда раздалась какая-то команда, разнесенная громкоговорителями. У Макса на мгновение закружилась голова, и появилось ощущение, словно его вес пульсирует. Затем все это прекратилось.

— Они малость задержались с синхронизацией поля — или у этого ведра с гайками плохо сбалансированный фазирователь. — Он хлопнул Макса по спине. — Вышло, сынок.

Они были в космосе.

Е-009 был еще на одну палубу ниже и на другой стороне; они оставили там Сэмово хозяйство

и пошли искать, где на этом корабле едят. Сэм остановил проходившего мимо астронавта.

— Эй, друг, мы тут в первый раз. Где у вас кают-компания для команды?

— На этой палубе, градусов восемьдесят по часовой стрелке и малость внутрь. — Он оглядел их. — В первый раз, говоришь? Что ж, скоро все сами увидите.

— А что, так уж?

— И еще хуже. Дурдом в квадрате. Не было бы у меня семьи, остался бы дома. — И он зашагал дальше.

Сэм сказал:

— Ты, сынок, не обращай внимания. На каждом корабле старожилы рекламируют его как худший из сумасшедших домов во всем космосе. Предмет гордости.

Однако следующее их столкновение с местным бытом, похоже, подтвердило мрачное предсказание: оказалось, что раздаточное окно кают-компании закрылось в полдень, со стартом корабля; Макс уже скорбно приговорил себя к существованию с голодным брюхом до самого вечера. Однако Сэм толкнулся за перегородку и через некоторое время появился оттуда с двумя наполненными подносами. Они отыскали сво-

бодные места и сели.

— Как это у тебя выходит?

— Любой повар тебя накормит, если ты только дашь ему возможность спервa объяснить тебе, какая ты есть гнида и почему ему, вообще говоря, не стоило бы этого делать.

Еда была приличная — настоящие пирожки с мясом, овощи, ржаной хлеб, пудинг и кофе. Макс быстро смел все со своих тарелок и стал размышлять, не рискнуть ли ему попросить добавки, однако решил, что не стоит. Разговор за столом шел о том и о сем: только один раз появилась опасность того, что выявится неопытность Макса, это когда какой-то компьютерщик напрямую спросил его про последний совершенный им рейс.

Опасность отвел Сэм.

— Имперская разведка, — коротко ответил он. — Мы оба пока еще под колпаком.

Компьютерщик понимающе ухмыльнулся.

— И в какой же тюрьме вы сидели? Совет Империи уже не знаю сколько лет не посылал секретных разведочных экспедиций.

— А эта была такой секретной, что они даже тебе позабыли о ней сообщить. Ты напиши им письмо и хорошенько их за это взгрей, — Сэм

встал из-за стола. — Макс, ты уже закончил?

По пути в канцелярию казначея Макс с беспокойством размышлял о своих возможных будущих обязанностях, перебирая в уме те навыки и опыт, которыми он, если верить трудовой книжке, должен был обладать. Беспокойство его оказалось совершенно напрасным. Мистер Куйпер с великолепным пренебрежением ко всей этой писанине назначил его скотником.

«Асгард» был комбинированным кораблем — одновременно пассажирский лайнер и транспортник. На его борту был племенной герефордский скот — два быка и две дюжины коров, а также богатейший ассортимент прочих животных, в которых по экономическим или экологическим причинам нуждались колонии, в том числе свиньи, куры, овцы, пара ангорских коз и семейство лам. Насаждать предпочтительно земную фауну на других планетах противоречило имперской политике; от колонистов ожидалось, что они будут строить экономику, базируясь на эндогенную фауну и флору; однако некоторые животные столь долго разводились людьми для своих нужд, что заменить их экзотическими тварями было нелегко. На Шестой (б) планете Гаммы Льва, Новом Марсе, ящерообразные, назы-

вавшиеся на местном лексиконе «тупомордами», или, короче, «тупами», могли заменить и действительно заменяли першеронов в качестве тяглового скота, обеспечивая при этом более высокую эффективность и экономичность. Но люди их не любили. С ними никогда не было привычного взаимного доверия, которое возникает между лошадьми и людьми; если только (на что не похоже) какая-либо ветвь этих ящеров не разовьет хоть в некоторой степени способность к раппорту с человеком, они обречены со временем на вымирание и замену лошадьми. И все это — за смертный грех неумения заключить прочный союз с наиболее хищным, нетерпимым, смертельно опасным и процветающим зверем в исследованной части вселенной — с Человеком.

Еще была клетка с английскими воробьями: Макс так никогда и не выяснил, для какого места и зачем потребовались эти мелкие крикливые стервятники; не был он знаком и со сложным математическим анализом, на основании которого делались заключения по таким поводам. Он просто кормил их и старался поддерживать чистоту в их клетке.

На «Асгарде» были и коты, однако большинство из них были свободными гражданами и

равноправными членами команды корабля; в их обязанностях было не давать сильно расплодиться мышам и крысам, отправившимся в космос вместе с представителями человечества. Одной из обязанностей Макса было менять посудины с песком на каждой из палуб и относить перепачканные в оксидайзер для обработки. Были и домашние коты, принадлежавшие пассажирам, несчастные пленники, заключенные в конурах, неподалеку от стойл скота. Здесь же проживали и собаки пассажиров; собаки на свободе на корабле не допускались.

Максу очень хотелось поглядеть на Землю, как сжимается ее шарик в черной, бездонной пустоте, однако такая привилегия предоставлялась исключительно пассажирам. То краткое время, когда это было возможно, он провел, таская свеженакошенную тимофеевку с гидропонной плантации в стойла и чистя вышеуказанные стойла. К работе этой он отнесся безразлично — и без ненависти, и без любви; по случайности ему поручили как раз такую работу, которую он понимал.

Непосредственным его начальником был главный корабельный эконом, мистер Джордана. Мистер Джи разделял управление хозяйством

корабля с мистером Дюпоном, главным пассажирским экономом; их царства граничили по палубе С. Мистеру Дюпону принадлежали пассажирские помещения, каюты офицеров, канцелярии, центры управления и связи, в то время как Джордана отвечал за все, что ниже (то есть ближе к корме), не считая инженерного оборудования — за кубрики команды, камбуз и кают-компанию, кладовые, стойла и конуры, гидропонную палубу и грузовые трюмы. Оба они подчинялись казначею, который, в свою очередь, был ответствен перед первым помощником.

Организация службы на космических кораблях происходила частично от организации военных кораблей, частично — от организации старинных океанских лайнеров, частично — от конкретных условий межзвездных путешествий. Первый помощник был хозяином корабля; капитан, если у него хватало мозгов, не вмешивался в его дела. Капитан, хоть и будучи по закону монархом этого миниатюрного царства, глядел наружу; первый помощник глядел внутрь. Пока все шло хорошо, капитан занимался исключительно постом управления и астронавигацией; всем остальным заправлял первый помощник. Даже астронавигаторы, связисты, компьютерщики и картографы

подчинялись первому помощнику, хотя, когда они были на вахте, он практически не имел к ним никакого отношения, так как работали они в Хитрой яме под руководством капитана.

Старший механик также был под первым помощником, однако он был почти самостоятельным сатрапом. На подтянутом, хорошо дисциплинированном корабле стармех поддерживал свою латифундию в таком порядке, что у первого помощника не возникало необходимости о ней беспокоиться. Старший механик отвечал не только за силовую установку и Хорст-Конрадовские движители, но и за все вспомогательное инженерное оборудование, где бы оно ни стояло, — например, за насосы и вентиляторы гидропонных установок, несмотря на то что непосредственно агрикультурой заведовал казначей через старшего корабельного эконома.

Такова была обычная организация пассажиротранспортных звездных кораблей, одним из которых и являлся «Асгард». Она не совпадала с организацией боевых кораблей и столь же принципиально отличалась от организации транспортов, использовавшихся для доставки на начинавшие осваиваться колонии заключенных и голи перекатной, — на таких кораблях казна-

чейский департамент обычно ограничивался одним-двумя клерками, а всю работу выполняли пассажиры, они готовили пищу, прибирали, нагружали, разгружали, в общем, делали все. Но «Асгард» имел на борту платных пассажиров; состояния некоторых из них измерялись в мега-долларах. Они хотели иметь обслуживание, как в пятизвездочном отеле, даже находясь в космосе на глубине многих световых лет. Из трех основных департаментов «Асгарда» — астронавигационного, технического и хозяйственного, последний значительно превосходил остальные по численности персонала.

Первый помощник может подняться до своего статуса из положения старшего астронавигатора, старшего механика или казначея; однако только при условии, что раньше он был астронавигатором, он может надеяться стать капитаном. Три этих типа офицеров были в своей основе математиками, физиками и менеджерами; капитану была нужна совершенно математическая квалификация для занятий астронавигацией. Первый помощник Вальтер был прежде, как это чаще всего и бывает на лайнерах, казначеем.

«Асгард» был маленьким и мирным, крохотной управляемой планетой. На нем имелся свой

монарх — капитан, своя абсолютно бесполезная аристократия — пассажиры, своя технократия и, конечно же, свои пильщики дров и водоносы. На нем были флора и фауна в экологическом балансе, он нес свое собственное миниатюрное солнце, заключенное в недрах силовой установки. Хотя расписание его рейсов предусматривало пребывание в открытом космосе в течение всего нескольких месяцев за рейс, в принципе, он мог находиться там неопределенно долго. Конечно, у шеф-повара может кончиться икра, но недостатка в пище, воздухе, тепле и свете не возникнет никогда.

Макс решил, что ему повезло оказаться под началом мистера Джорданы, а не старшего делопроизводителя. Мистер Куйпер все время присматривал за своими подчиненными, в то время как мистер Джи редко когда вытаскивал свою толстую тушу из кабинета. Это был веселый и приветливый начальник — если, конечно, все шло к полному его удовлетворению. Мистер Джи считал чрезмерным трудом спуск вниз, к стойлам; когда он пришел к убеждению, что Макс заботливо относится к животным и поддерживает порученный ему участок в чистоте, то бросил проверки и только приказал Максу

ежедневно являться к нему с отчетом. Таким образом, у Джорданы оставалось больше времени, которое он мог посвятить своему истинному призванию — изготовлению некой разновидности водки на перегонном аппарате, стоявшем в уголке его каюты. Исходное сырье бралось с гидропонных плантаций, которые, что было весьма удобно, также находились в его ведении. Он развернул обширную нелегальную торговлю этим благородным продуктом среди команды. Макс редко открывал свой рот, но уши постоянно держал открытыми. В результате он разобрался, что такая деятельность была обычной на кораблях прерогативой старшего корабельного эконома. На нее смотрели сквозь пальцы, буде придерживалась она в определенных рамках. На корабле была, естественно, кают-компания, где подавалось вино, а также и бар, но все это — только для «скотов»; для рядовых космонавтов эти заведения были недоступны.

— Как-то я служил на корабле, — сказал Максу Сэм, — где Первый прикрыл это хозяйство: расшиб аппарат, послал эконома мести палубу и вообще устроил скандал. — Он сделал паузу, чтобы затянуться от сигары, подарка какого-то пассажира; они гужевались у Макса на скотном

дворе, приятно сочетая болтовню и отдых. — Ничего не вышло.

— Как так?

— А ты сам подумай. Все должно уравновешиваться. Любой спрос рождает предложение. В этом простом факте все и заключено. Уже через месяц считай что в каждом более-менее укромном уголке корабля стоял аппарат, и команда едва держалась на ногах. Так что капитан имел серьезный разговор с первым, после чего все опять пошло нормальным ходом.

Макс обдумал этот рассказ.

— Сэм? Ты что, был корабельным экономом?

— Как? С чего это ты взял?

— Ну… Ты бывал в космосе и раньше, теперь ты от этого больше не отказываешься. И я подумал — ну вот, ты же мне так и не сказал, к какой гильдии ты принадлежал, и как оказался на мели, и почему тебе пришлось заниматься этими подделками, чтобы снова попасть в космос. Конечно, это все не мое дело.

Обычная Сэмова циничная улыбка сменилась выражением печали.

— Макс, с человеком, решившим, что он поймал судьбу за хвост, может случиться все что угодно. Взять хотя бы то, что произошло с одним

моим дружком по фамилии Робертс. Сержант Имперской морской пехоты, хороший послужной список, полдюжины звездных прыжков, пара боевых наград. Неглупый парень, почитывал книжки для экзамена на младшего офицера. Так вот, он как-то опоздал к старту — попал на Землю первый раз за не знаю сколько времени и малость перестарался, отмечая это дело. Надо было ему, конечно, сразу же явиться с повинной, сняли бы с него лычки и жил бы дальше, не так это и страшно. Беда была в том, что у него еще не кончилась капуста, а к тому времени, как он был уже без гроша и трезвый, как стеклышко, стало поздно. У него не хватило духу явиться, пройти через трибунал и отмотать срок. У каждого есть свой предел.

Подумав, Макс спросил:

— Ты хочешь сказать, что служил в морской пехоте?

— Я? Да ты что, конечно, нет, я просто рассказал про этого Робертса, чтобы ты видел, что может быть, если расслабишься. Поговорим лучше о чем-нибудь более приятном. Что ты собираешься делать дальше?

— В каком смысле?

— Ну что ты собираешься предпринять после

этого прыжка?

— А... Думаю, что опять то же самое. Мне нравится в космосе. Постараюсь ни во что такое не ввязываться и постепенно дослужиться до старшего эконома или старшего делопроизводителя.

Сэм отрицательно потряс головой.

— Думай, сынок, лучше. Как ты это себе представляешь, что случится, когда отзыв о твоей службе на этом корабле придет в гильдию? А копия будет послана в Департамент Труда и Гильдий?

— Что?

— Я же тебе говорю. Может, сначала ничего такого и не произойдет, может, ты сможешь совершить еще один рейс. Но в конце концов все эти бюрократические шестеренки повернутся, они сравнят документы и с удивлением увидят, что в то время, как этот корабль держит тебя за опытного помощника эконома, их картотеки знать не знают никакого Макса Джонса. Наступит такой день, когда после посадки на Землю внизу, у лифта, тебя будет ждать пара придурков с пушками в карманах, и эти придурки прямиком отправят тебя в каталажку.

— Но как же, Сэм? Я думал, что все устроено!

— Не булькай. Гляди на меня, я же совершенно

спокоен, а меня все это касается не меньше, чем тебя. А точнее говоря, по причинам, в которые мы не станем здесь вдаваться, — больше. Как говорится, кто старое помянет — вылетит, не поймаешь. А что касается до «все устроено», то все, как я и обещал. Ты же здесь, правда? А картотеки… извини, старик, но чтобы малость подправить картотеку гильдии, потребовалось бы раз в десять больше денег. А что касается того, как выяснить, где в Новом Вашингтоне лежит некий конкретный микрофильм, и как заменить его липовым, в котором был бы этот самый твой послужной список, я, по правде говоря, даже не знаю, с чего тут и начать. Хотя и не сомневаюсь, что сделать это можно, имея достаточно времени, денег и сообразительности.

Ощущения Макса по осознании этой новости были почти идентичны тем, которые он испытал, когда Монтгомери объявил, что ферма продана. Несмотря на ту работу, которой ему приходилось заниматься на корабле, ему здесь нравилось, и у него и помыслов не было менять что-нибудь. Он хорошо ладил с начальником, понемногу сходился с товарищами по работе и чувствовал себя вполне уютно и безопасно, как птичка в гнездышке. А вот теперь гнездышко это было

грубо порушено. Да что там, оказалось, что ни в каком он не в гнездышке, а в самой настоящей мышеловке.

Макс побледнел. Сэм успокаивающе положил руку ему на плечо.

— Не мельтеши, парень. Не думай, что мы влипли.

— Тюрьма…

— Какая еще тюрьма?! Ты в самой что ни на есть безопасности, пока не вернешься на Землю. В Земпорте ты спокойно можешь сделать «Асгарду» ручкой, имея притом в кармане всю свою получку. У тебя будет в запасе несколько дней или недель, а то и месяцев, прежде чем кто-нибудь устроит шухер — или в центре этой твоей гильдии, или в Новом Вашингтоне. Ты сможешь затеряться среди четырех миллиардов людей. Твое положение будет ничем не хуже, чем тогда, когда ты первый раз на меня наткнулся — ты же помнишь, ты хотел тогда затеряться, помнишь? И у тебя в запасе будет один полет к звездам, о котором ты сможешь рассказывать внукам долгими зимними вечерами. А может, они никогда и не вспомнят о тебе; какая-нибудь канцелярская крыса засунет твой отзыв в ящик и будет он там лежать до скончания века. Или ты сумеешь убе-

дить какого-нибудь клерка в конторе мистера Куйпера нечаянно потерять копии этого отзыва и никуда их не посылать. Например, Нельсона, у него всегда какой-то голодный вид. — Говоря все это, Сэм внимательно глядел на Макса. Потом он добавил: — А то ты можешь сделать то же самое, что собираюсь сделать я.

Сперва до Макса дошла только часть того, о чем говорил Сэм. Потом он по второму разу проиграл в голове все услышанное и понемногу успокоился, начиная понимать, что положение его совсем не такое безнадежное. В том, что касается Нельсона, Сэм, похоже, был прав. Нельсон намекал уже обиняками, что совсем не обязательно оценки эффективности, стоящие в корабельных журналах, совпадают с теми, которые попадают в отчеты, — при определенных, ясное дело, обстоятельствах. Но тогда Макс об этом и не подумал, не имея ни малейшего представления, как давать взятку.

Когда прокручивание пленки в его голове дошло до последней ремарки Сэма, он встрепенулся:

— А что такое ты собираешься сделать?

Сэм внимательно разглядывал кончик своего окурка:

— Я соскочу.

Вот это уж понять было совсем не сложно. Однако по законам Империи преступление, которое собирался совершить Сэм, влекло за собой даже более тяжелое наказание, чем подделка документов гильдии. Дезертирство почти уравнивалось с предательством.

— Расскажи-ка мне поподробнее, — хриплым голосом сказал Макс.

— Давай-ка переберем в уме, где у нас будут посадки. Планета Гарсона, колонии, защищенные куполами, вроде как на Луне или на Марсе. В такой колонии ты или в точности выполняешь то, что тебе повелели власть имущие, или прекращаешь дыхательный процесс. Ты можешь даже спрятаться, получить новую личность, но, что ни делай, все равно ты будешь под этим куполом. Хорошего мало, даже на Земле свободы больше. Четвертая планета Ню Пегаса, Алкиона, совсем не дурна, хотя на ней и здорово холодно, когда она проходит афелий. Только вот она пока еще ввозит больше, чем вывозит. А это значит, что всем там крутят представители Империи, и местные носом землю будут рыть, чтобы словить дезертира. Далее мы подходим к Новой Земле, десятой Беты Водолея — а это, парень, как раз то, что доктор прописал и отчего поп пляшет.

— Ты там был?

— Один раз. И надо было там же и остаться. Макс, ты себе только представь место вроде Земли, но лучше, чем Земля вообще когда-нибудь была. Лучше погода, земля обширнее и плодороднее, леса, которые сами просятся, чтобы их рубили, дичь, которая, считай, сама в кастрюлю прыгает. Не нравится тебе поселок — ради бога, иди себе дальше и дальше, пока не окажется, что никого рядом нет. Ткни в землю семечко и отпрыгивай сразу в сторону, чтоб ростком не зашибло. Никаких надоедливых насекомых. Практически никаких земных болезней, а местные микробы наше племя на дух не переносят. Стремительные реки. Спокойные океаны. Ты б только видел…

— А если они нас словят и выдадут?

— Мало шансов. Тамошние колонисты сами хотят иметь побольше людей, а имперским они помогать не будут. Даже сбор налогов с них — веселенькое занятие для Имперского Совета. Да они даже и пытаться не будут поймать дезертира за пределами больших городов, — тут Сэм ухмыльнулся, — и знаешь, почему?

— Почему?

— А потому, что смысла нет. Имперского пошлют, чтобы он словил кого-нибудь вон за тем

бугром; пока он будет там оглядываться да приглядываться, то вдруг увидит, что на него глазеет златоволосая дочь какого-нибудь фермера — у них там по восемь-девять детей в семье и всегда есть уйма доченек, созревших для замужества и с во-о-от таким желанием сделать это. И вот в самом скором времени он уже фермер с бородой, женой и новым именем. Он же был холостяком и давно не был дома, а может, он женат на Земле и как раз из-за этого не хочет домой, хоть так, хоть сяк, но даже Имперский Совет не может бороться с человеческой натурой.

— Я не хочу жениться.

— Это — как вам захочется. Но что самое приятное, на этой планете царит какая-то уютная расхлябанность. За пределами городов нет налога на недвижимость. Никто не стал бы его платить; они бы просто снялись с места и пошли дальше, если только просто не пристрелили бы налогового инспектора. Никаких гильдий — ты можешь вспахать борозду, распилить доску, поездить на грузовике или нарезать резьбу на водопроводной трубе — и все в один день, ни у кого не спрашивая разрешения. Человек может делать все, что ему заблагорассудится, и никто его не остановит, не скажет ему, что у него нет прирожденного

права на это занятие, или что он недостаточно молод, чтобы начинать это делать, или что он не уплатил взнос. Все это колонистам до лампочки, у них больше работы, чем людей, которые могут ее делать.

Макс попытался представить себе такую анархию, но не смог. Он такого никогда не видел.

— А как же гильдии, они разве не против?

— Какие там на фиг гильдии? Конечно же, руководство их там, на Земле, пыталось что-то возражать, узнав о таком безобразии, но их не поддержал даже Имперский Совет. Они же не совсем идиоты и у них достаточно здравого смысла, чтобы не пытаться вычерпать море ложкой.

— И вот туда ты и собираешься направиться, — задумчиво сказал Макс. — Звучит привлекательно.

— Я собираюсь. Действительно, привлекательно. Там была одна девушка — о, теперь она, конечно же, замужем, они там рано замуж выходят, — но у нее были сестры. Ну так вот, как я себе это представляю — это касается и тебя, если ты тоже двинешь со мной. Так вот, в первый раз, как я выйду там на поверхность, я кое-кого повидаю. А в последний раз — я надеюсь, что это будет в последний вечер перед стартом, — я выйду из

корабля, потом через главные ворота и прямо за горизонт с максимально возможной скоростью. К тому времени, как меня отметят «не вернулся», я буду уже лежать на пузе на берегу журчащего ручейка в девственном лесу, растить бороду и учить наизусть свое новое имя. Если хочешь, ты будешь рядом. С удочкой.

Макс неловко заворочался. Сцена, нарисованная Сэмом, пробудила в нем деревенскую ностальгию, о присутствии которой в себе он даже не подозревал. Но не мог же он так сразу отбросить свое новое, столь долго им желанное положение космонавта.

— Я подумаю.

— Подумай, подумай. Времени у тебя для этого больше чем достаточно — несколько недель. — Сэм поднялся. — А я поспешу-ка лучше на место, пока Старый Добрый Хозяин Дюмон не начал беспокоиться, что меня там задерживает. Пока, сынок, и не забывай — только очень плохой ветер дует все время в одну сторону.

Глава 7
ЭЛДРЕТ

Служебные обязанности не приводили Макса на уровни выше палубы С кроме как для смены кошачьих посудин, а это он обычно делал рано, пока пассажиры не встали. Ему очень хотелось посмотреть пост управления, но случай не представлялся, это было еще выше пассажирских уровней. Время от времени кто-нибудь из владельцев одной из семи собак или трех кошек, находившихся на попечении Макса, заходил пообщаться со своей движимой собственностью. Иногда результатом этого визита бывали чаевые. По первости Макс отказывался из своей врожденной гордости горца, но Сэм быстро вправил ему мозги.

— Не будь идиотом, они же могут это себе позволить. Какой смысл отказываться?

— Но я же так и так гуляю ихних бобиков. Это же моя работа.

Может, слова Сэма и не убедили бы его, если бы мистер Джи не поднял разговора об этом в конце первой недели. Он, видимо, довольно точно пред-

ставлял себе обычную величину улова и ожидал получить с него некий процент «в социальный фонд».

Когда Макс задал Сэму вопрос, что это еще за фонд, Сэм рассмеялся.

— Оч-чень интересный вопрос. Есть еще какие-нибудь вопросы?

— Да, пожалуй, нет.

— Макс, я тебя просто люблю. Но ты все еще не можешь сообразить, что в чужой монастырь со своим уставом не суются. У каждого племени свои обычаи, и то, что хорошо в одном месте, никуда не годится в другом. Есть такие народцы, у которых первая обязанность любящего сына — угробить своего папашу и подать его на обед, как только сынок наберется силенок для такого мероприятия. И довольно цивилизованные народцы. Их даже признает дипломатически Имперский Совет. Вот как ты можешь оценить это с точки зрения морали?

Макс читал о таких культурах — тихие, миролюбивые бнаторы, неуклюжие, богатые двоякодышащие с Палдрона, которых можно было назвать какими угодно, только не тихими, вероятно, какие-нибудь еще… Он не ощущал себя вправе выносить суждение негуманоидным

расам. Сэм продолжал:

— Я встречал в жизни таких экономов, по сравнению с которыми эти мягкопузые смотрятся филантропами. Ты погляди на ситуацию с его точки зрения. Он считает все это прерогативой своего служебного положения, он считает эти деньги такой же естественной частью своего дохода, как и зарплата. Таков обычай. Он добился своего положения многими годами тяжкого труда и ожидает вознаграждения за это.

Сэм умеет убеждать, думал Макс — и все же не мог согласиться с его основной предпосылкой. Были вещи хорошие и были вещи плохие, это не зависело от того, где ты находишься, он ощущал это с внутренней убежденностью, укоренившейся в нем слишком глубоко, чтобы ее мог пошатнуть веселый цинизм Сэма. Макса беспокоило, что он находится там, где находится, благодаря мошенничеству; иногда он не мог уснуть, терзаемый угрызениями совести.

Однако еще больше его беспокоило то, что обман может выйти наружу. Он ни на минуту не переставал обдумывать предложение Сэма.

Единственным внеземным существом на попечении Макса была паукообразная собака с землеподобной планеты Гесперы. В первый день

исполнения своих обязанностей на «Асгарде» Макс обнаружил это существо в одной из клеток, предназначенных для кошек. Макс заглянул в эту клетку; на него смотрело маленькое, грустное, похожее на обезьянье лицо.

— Привет, человек!

Макс знал, что некоторые из паукообразных собак способны освоить человеческий язык в некотором объеме, но все равно от неожиданности отскочил. Несколько придя в себя, он осмотрел существо повнимательнее.

— Тебе привет, — ответил он. — Господи, да как же роскошно ты выглядишь.

На спине существа мех имел богатый, насыщенный зеленый цвет. Этот цвет переходил в оранжевый на боках и в нежно-кремовый на маленьком круглом брюшке.

— Хочу выйти, — констатировала паукообразная собака.

— Да не могу я тебя выпустить. У меня много работы.

Он прочитал прикрепленную к клетке карточку: «Мистер Чипс» было написано на ней. «Psevdocanis hexapoda hesperae.[1] Владелец: Мисс

---

[1] Примечания: 1

Псевдопес шестиногий гесперианский (лат.).

Э. Кобурн, А-092»; далее следовала подробная инструкция по обращению и питанию. Питался Мистер Чипс гусеницами, запас которых находился в отделении Н118 морозильника, а также свежими фруктами и овощами, как в сыром, так и в вареном виде; ему необходимо было давать йод в случае отсутствия водорослей и артишоков. Макс покопался в своей памяти, перебрал то, что читал про эти существа, и решил, что инструкция верна.

— Пожалуйста, выпусти! — настаивал Мистер Чипс.

Трудно было устоять перед этой мольбой. Ни одна прекрасная дева, взывающая с башни, в которую ее заточили злодеи, не смогла бы вложить больше чувства в свой зов. Помещение, где находились кошачьи клетки, было тесным, и дверь его запиралась; возможно, Мистеру Чипсу позволительно будет малость побегать, но это потом, сейчас Максу надо было позаботиться о других животных.

Когда Макс уходил, Мистер Чипс держался за прутья клетки и тихо всхлипывал. Макс оглянулся и увидел, что тот плачет самыми взаправдашними слезами. Одна капля дрожала на кончике смешного маленького носа; уйти от это-

го зрелища было почти невозможно. Сперва он покончил со стойлами, а потом взялся за кошек и собак; когда они были накормлены, а клетки их вычищены, он смог уделить внимание своему новому знакомому. Для начала он его покормил, что остановило слезы. Однако, когда он вернулся, требования выпустить возобновились.

— Если я тебя выпущу, ты потом вернешься в клетку?

Паукообразный щенок задумался. Было похоже, что условное предложение превосходит его семантические возможности, так как вместо ответа он повторил:

— Хочу выйти.

Макс решился рискнуть. Мистер Чипс вскарабкался к нему на плечо и стал рыться в его карманах.

— Конфета, — потребовал он. — Конфета?

Макс погладил его.

— Извини, друг. Я же не знал.

— Конфета?

— Нет конфеты.

Мистер Чипс лично это проверил, а затем устроился на сгибе Максовой руки, собираясь, похоже, провести здесь не менее недели. Он не очень походил, решил Макс, на собаку и уж совсем не

был похож на паука; только шести лап было многовато. У передних были крохотные ладошки, а средние могли служить как руками, так и ногами. Больше всего существо напоминало обезьянку, а на ощупь — кошку. От него исходил легкий пряноватый запах, и он, похоже, был очень чистым.

Макс попытался втянуть Мистера Чипса в разговор, но быстро обнаружил, что интеллектуальные его возможности крайне ограничены. Не подлежало сомнению, что он осмысленно использует человеческие слова, однако словарь его был не богаче, чем у не слишком сообразительного двухлетнего ребенка.

Попытка Макса водворить его обратно в клетку привела к двум десяткам минут активных физических упражнений, перемежавшихся патовыми ситуациями. Мистер Чипс метался над клетками, приводя кошек в истерику. Когда паукообразный щенок наконец великодушно позволил себя поймать, он все равно продолжал сопротивляться попыткам себя заточить; делал он это, цепляясь за Макса и всхлипывая. Кончилось все тем, что Макс укачал его, как ребенка, и положил в клетку сонного.

Это было ошибкой. Прецедент был создан, и с этого дня Максу не дозволялось покинуть поме-

щение с клетками, не укачав дитятко.

Он не понимал «Мисс Кобурн», упомянутую на карточке в качестве владелицы. Все владельцы кошек и собак приходили к своим питомцам, однако у Мистера Чипса посетителей не было. «Мисс Кобурн» рисовалась Максу как желчная старая дева с длинным иссохшим лицом, получившая животное в подарок на отъезд и недовольная этим подарком. По мере роста дружбы с паукообразным щенком воображаемый образ «Мисс Э. Кобурн» становился, если это возможно, еще менее привлекательным.

«Асгард» был в космосе уже свыше недели, и оставалось всего несколько дней до первого пространственного скачка, когда Максу предоставилась возможность сравнить этот воображаемый образ с реальностью. Он чистил стойла, Мистер Чипс сидел на его плече и подавал советы, когда из помещения с клетками послышался резкий голос.

— Мистер Чи-ипс! Чипси! Ты где?

Паукообразный щенок резко сел и повернул голову. Почти в тот же момент в дверях появилось молодое существо женского пола. Мистер Чипс взвизгнул: «Элли!» — и прыгнул хозяйке на руки. Пока они облизывали друг друга, Макс

присмотрелся. Шестнадцать, оценил он, может, семнадцать. А может, восемнадцать — кой черт, как можно в этом разобраться, когда бабы такое выделывают со своими физиономиями? Как бы там ни было, красавицей назвать ее было нельзя; выражение ее лица также мало помогало делу. Девица взглянула на Макса и зло спросила:

— Что ты делал с Чипси? Отвечай мне!

— Ничего, — еле сдержался Макс. — Если вы позволите, мэм, я продолжу свою работу. — Он отвернулся от нее и наклонился над своей шваброй.

Она схватила его за руку и развернула к себе.

— Отвечай мне! А то… а то… я капитану скажу, вот что я сделаю.

Макс досчитал до десяти, потом, для полной верности, вспомнил первый десяток чисел из семизначной таблицы натуральных логарифмов.

— Это ваше право, мэм, — сказал он со спокойствием, стоившим ему больших усилий, — но сперва скажите, как ваша фамилия и по какому делу вы здесь? Я заведую этими помещениями и отвечаю за этих животных — от имени капитана. — Он знал, что таков закон Космоса, хотя связь оного закона с данным случаем и была несколько натянутой.

На лице девицы появилось удивление.

— Как же, я же Элдрет Кобурн, — выпалила она таким голосом, словно это было всем известно.

— А по какому вы делу?

— Я пришла поглядеть на Мистера Чипса — разве не ясно?

— Очень хорошо, мэм. Вы можете навещать своего питомца в подходящее для этого время, — добавил Макс, дословно цитируя инструкцию. — После этого он должен вернуться в свою клетку. Вы не имеете права беспокоить прочих животных, а также кормить их. Такова инструкция.

Она хотела было что-то сказать, передумала и прикусила губу. Паукообразный щенок все это время переводил взгляд с одного лица на другое, вслушиваясь в разговор, далеко превосходящий возможности его понимания, хотя, возможно, он и ощущал кипевшие тут эмоции. Потом он протянул лапку и подергал Макса за рукав.

— Макс, — очень вовремя объявил Мистер Чипс. — Макс!

Лицо мисс Кобурн снова приобрело пораженный вид.

— Это твое имя?

— Да, мэм. Макс Джонс. Он, видимо, хочет меня вам представить. Это так, старик?

— Макс, — твердо повторил Мистер Чипс. — Элли.

Элдрет Кобурн посмотрела себе на ноги, потом с неловкой улыбкой подняла глаза на Макса.

— Вы тут, похоже, друзья. Я, кажется, наговорила чего не надо. Всегда я со своим языком…

— Я уверен, что вы не хотели меня оскорбить, мэм.

Макс продолжал говорить официальным голосом; она торопливо ответила:

— Но я же говорила грубости! Мне так жаль — мне всегда потом жаль. Но я так перепугалась, увидев, что клетка открыта и в ней никого нет. Я подумала, что лишилась Чипси.

Макс неохотно улыбнулся.

— Я понимаю. Ничуть вас не виню. Вы испугались.

— Вот именно, я страшно испугалась. — Она вскинула глаза. — Чипси зовет тебя Максом. Можно, я тоже буду звать тебя Макс?

— Почему же нельзя? Все так делают — это же мое имя.

— А ты зови меня Элдрет, Макс. Или просто Элли.

Пока Макс прибирал в стойлах, Элли оставалась там, играя со своим Чипси. Потом она вздохнула

и сказала:

— Думаю, мне надо бы идти, а то они там начнут меня искать.

— Вы придете еще?

— Конечно.

— М-м-м… Мисс Элдрет…

— Элли.

— Можно я спрошу вас? — Он говорил торопливо. — Может, все это и не мое дело, но что вас не пускало? Этой мелкой твари было жутко одиноко. Он уже думал, что вы его бросили.

— Не «он» — «она».

— Чего?

— Мистер Чипс — девочка, — произнесла она извиняющимся голосом. — Это была ошибка, которую может сделать кто угодно. А потом было уже поздно, перемена имени только совсем смутила бы ее.

Паукообразный щенок глянул своими сообразительными глазами и повторил:

— «Мистер Чипс — девочка». Элли, конфета?

— В другой раз, сладкая ты моя.

У Макса были большие сомнения в том, что имя было так уж важно, особенно если принять во внимание, что ближайшие паукообразные собаки были удалены на многие световые годы.

— Но вы не ответили на мой вопрос.

— О, я от всего этого так бесилась, что только что не кусалась. Они мне не разрешали.

— Кто это «они»? Твои родители?

— Да нет! Капитан и миссис Дюмон. — У Макса стало складываться впечатление, что вытаскивать информацию из нее не многим легче, чем из Мистера Чипса. — Понимаешь ли, меня принесли на корабль на носилках — какой-то дурацкий жар, наверное — пищевое отравление. Не могло быть ничего особо страшного, здоровье у меня, как у быка. Но они держали меня в постели, а когда врач разрешил мне вставать, миссис Дюмон сказала, что я не должна спускаться ниже палубы С. У нее какие-то занудные представления, что прилично, а что нет.

Вообще говоря, Макс понимал, с чем связаны возражения супруги эконома; у него уже были случаи убедиться, что среди его товарищей по команде встречались экземпляры, мягко говоря, грубые, хотя он и не думал, чтобы кто-либо из них рискнул задеть пассажирку. Да за такое капитан Блейн, пожалуй, выкинет проштрафившегося в космос.

— Поэтому мне пришлось улизнуть потихоньку. Они, наверное, уже меня обыскались. Мне

лучше бежать побыстрее.

Однако это не сходилось с планами Мистера Чипса. Она вцепилась в Элли и хныкала, иногда прерывая это занятие для того, чтобы вытереть слезы крошечными кулачками.

— Господи, да что же мне делать!

У Макса на лице появилось озабоченное выражение.

— Я, наверное, избаловал его — ее то есть, я имею в виду Мистера Чипса. — Он объяснил, каким образом возник ритуал укачивания дитятки.

— Но мне же надо идти, — растерялась Элли. — Что же мне делать?

— Давай попробуем, пойдет ли он — она — ко мне.

Мистер Чипс пошла. Элдрет торопливо погладила ее и убежала, после чего Мистеру Чипсу для того, чтобы уснуть, потребовалось времени даже больше обычного. Макс размышлял, поддаются ли паукообразные собаки гипнозу; этот ритуал начинал уже ему надоедать.

Элдрет появилась на следующий день, сопровождаемая неусыпной в своей бдительности миссис Дюмон. Макс выказывал все возможное почтение жене эконома и не забывал называть

Элдрет исключительно «Мисс Кобурн». Наследующий день она явилась уже в одиночку. Он посмотрел ей за спину и изумленно воздел брови.

— А где же твоя дуэнья?

Элдрет хихикнула:

— Дюмонтиха посоветовалась со своим супругом, и тот вызвал твоего начальника — этого самого, толстого. Они сошлись во мнении, что ты — идеальный маленький джентльмен, абсолютно безопасный. Как тебе это нравится?

Макс поразмыслил.

— Честно говоря, по основному роду занятий я — убийца, но сейчас у меня отпуск.

— Вот и прекрасно. Что это у тебя здесь такое?

Это был набор для игры в трехмерные шахматы. Макс играл в них с дядей, это была любимая игра всех астронавигаторов. Обнаружив, что в нее играет кое-кто из картографов и компьютерщиков, он инвестировал свои чаевые в покупку набора в корабельной лавке. Набор был дешевенький, без предупредительных лампочек и дистанционного управления, просто этажерка из прозрачных пластин с фигурами не резными, а штампованными, однако для игры этого было достаточно.

— Это объемные шахматы. Когда-нибудь ви-

дела?

— Да. Только я не знала, что ты в них играешь.

— А почему нет? Ты играешь в обычные шахматы?

— Немножко.

— Ну так принципы те же самые, только фигур больше и есть еще одно направление, в котором можно ходить. Давай, я тебе покажу.

Она села, скрестив ноги, напротив него, и он показал ей ходы.

— Вот это автоматические транспортники, то есть пешки. Они могут превратиться во все что угодно, если дойдут до дальнего края. Вот эти четыре — звездные корабли, они одни ходят не по прямой, вроде коней. Они должны совершать пространственный скачок, всегда с того уровня, на котором стоят, на какой-нибудь другой, и этот скачок производится определенным образом, например так — или так. А это — Имперский флагман, это ему объявляется шах или мат. Потом есть еще… — Они сыграли пробную игру с помощью Мистера Чипса, которая с энтузиазмом двигала фигуры, не вникая особенно, чей сейчас ход.

Потом Макс сказал:

— Ты сечешь довольно быстро.

— Благодарствую.

— Только настоящие игроки, конечно же, играют в четырехмерные.

— А ты умеешь?

— По правде, нет. Но я когда-нибудь научусь, просто надо все время удерживать в голове на одну пространственную связь больше. Мой дядя играл. Он и меня хотел научить, но только умер. — Тут Макс поймал себя на том, что рассказывает про своего дядю. Он кончил этот рассказ без упоминания обо всех своих разочарованиях.

Элдрет взяла с одной из плоскостей звездный корабль.

— Макс, а что, скоро уже будет первый скачок, правда?

— А сколько сейчас?

— Э-э… шестнадцать двадцать одна — слушай, мне бы лучше уже бежать наверх.

— Тогда это будет через… примерно через тридцать семь часов и семь минут, если по корабельному расписанию.

— Ты, похоже, разбираешься в таких штуках. Ты не можешь мне объяснить, что это такое мы сделаем. Я слышала раз, как один астронавигатор говорил про это за столом, только совсем ничего не поняла. Мы вроде как ныряем в свернутое

пространство, я это верно уловила?

— Да нет, не свернутое пространство. И вообще это — дурацкий термин. Пространство не «сворачивается». Мы направляемся к месту, где пространство по-настоящему плоское, а не искривлено, как около звезд. Зоны пространственных аномалий всегда плоские иначе они не могли бы совмещаться друг с другом — быть конгруэнтными.

На лице Элли изобразилось непонимание.

— Как ты это сказал?

— Слушай, Элдрет, как далеко ты продвинулась в математике?

— Я? Я прогуляла неправильные дроби. Мисс Мимси очень на меня сердилась.

— Мисс Мимси?

— Школа мисс Мимси для молодых леди, так что ты видишь, что я могу внимать тебе с полным пониманием. — Она скорчила рожу. — Но ты же сам говорил, что ходил в сельскую среднюю школу, да и ту не кончил. Ведь так?

— Да, но только я много узнал у дяди. Он был великий математик. Конечно, его именем не названа какая-нибудь теория, но он, думаю, все равно великий. — Макс помолчал. — Я не знаю, как тебе это рассказать, тут нужны уравнения.

Слушай! Дай мне на минутку эту твою косынку.

— Бери. — Она сняла косынку с шеи.

Косынка была украшена стилизованным изображением Солнечной системы, это был сувенир Дня Солнечного Союза. Посреди квадратного куска ткани красовалось солнце; далее шли окружности, обозначавшие орбиты планет; для пущей важности было добавлено несколько комет. Масштаб был совершенно искажен; как структурная схема родной системы эта штука не годилась совершенно, но для данного случая ее было вполне достаточно. Макс взял косынку в руки и сказал:

— Вот тут у нас Марс.

— Ты это прочитал. Так нечестно.

— Да помолчи ты секунду. А вот тут — Юпитер. Чтобы с Марса добраться до Юпитера, тебе надо пройти отсюда досюда, верно?

— Очевидно, так.

— А теперь предположим, что я сложу косынку так, что Марс ляжет на Юпитер? Что тогда помешает просто сделать один шаг?

— Ничего, я думаю, не помешает. За исключением того, что то, что легко сделать с косынкой, не так-то просто сделать с настоящим пространством. Правда ведь?

— Да, это невозможно поблизости от звезды. Но если уйти от звезды на приличное расстояние, все получается великолепно. Понимаешь, это как раз и есть то, что называется аномалией, место, где пространство сложено само с собой, почему огромное расстояние сводится к нулю.

— Так значит, пространство все-таки свернуто!

— Нет, нет и нет. Смотри, я же просто сложил твою косынку, я же нигде ее не растягивал, не менял ее форму. Я же не сделал на ней ни одной морщинки. Пространство остается тем же самым, оно просто сложено, как ненужная бумажка, — но оно не свернуто. Оно просто сложено. Ну, понятно, для этого нужны дополнительные измерения.

— Не вижу я никакого «понятно».

— В уравнениях все это очень просто, но трудно говорить об этом, если ты этого не видишь. Пространство — наше пространство — можно так смять, что все оно поместится в чашку — все оно, все его сотни тысяч световых лет. Но, понятно, в четырехмерную чашку.

Элли вздохнула.

— Не понимаю я, как в эту твою четырехмерную чашку можно кофе-то налить, не говоря уже о целой Галактике.

— Ничего трудного. Ты же можешь затолкать эту тоненькую косыночку в наперсток. Тот же самый принцип. Но дай мне закончить. Понимаешь, раньше думали, что ничто не может двигаться быстрее света. Ну так это было и правильно, и неправильно. Это…

— Ну как может быть одновременно и то и другое?

— Это и есть один из парадоксов Хорста. Нельзя двигаться быстрее света, пока находишься в нашем пространстве. Если попытаешься это сделать, ты из него вырвешься. Но если ты сделаешь это в таком месте, где пространство сложено само с собой и себе конгруэнтно, то снова вырвешься в свое собственное пространство — но очень-очень далеко от первоначального места. Как далеко — это зависит от того, как сложено пространство. А это, в свою очередь, зависит от распределения масс в пространстве, зависит сложным образом, который нельзя описать словами, но можно вычислить.

— Ну, а если попробовать сделать это в первом попавшемся месте?

— Вот так и делали самые первые. Они не вернулись. Именно поэтому опасны разведочные прыжки. Разведочные корабли прорываются

сквозь такие аномалии, которые найдены теоретически, но ни разу не опробованы. Это и есть причина, по которой так много платят астронавигаторам. Они должны привести корабль в такое место, которое не отличимо глазом, и они должны привести его сюда со скоростью, почти равной скорости света, и они должны резко придать ему ускорение точно в заданной мировой точке. Опусти при вычислениях последний знак числа или для ускорения дела используй более короткий путь через область, в которой имеется неопределенность, и — будь здоров. Так вот, мы двигаемся с ускорением двадцать четыре g с того самого момента, как вышли из атмосферы. Конечно же, мы не чувствуем этого, мы находимся в разрывном поле, при искусственной гравитации в одно g, — это другой из парадоксов Хорста. Но мы теперь подходим вплотную к скорости света, прямо к самой Эйнштейновой границе; очень скоро нас выщелкнут, словно арбузное семечко между пальцами, и мы выскочим поблизости от Тэты Кентавра, на расстоянии в пятьдесят восемь световых лет. Очень просто, если только верно все делать.

Элли поежилась.

— Ты имеешь в виду — если мы выскочим.

— Ну… Пожалуй, что и так. Но это гораздо безопаснее полета на вертолете. И погляди на это еще с такой стороны: если бы не аномалии, мы бы никогда не достигли звезд, слишком уж они далеко. Но теперь, глядя назад, кажется совершенно очевидным, что все эти огромные пустые пространства не могли быть реальными, аномалии должны были существовать. Так говорил мой дядя.

— Наверное, он был прав, хотя я ничего здесь и не понимаю. — Элли раскутала ноги и поднялась. — А вот что я очень хорошо понимаю, так это, что мне надо бежать наверх, а то миссис Дюмон может и передумать. — Элли потискала Мистера Чипса и сунула мелкую тварь Максу в руки. — Покачай малость ребеночка — ну вот, молодец.

Глава 8
ТРИ ПУТИ НАВЕРХ

Макс намеревался бодрствовать во время первого скачка, но проспал. Скачок был в пять с минутами ночи по корабельному времени. Когда утренняя побудка разбудила его в шесть, все было уже кончено. Он быстро натянул одежду, кипя негодованием на самого себя за то, что не проснулся раньше, и поспешил наверх. Переходы выше палубы С были тихими и пустынными, даже самые ранние пташки из пассажиров не появятся еще по крайней мере час. Он сразу направился в гостиную палубы Б, пересек ее и подошел к иллюминатору, устроенному здесь для удовольствия богатенькой публики.

Звезды были такими же, как обычно, однако привычные с древности созвездия исчезли. Один только Млечный Путь, наша собственная Галактика, казался таким же, как всегда, — для этой чудовищно огромной спирали, состоящей из миллионов звезд, имеющей поперечник в сотни тысяч световых лет, крохотное — менее шести десятков световых лет — перемещение не имело

значения.

Одна из звезд была очень яркой, желтоватого цвета. Макс решил, что это и есть Тэта Кентавра, солнце Планеты Гарсона, первой их остановки в пути. Он быстро ушел, не желая рисковать быть пойманным. Шляться без дела в местах, отведенных пассажирам, ему не полагалось. Он быстрее обычного сменил кошачьи посудины — повод для выхода наверх — и к завтраку уже вернулся в кубрик.

Переход к Планете Гарсона занял почти целый месяц даже при огромном ускорении, развиваемом кораблем с движителем Хорста-Конрада. Элдрет продолжала свои ежедневные посещения для свиданий с Мистером Чипсом — а также для того, чтобы поболтать и поиграть в 3-шахматы с Максом. Он узнал от нее, что, хотя она и родилась не на Гесперe, а в Окленде, на Земле, все равно родиной своей считает Гесперу.

— Отец послал меня на Землю, чтобы из меня сделали леди, но ко мне это как-то не привилось.

— Что ты хочешь сказать?

— Я трудный ребенок, — ухмыльнулась Элли. — Поэтому меня и послали домой. Макс, тебе шах. Чипси, положи эту штуку на место. Знаешь, эта мелкая тварь всю дорогу тебе подыгрывает.

Мало-помалу он разобрал, что говорила Элли. Школа мисс Мимси была третьей кряду, из которой ее исключили. Ей не нравилась Земля, она была полна решимости вернуться домой и для этого создавала царство ужаса в каждом из заведений, заботам которых ее вверяли. Отец — мать ее умерла — очень хотел дать своей дочери «приличное» образование, но ее стратегическая позиция была куда сильнее, она могла диктовать свою волю. Отцовские адвокаты на Земле умыли руки и спровадили ее домой.

Сэм совершил ошибку, начав поддразнивать Макса про Элдрет.

— Сынок, вы с ней уже назначили день?

— Кто назначил, какой такой день?

— Да брось ты! Про это же знает весь корабль, может, за исключением капитана. Ну для чего пудрить мозги старому другу.

— Не понимаю, про что это ты говоришь.

— Я же тебя не критикую, я тобой восхищаюсь. У меня самого никогда не хватило бы нервов рассчитать такую траекторию. Но, как говаривал мой покойный дедуля, есть только три пути вверх: талант и пот, рождение в нужной семье, хорошая женитьба. Из всех трех лучший — жениться на дочке босса, потому что… Эй, потише!

Не заводись! — И Сэм ускользнул из области досягаемости Макса.

— Возьми свои слова назад!

— Беру, беру! Я был неправ. Но имей в виду, что все, мной сказанное, вдохновлялось чистейшим восхищением. Согласен, я ошибался. Посему извиняюсь и беру свои слова назад.

— Но… — Макс не мог сдержать улыбку. На Сэма невозможно было злиться долго. Несомненно, он был бездельник, возможно — дезертир, совершенно точно — циник, во всем видящий только низкое, но (и с этим ничего не поделаешь) Сэм был его другом.

— Да я понимал, что ты шутишь. Как же я мог думать о женитьбе, если мы с тобой решили…

— Сбавь громкость, — тихо сказал Сэм. — Так ты тоже решил?

— Да. Я думаю, что это — единственный возможный выход. На Землю я возвращаться не хочу.

— Молодец. Ты об этом не пожалеешь. — Сэм немного задумался. — Нам понадобятся деньги.

— А что, у меня уже что-то есть на корабельном счету.

— Не будь идиотом. Ты только заикнись, чтобы взять больше, чем на карманные расходы, и тебе

больше и коснуться бетонки не дадут. Но ты не беспокойся, прикопи свои чаевые — ту часть, которую Жиряга тебе оставляет, — и я добуду нам, сколько надо. Сейчас моя очередь.

— Каким образом?

— Есть уйма способов. Но это — не твое дело.

— Ну… ну ладно. Слушай, Сэм, а что это ты имел в виду, когда ты… я, значит… ну, если предположить, что я хотел жениться на Элли — я, конечно же, не хочу, она еще совсем ребенок, да и я совсем не собираюсь жениться, — но если вообще предположить? Кому какое дело?

У Сэма на лице появилось удивление.

— Ты что, не знаешь?

— А чего бы я спрашивал?

— Ты что, не знаешь, кто она такая?

— Чего? Звать ее Элдрет. Фамилия Кобурн, и направляется она домой на Гесперу, она из колонистов. А что?

— Бедняжка ты мой глупенький. Она тебе никогда не говорила, что она — единственная дочь Его Высокопревосходительства генерала сэра Джона Фицжеральда Кобурна, кавалера ОБИ, КБ, ОСУ и, вполне возможно ЁКЛМН, Чрезвычайного и Полномочного Посла и одновременно — Верховного Комиссара Империи на Гесперe.

— Че-его? Господи ты Боже ты мой!

— Усек? Чуть-чуть тебе сообразительности и обходительности, и ты, самое малое, сможешь жить на его деньги. Только назови любую из планет — не считая, конечно, Гесперы, — и он их тебе будет присылать.

— Да ну тебя к черту. Но в любом случае она — хорошая девчонка.

Сэм гнусно хихикнул.

— Конечно, конечно. Но, как говаривал покойный дедуля, в добром деле обязательно что-нибудь да прилипнет к рукам.

Неожиданная новость обеспокоила Макса. Ясное дело, он понимал, что она из обеспеченной семьи, в конце концов, она же была пассажиркой. Но он никогда не испытывал благоговения перед богатством. Личный успех, примером которого был его дядя, внушал ему гораздо больше уважения. Но тот факт, что Элдрет принадлежит к такому невероятно высокому слою общества, а также гнусные инсинуации, что он, Максимиллиан Джонс, — охотник за чужим состоянием и человек, пытающийся посредством брака вскарабкаться по социальной лестнице, — все это выводило из равновесия.

Макс решил положить этому конец. Начал он с

того, что накапливал работу в таком количестве, что мог, не погрешив против истины, сказать, что у него нет времени играть в 3-шахматы. Тогда Элли взяла в руки вилы и стала ему помогать. Играя после этого игру, которой не удалось избежать, он сделал попытку прямого разговора.

— Слушай, Элли, я думаю, что тебе не стоит бывать здесь, внизу, подолгу и играть со мной в эти шахматы. Другие пассажиры ходят сюда к своим кошкам и собакам. Они замечают и начинают сплетничать.

— Тьфу на них.

— Я точно говорю. Мы-то с тобой знаем, что все в порядке, но выглядит это как-то не так.

Она выпятила нижнюю губу.

— У меня что, будет с тобой серьезная беседа? Ты разговариваешь в точности как мисс Мимси.

— Ты можешь, конечно, ходить сюда к Чипси, но лучше бы тебе делать это с кем-нибудь еще из собаковладельцев.

Элли, видимо, собиралась резко ему ответить, потом пожала плечами.

— О'кей, да и вообще это не самое удобное место. Теперь мы будем играть в гостиной палубы Б после твоей работы, по вечерам.

Макс было завозражал, что мистер Джордана

не позволит ему этого; она быстро ответила:

— Про своего начальника ты не беспокойся. Я могу обвести его вокруг своего мизинца. — Последнее она проиллюстрировала жестом.

Воображаемая картина массивного мистера Джи в таком неожиданном положении несколько замедлила ответ Макса, но в конце концов этот ответ последовал.

— Элли, ведь член команды не имеет права пользоваться гостиной для пассажиров. Это строгое правило.

— Имеет. Я много раз видела, как мистер Дюмон пьет кофе вместе с капитаном Блейном.

— Да ты не понимаешь. Мистер Дюмон — почти офицер, и если капитан приглашает его в качестве своего гостя, то это — право капитана.

— А ты будешь моим гостем.

— Нет, не буду. — Он попытался объяснить ей инструкцию, строго запрещающую членам команды общаться с пассажирами. — Капитан взбесился бы, увидев нас с тобой сейчас, и не на тебя, а на меня. Если он застанет меня в пассажирской гостиной, то загонит в самый низ, на палубу Эйч.

— Не может быть.

— Но… — Он пожал плечами. — Хорошо, я под-

нимусь сегодня вечером. Он, конечно, не погонит меня в буквальном смысле слова, это будет ниже его достоинства. Он просто пошлет мистера Дюмона, чтобы тот велел мне уйти; а утром тот же мистер Дюмон вызовет меня к себе. Мне не жаль быть оштрафованным на месячную зарплату, если без этого ты не можешь понять положения вещей.

Он увидел, что наконец-то пронял ее.

— Как же это так, это же просто ужасно. Все равны. Все, это же закон.

— Равны? Это только если идти сверху.

Она резко встала и ушла. Максу снова пришлось утешать Мистера Чипса; самого его утешать было некому. Он подумал, что чем раньше они с Сэмом исчезнут за линией горизонта и затеряются в лесах, тем лучше.

Элдрет вернулась на следующий день, но на этот раз — в компании миссис Мендоса, преданной хозяйки чау-чау, до странности похожей на свою собаку. Разговаривая с Максом, Элдрет придерживалась равнодушной вежливости леди, «хорошо» обращающейся со слугами. Исключение она сделала лишь в краткий момент, когда миссис Мендоса была далеко от них.

— Макс?

— Да, мисс?

— Я те дам «да, мисс»! Слушай, Макс, как звали твоего дядю? Это был Честер Джонс?

— Да, а что?

— Неважно.

Тут подошла миссис Мендоса, и Макс был вынужден прервать разговор.

Следующим утром его нашел один из кладовщиков.

— Эй, Макс! Тебя вызывает Пузо, и поспеши — похоже, что ты влип.

Макс торопился с неспокойным сердцем. Никаких проступков за ним вроде бы не числилось, а потому возникало жуткое опасение, что это как-то связано с Элли.

Невооруженным глазом было видно, что мистер Джордана не в настроении. Однако он сказал только:

— Явись в канцелярию казначея. Бегом.

Макс бросился бегом.

Казначея не было на месте; Макса встретил мистер Куйпер. Оглядев его холодными глазами, он сказал:

— Переоденься в чистую форму, и побыстрее. Затем явись в капитанскую каюту.

Макс стоял как столб, сглатывая какой-то ко-

мок. Мистер Куйпер рявкнул:

— Что еще? Шагом марш!

— Сэр, — пробормотал Макс, — я не знаю, где находится каюта капитана.

— Что-о? Ничего себе! Палуба А, радиус девяносто, у борта.

Макс побежал.

Капитан был в своей каюте. С ним были мистер Сэмьюэлс, казначей; мистер Вальтер, первый помощник, и доктор Хендрикс, астронавигатор. Макс подумал, за что бы его ни судили, тривиальным обвинение быть не может. Однако он не забыл отрапортовать:

— Помощник эконома третьего класса Джонс явился по вашему приказанию, сэр.

Капитан Блейн поднял на него глаза.

— А да, конечно. Возьмите стул.

Макс нашел себе стул и уселся на самый его краешек. Капитан обратился к первому помощнику:

— Принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, так будет лучше всего — хотя это и кажется мерой несколько резковатой. А вы, Хол, согласны?

Казначей, к которому относились последние слова, согласился. Макс размышлял о том, насколько резковатой будет мера и выживет ли он

после нее.

— Мы занесем это в журнал как исключение, а потом, док, я сам напишу объяснение наблюдательному совету. В конце концов, инструкции для того и пишутся, чтобы их нарушали. Значит, с этим мы покончили. — Тут Макс решил, что они собираются выкинуть его в космос, а впоследствии объяснить это.

Капитан повернулся к своему столу, что, видимо, означало конец совещания. Первый помощник осторожно кашлянул.

— Капитан… — Он указал глазами на Макса. Капитан Блейн снова поднял глаза.

— Ах, да, молодой человек, Ваша фамилия Джонс?

— Да, сэр!

— Я просмотрел ваш послужной список. Вы, кажется, непродолжительное время пытались стажироваться на картографа? На «Туле».

— Мм… да, капитан.

— И вам не понравилось?

— Да как сказать, сэр. — Макс спросил себя, что бы ответил Сэм, попав в такую ситуацию. — Это все было так… по правде говоря, мне не поручали почти никакой работы, кроме как выносить пепельницы в Хитрой… в центре управления. — Он

задержал дыхание.

По лицу капитана скользнула улыбка.

— Иногда бывает и так. Не хотели бы вы сделать еще одну попытку?

— Что? Да, сэр!

— Что думаете вы, помощник?

— Капитан, при обычных обстоятельствах я не вижу смысла в том, чтобы один человек дважды пытался стажироваться на одну и ту же работу. Но тут личные мотивы.

— Да, конечно. А вы, Хол, сможете обойтись без него?

— Несомненно, капитан. Его трудно назвать ключевой фигурой на его посту. — Казначей улыбнулся. — Прислуга с нижней палубы.

Капитан тоже улыбнулся и повернулся к астронавигатору.

— Я не вижу никаких возражений, док. Конечно, остается проблема насчет гильдии.

— Келли не прочь его попробовать. Вы же знаете, у него не хватает человека.

— Ну что ж, очень хорошо, тогда…

— Одну секунду, капитан. — Астронавигатор повернулся к Максу. — Джонс… у вас был родственник в моей гильдии?

— Мой дядя, сэр, Честер Джонс.

— Я служил под его началом. Надеюсь, что вы обладаете некоторыми навыками обращения с числами.

— М-м, я тоже надеюсь, сэр.

— Посмотрим. Доложитесь главному вычислителю Келли.

Макс сумел-таки найти центр управления, не спрашивая никого, куда идти, хотя глаза его с трудом разбирали окружающее.

Глава 9
КАРТОГРАФ ДЖОНС

Неожиданное изменение социального статуса Макса переменило и всю его жизнь. Изменились отношения с прочими членами команды, правда не всегда к лучшему. Работавшие в центре управления смотрели на себя как на аристократию команды, этот их статус оспаривался техниками, обслуживавшими силовую часть корабля, а у подчиненных казначея вызывал негодование. Макс быстро почувствовал, что гильдия, покидаемая им, относится к нему без прежней теплоты, в то время как та, в которую он пытается перейти, отнюдь не спешит принять его в свои ряды.

Мистер Джи теперь попросту его не замечал — он мог прямо пройти мимо него, словно он пустое место, если Макс не успевал отскочить в сторону. Похоже было, что он воспринимает попытку продвижения Макса как личное оскорбление.

Ему потребовалось купить в корабельной лавке новую форму. Теперь, когда Макс стоял вахту в центре управления и когда, по пути на вахту и обратно, ему приходилось проходить через

царство пассажиров, слоняться в старом комбинезоне было непозволительно. Заработанных денег на форму не хватало, и мистер Куйпер отоварил его в кредит, под расписку. Кроме того, пришлось расписаться и за стоимость попытки перехода из гильдии в гильдию. За сей переход, если таковой состоится, придется платить как в новую гильдию, так и в старую, но эта проблема Макса пока не волновала. Расписался он весело и без сожалений.

Команда управления «Асгарда» состояла из двух офицеров — доктора Хендрикса, астронавигатора, и мистера Саймса, его помощника, а также пяти рядовых — главного вычислителя Келли, картографа первого класса Ковака, картографа второго класса Смита и двоих вычислителей второго класса — Ногучи и Ланди. Связиста первого класса Беннета по прозвищу Матрас трудно было считать членом этой команды, хотя он тоже стоял вахты в Хитрой яме; звездный корабль очень редко оказывался на расстоянии радиосвязи с чем бы то ни было, только в самом начале и конце рейса. Беннет совмещал пост связиста с обязанностями секретаря и ординарца капитана Блейна, а прозвищу своему был обязан всеобщему убеждению в том, что большую часть своей

жизни он проводит в койке.

«Асгард» непрерывно шел с ускорением, и поэтому требовалась непрерывная работа в центре управления, совсем не то, что было на старых ракетных кораблях — десять минут управления, а потом недели свободного полета, прежде чем опять возникала нужда в управлении. Капитан Блейн, естественно, и сам был астронавигатором, однако, что столь же естественно, он не стоял вахты. Астронавигатора-стажера в этом рейсе на «Асгарде» не было, так что офицеров, способных стоять вахту в центре управления, оставалось мало, всего двое. Эта нехватка восполнялась главным вычислителем Келли, который также наряду с офицерами стоял вахту старшим. Остальные рядовые стояли одну четырехчасовую вахту из четырех. При тех порядках, которые завел в центре управления «Десятичный знак» Келли, различие между вычислителем и картографом было чисто номинальным — чего не знаешь, узнаешь вскорости, а не узнаешь — найдешь себе другой корабль.

Расписание было легким для всех, кроме Макса — его для начала поставили на вахты через раз — четыре часа вахты, затем четыре часа, за которые надо успеть поесть, умыться, рассла-

биться и, коли останется время, поспать.

И все равно Макс блаженствовал. Он являлся до времени, а после вахты его приходилось иногда выгонять силой. Потом, гораздо позднее, Макс узнал, что таким жестким режимом Келли испытывал его на излом, на слабину, чтобы поскорее избавиться от него, если он не подойдет.

Однако приятными были не все вахты. Первую Макс стоял под командой мистера Саймса. Забравшись через люк в помещение центра, он изумленно огляделся вокруг. По четырем сторонам отсека были расположены великолепные параллаксные камеры. Между двумя из них сидел перед главным компьютером Ланди. Он поднял глаза на Макса и молча кивнул. Мистер Саймс сидел у пульта управления, напротив люка: он должен был видеть, как появился Макс, однако ничем этого не выказал.

Вдоль стен помещения теснилась уйма прочих приборов, некоторые из которых Макс признал, он читал про них и видел на картинках. Другие были ему совершенно незнакомы. Тут были приборы, передававшие обстановку во всех отсеках корабля, экран, воспроизводивший вид неба с кормы, «под» кораблем, микрофон и пульт управления внутренней системы оповещения, «бак»,

или стереокомпаратор, на котором снимки, сделанные параллаксными камерами, сравнивались с картами, астроспектрограф, доплероскоп, многоточечный измеритель температуры, посадочный радар — чересчур много всякого, чтобы разобраться сразу.

Вверху сквозь астронавигационный купол сияла звездами вселенная. Макс разинул рот и не мог оторвать глаз от звезд. Все это время он жил в своей стальной норе и почти ни разу не видел неба. Даже дома, на ферме, он был ближе к небесной тверди.

— Эй, ты!

Макс потряс головой и увидел, наконец, что на него смотрит мистер Саймс.

— Иди сюда.

Пока Макс выполнял это приказание, помощник астронавигатора продолжал:

— Ты что, не знаешь, что обязан доложиться вахтенному офицеру, когда заступаешь на вахту?

— Извините, сэр.

— А кроме того, ты опоздал. — Макс украдкой глянул на хронометр, вделанный в пульт. До срока оставалось еще добрых пять минут. Саймс продолжал: — Печально, когда рядовой приходит

на свой пост позже офицера. Как твоя фамилия?

— Джонс, сэр.

Мистер Саймс фыркнул. Это был краснолицый молодой парень с жидкими волосенками морковного цвета; фырканье было обычным его речевым приемом, по крайней мере — в разговоре с младшими по званию.

— Свари кофе.

— Да, сэр.

Макс собрался было спросить, где и как, но мистер Саймс снова погрузился в свое чтение. Макс беспомощно глянул на Ланди, и тот глазами указал направление. Позади шкафа с картами Макс обнаружил кофеварку, чашки, блюдца, сахар и банки со сгущенными сливками.

Он успел пару раз обжечься, пока приноровился к идиосинкразиям механизма. Мистер Саймс принял варево, даже не взглянув на Макса. Макс не понимал, что же ему делать дальше, и решил предложить чашку Ланди. Вычислитель тихо поблагодарил его, тогда Макс рискнул налить и себе; у него создалось впечатление, что здесь так принято. Он отнес свою чашку поближе к компьютеру и уже собрался пить.

Но не успел он начать, как раздался голос вахтенного офицера:

— Это что такое? Вечеринка? Джонс!

— Да, сэр?

— Прибери помещение. Можно подумать, что здесь стадо свиней валялось.

Комната была совершенно чистой, однако Макс нашел и подобрал несколько клочков бумаги. Засунув их в мусоропровод, он натер все металлические ручки, ярко сиявшие и до того. Он начал было делать все по второму разу, когда Ланди жестом подозвал его. Макс помог Ланди сменить пластинки в параллаксных камерах и понаблюдал, как тот устанавливает электронный таймер. Мистер Саймс лично нажал кнопку пуска; это, похоже, было единственной работой, проделанной им за время вахты.

Ланди вынул пластинки из камер и установил их в «баке» для сравнения с картами, снял отсчеты и занес их в вахтенный журнал. Макс чисто номинально помогал ему, набираясь при этом опыта, как все это делается. Потом он опять начал драить медяшку.

Эта вахта продолжалась бесконечно долго. Макс вернулся в кубрик, начисто лишившись своего первоначального восторга.

Совсем другими были вахты под началом доктора Хендрикса и Келли. Под управлением Келли

Хитрая яма превращалась в место очень веселое; он властвовал ею как благожелательный деспот, крича, ругаясь, обзывая последними словами кофе, понося своих подчиненных, которые отвечали ему тем же. При Келли Макс и в руки не брал полировочной тряпицы, он был слишком занят, и не только на подхвате, но и подробно изучая оборудование центра.

— Нам совершенно нечего делать, — кричал ему Келли, — пока мы не шлепнемся на эту гарсоновскую плешь. Нечего делать, окромя как тащиться по наезженной колее, пока не плюхнемся задом. И как раз поэтому ты, телочек ты мой, хорошенько попотеешь. К тому времени, как мы там сядем, ты у меня будешь знать эту чертову Яму лучше, чем мамаша твоя знала папашу, — или тебе придется доучивать пропущенное уже там, пока все твои дружки будут надираться до зеленых чертей. Хватай руководство по главному компьютеру, снимай задний кожух и залезай во все эти проводочки. И чтобы я в течение остальной вахты не видел ни одной части твоего тела, кроме задницы.

И уже через десять минут Келли стоял на коленях рядом с ним и помогал разобраться в сложной схеме.

Макс учился, в чем ему сильно помогала фотографическая память, а еще больше — солидная теоретическая подготовка, полученная от дяди. Келли был доволен.

— Мыслю я, что ты перебрал малость, говоря, что ни черта не освоил на «Туле».

— Ну, не очень много.

— Во время твоей стажировки Ямой командовал Йохансен?

— Э-э, да. — Макс отчаянно надеялся, что Келли не будет называть других фамилий.

— Так я и думал. Этот болван своей собственной мамаше не скажет, сколько ему лет.

Потом наступила вахта, во время которой Келли разрешил ему провести на компьютере тренировочный расчет подхода к точке перехода; Ногучи диктовал константы из таблиц, а сам Келли исполнял роль астронавигатора, следуя распечаткам данных последнего перехода, фактически произведенного кораблем. Программирование производилось устно, как бывает всегда, когда астронавигатора захлестывают поступающие данные, перед самым моментом подачи наиболее ответственного сигнала на резкое ускорение, которое должно перевести корабль через скорость света.

Келли диктовал данные значительно медленнее, чем это бывает на практике; одновременно Ногучи глядел в таблицы и диктовал Максу числа. Сперва Макс нервничал, пальцы его так дрожали, что трудно было нажать на верные клавиши, но затем он успокоился и начал работать легко, словно он и машина рождены друг для друга.

Келли диктовал: «...двоичный натуральней логарифм от ноль точка восемь семь ноль девяносто два, умноженный на...». Макс услышал голос Ногучи, переспросившего данные. Ногучи рылся в книге, ища нужную страницу, но намного раньше, чем он успел ее найти, страница появилась перед мысленным взором Макса. Он бессознательно нажал клавиши, не дождавшись Ногучи.

— Поправка, — прозвучал голос Келли. — Слушай, ты, тупица, тебе не надо вводить те цифирки, которые я говорю, ты вводи те цифирки, которые тебе Ногги скажет. Ну сколько тебе раз повторять?

— Но я же... — начал и осекся Макс. До этого момента никто на борту «Асгарда» не догадывался, что он обладает такой непристойно странной памятью.

— Что «ты же»? — Келли хотел было сбросить последние данные, введенные Максом, но при-

остановился. — Если подумать, ты же не мог ввести в эту штуку десятичные цифры. Так что же ты, интересно, сделал?

Макс знал, что прав, и очень не хотел, чтобы думали, будто он ошибся.

— Я ввел те цифры, которые Ногучи собирался мне продиктовать.

— Повтори-ка это снова, — Келли смотрел на него не отрываясь, — ты что, читаешь мысли?

— Нет, но цифры я ввел правильные.

— Хм… — Келли нагнулся над пультом. — Повтори-ка, Ногги, — Вычислитель выдал длинный ряд нулей и единиц, двоичный эквивалент зачитанного Келли выражения; Келли проверял нажатые клавиши, губы его слегка шевелились. Он выпрямился. — Как-то раз один парень при мне тринадцать раз подряд выбросил семь очков, причем кости были честные. Это что, Макс, тебе просто повезло?

— Нет.

— Ладно. Ногги, кинь-ка мне эту книгу. — Келли довел задачу до конца, выдавая Максу только начальные данные и необходимые действия, не переводя числа в требуемую компьютером двоичную форму. Все это время он листал книгу и заглядывал через Максово плечо. Макс боролся

с нервозностью и быстро нажимал клавиши; пот заливал ему глаза.

В конце концов Келли сказал:

— О'кей, крутни-ка ему хвост. — Макс щелкнул тумблером, подавая сигнал, по которому машина заглотила программу и мгновенно ее переварила; ответ выразился в огоньках: горит — не горит, машинном эквиваленте двоичных чисел.

Келли, при помощи книги, перевел число, выраженное огоньками, в обычный десятичный вид. Затем он взглянул в журнал. Потом закрыл журнал, отдал его Ногучи.

— Попью-ка я кофе, — тихо сказал он и отошел.

Ногучи открыл журнал, посмотрел на лампочки, горевшие на панели компьютера, заглянул в таблицы и поглядел на Макса с очень странным выражением на лице. Макс поднял глаза и увидел, что Келли смотрит на него поверх своей чашки кофе с таким же самым выражением. Макс нажал на кнопку сброса, лампочки на панели компьютера потухли, он встал с сиденья. Никто не произнес ни слова.

Следующая вахта у Макса была с доктором Хендриксом. Вахты с астронавигатором нравились ему почти так же, как с Келли: доктор Хендрикс был всегда очень вежливым и дружелюбным,

обучению Макса он уделял почти столько же внимания, как и Келли. На этот раз Келли тоже был, он задержался после своей вахты — вообще-то говоря, ничего необычного, главный вычислитель нередко заходил к астронавигатору в такие часы, чтобы проконсультироваться или просто поговорить. Но в этот день, заступив на вахту, доктор Хендрикс сказал Максу:

— Келли говорил мне, что вы учитесь работать на компьютере, Джонс?

— М-м… Да, сэр.

— Очень хорошо. Давайте попробуем. — Доктор Хендрикс вытащил старый вахтенный журнал и выбрал в нем задачу подхода к точке скачка, сходную с той, которую Макс решал в предыдущий раз. Келли взял руководство, готовясь исполнять роль «зачитывателя чисел». Однако он ничего не говорил. Макс немного подождал и, не получив от Келли двоичного числа, прочитал его со страницы, словно стоявшей перед его глазами, и ввел в машину.

Так это и продолжалось. Келли не говорил ничего, только слегка облизывал губы и проверял, что сделал Макс, каждый раз, когда доктор зачитывал следующую часть задачи. Ковак стоял неподалеку и наблюдал весь этот спектакль.

В конце концов доктор Хендрикс закрыл журнал.

— Ясно, — сказал он вполне будничным голосом, словно перед ним был совершенно заурядный случай, — у вас, Джонс, очень интересная способность. Я читал про таких людей, но вы — первый, кого я встречаю сам. Вы когда-нибудь слышали про Слепого Тома?

— Нет, сэр.

— Возможно, в судовой библиотеке есть про него. — Астронавигатор с минуту помолчал. — Ни в коем случае не хочу принижать ваш талант, но вы не должны пользоваться им во время действительного маневра. Вы понимаете, почему?

— Да, сэр. Думаю, что понимаю.

— А лучше сказать так, что вы не должны его использовать, пока вам не покажется, что сделана ошибка — про ошибку вы должны сказать сразу же. Но все равно конечным авторитетом остаются печатные таблицы.

— Да, сэр.

— Очень хорошо. Зайдите, пожалуйста, ко мне в каюту после вахты.

Когда Макс сменился с вахты, по корабельному времени был «день». Он подошел к каюте доктора Хендрикса и помедлил. Тут-то на него и наткну-

лась Элли.

— Макс!

— О, привет, Элли! — Он почувствовал некоторую неловкость, сообразив, что ни разу не видел ее со времени своего продвижения по службе.

— Он еще говорит «привет», — Элли подбоченилась. — Ты посмотрел бы на себя, видочек — будь здоров. Да у тебя глаза такие же красные, как кант на твоей рубашке. Где ты пропадал? Загордился, слишком хорош стал, чтобы встречаться со старыми друзьями? Даже к Чипси не заходишь.

Он забегал один раз, но с Элли не встретился. Больше он визитов не повторял, потому что парню, попавшему на его место, не слишком нравилось исполнять обязанности горничной при коровах, овцах, ламах и т. д.; похоже, вину за такую ситуацию он возлагал на Макса.

— Прости, пожалуйста, — смиренно произнес Макс, — все нет времени.

— Ничего себе, оправданьице. Так вот, знаешь, что ты сделаешь сейчас? Ты отправишься прямиком в гостиную, и там я тебе покажу — я тут придумала такой способ взять к ногтю твой любимый гамбит, ты только варежку раскроешь!

Макс раскрыл упомянутую варежку, закрыл и открыл снова:

— Нет.

— Немного погромче, пожалуйста. Вы, кажется, употребили какое-то незнакомое мне слово.

— Послушай, Элли, поимей хоть каплю жалости. Я же жду доктора Хендрикса, а когда он меня отпустит, попытаюсь хоть чуть-чуть поспать. Я недобрал уже часов десять.

— Ты же можешь спать, когда тебе угодно.

— Конечно, особенно если четыре часа на вахте, четыре, считается, отдыхаешь — и по-новой. Тут уж спишь каждую секунду, когда появляется такая возможность.

— Ты что, хочешь сказать, что стоишь вахту через раз? — удивилась Элли. — Да это же уголовное преступление.

— Может, и так, только так оно и есть.

— Но… Я с этим разберусь! Я поговорю с капитаном!

— Элли, ради бога, не делай этого!

— А что? Капитан Блейн — старый лапочка. Не бери в голову, я с этим разберусь сама.

Макс глубоко перевел дыхание, затем заговорил, стараясь, чтобы его слова звучали поубедительнее:

— Элли, не говори ничего капитану, совершенно ничего. Если ты будешь лезть в дела, которых

не понимаешь, ты мне только все испортишь. Меня снова выкинут к коровам.

— Да нет же, он не посмеет так сделать.

— Да ты пойми, Элли. Может, для тебя он и «лапочка», но для меня он — капитан. Так что не лезь в это дело.

Элли надула губы:

— Я же помочь тебе хотела.

— Понимаю, и большое тебе спасибо. Но все равно не надо. И все равно я не могу прийти в гостиную — мне нельзя.

— Я же думала… я думала, что ты от меня прячешься. А почему нельзя? Ты же разгуливаешь здесь, наверху, в этой красивой форме. Почему же нельзя?

Разговор был прерван доктором Хендриксом, возвращавшимся в свою каюту.

— Доброе утро, Джонс, доброе утро, мисс Кобурн. — Он прошел внутрь.

На лице Макса появилось отчаяние:

— Элли, мне надо идти, — он повернулся и постучал в дверь Астронавигатора.

Доктор Хендрикс как будто и не видел его с Элдрет.

— Садитесь, Джонс. Очень интересное вы сегодня устроили представление. Мне крайне

интересно, как далеко простирается эта ваша способность. Она ограничивается числами?

— Почему? Я думаю, нет, сэр.

— Вам пришлось много работать, чтобы добиться таких результатов?

— Нет, сэр.

— Хм… Мы сейчас кое-что попробуем. Вы читали… дайте мне подумать… что-нибудь из драматургии Шекспира?

— Ну, в школе у нас был «Гамлет» и «Как вам это понравится», а еще я читал «Зимнюю сказку». Только она мне не понравилась, — честно добавил Макс.

— В таком случае вы, видимо, ее не перечитывали. Помните что-нибудь оттуда?

— Конечно, сэр.

— Хм… — Доктор Хендрикс взял с полки потрепанный том.

— Ну, например. Акт второй, сцена третья: Леонт говорит: «Ни днем ни ночью мне покоя нет! Но эти муки слабость, только слабость».

Макс подхватил:

— «…только слабость. И я, пожалуй, мог бы исцелиться, ее источник главный уничтожив: мою жену…», — он продолжал, пока доктор Хендрикс не остановил его.

— Достаточно, вполне достаточно. Мне и самому не слишком нравится эта пьеса. Даже у бессмертного Билла бывали выходные. Только как это вышло, что вы прочитали эти самые таблицы? Все-таки даже самые слабые вещи Шекспира не настолько безнадежно тоскливы. Я не читал их никогда, пользовался, конечно, но это нельзя назвать «чтением».

— Понимаете, сэр, дядя Чет, выйдя в отставку, привез домой все свои руководства по астронавигации. Он много разговаривал со мной. Так что я взял и прочел их.

— Это надо понимать так, что вы запомнили наизусть всю профессиональную библиотеку астронавигатора?

Макс перевел дыхание.

— Ну, сэр… Я их прочел.

Доктор Хендрикс взял с полки несколько книг. Двоичными таблицами он заниматься не стал — тут Макс себя уже показал. Он перелистывал руководства и задавал Максу вопросы. Потом начал просто называть номера страниц. Закрыв последнюю книгу, Хендрикс присвистнул и поморгал.

— Я, конечно, знаю, что в истории психологии есть много примеров таких способностей, но надо

признаться, когда сам с такими встречаешься — приходишь в некоторое замешательство. — По его лицу скользнула улыбка. — Хотел бы я посмотреть на брата Визерспуна, когда он про такое узнает.

— Сэр?

— Это наш Верховный Секретарь. Боюсь, что он будет порядком шокирован; у него до крайности старомодные представления об охране «секретов» нашей профессии.

Макс неловко поерзал на стуле.

— У меня будут из-за этого какие-нибудь неприятности, сэр? Я же не знал, что не надо читать дядины книги.

— Что? Чушь это все. У астронавигации нет никаких таких «секретов». Вы пользуетесь этими книгами во время вахты, то же самое делают все члены компании, работающей в Яме. Если меня спросить, так пусть, ради бога, их читают даже пассажиры. Астронавигация — не какая-то там тайная наука, она просто трудна. У немногих людей хватит математических способностей корректно провести рассуждения, нужные для решения, скажем, задачи перехода. Но тех, кто занят в гильдии политикой, вполне устраивает, чтобы астронавигация представлялась неким

оккультным ремеслом. Вы же понимаете, престиж и все такое. — Доктор Хендрикс помолчал, побарабанил пальцами по подлокотнику кресла. — Джонс, я хочу, чтобы вы это знали. Келли думает, что из вас может что-то выйти.

— Очень приятно слышать, сэр.

— Только не думайте, что из-за того лишь, что вы запомнили все эти книги, вы знаете уже больше, чем он.

— О нет, сэр.

— По правде говоря, на посту управления нет особой нужды в вашем таланте. Необходимы те достоинства, которыми обладает Келли, — неустанное внимание к своим обязанностям, подробное знание инструментов своей профессии, скрупулезная забота о мельчайших деталях, глубочайшая преданность своей работе, своей команде и своему кораблю и тем, кто выше тебя в профессиональном смысле. Келли не нужна эйдетическая память, хорошая обычная память в сочетании с умом и порядочностью — вот все, что нужно для этой работы. И это все, что нужно мне от вас в центре управления.

— Да, сэр.

Астронавигатор помедлил.

— Я не хотел бы, чтобы мои слова звучали обид-

но, но нужно добавить еще вот что. Подобные странные способности зачастую сочетаются с вполне обычным, а то и неполноценным разумом — настолько нередко, что психологи даже придумали специальный термин — «idiot savant».[2] Извините меня, пожалуйста: вы, самым очевидным образом, не идиот, но совсем не обязательно и гений, даже если способны запомнить всю имперскую энциклопедию. Я хочу сказать, что для меня важнее ваш обычный здравый смысл и прилежное исполнение вами своих обязанностей, чем ваша феноменальная память.

— Я буду стараться, сэр.

— Я думаю, что со временем из вас выйдет хороший картограф. — Доктор Хендрикс показал, что беседа закончена. Макс встал. — И еще одно.

— Да, сэр?

— Существуют очень убедительные причины, связанные с дисциплиной и эффективностью работы, по которым рядовые не должны общаться с пассажирами.

Макс сглотнул.

— Я знаю, сэр.

— Так относитесь к инструкции посерьезнее.

---

[2] Примечания: 2

В буквальном переводе с французского — «искусный идиот»; также можно перевести в значение «недалекий гений».

Мои коллеги крайне щепетильно относятся к этому моменту.

Макс вышел из каюты с ощущением, словно из него выпустили воздух. Он шел сюда, чувствуя, что будет как-то вознагражден — может, ему даже дадут шанс попытаться стать астронавигатором. Теперь, пропотев всю беседу, он как будто съежился до своих нормальных размеров.

Глава 10
ПЛАНЕТА ГАРСОНА

В последующие недели Макс мало видел Сэма: жесткое расписание вахт не оставляло времени для хождения в гости. Сэм же тем временем процветал.

Как и на всех крупных кораблях, на «Асгарде» была небольшая собственная полиция; она состояла из бывалых сержантов, поддерживавших порядок на корабле, действуя в качестве представителей первого помощника. Сэм, благодаря своим талантам политика и поддельному удостоверению помощника эконома первого класса, исхитрился во время перестановок, последовавших за переводом Макса, устроиться чем-то вроде надсмотрщика по ведомству казначея. Со своими обязанностями справлялся он великолепно — не отдавливал без крайней нужды ничьих ног, сквозь пальцы смотрел на те нарушения, которые давно вошли в традицию, и присматривал за соблюдением тех правил санитарии, экономии и дисциплины, которые действительно необходимы для того, чтобы корабль был подтянутым

и никто не возникал. Присматривал, но совсем не обязательно вытаскивал нарушителей на ковер к первому помощнику — ко взаимному удовлетворению как мистера Вальтера, так и команды. Когда кладовщик Мэггинис слишком увлекся благородным продуктом производства мистера Джи и воспылал желанием серенадами пробудить своих соседей по кубрику, Сэм попросту препроводил его на камбуз и заставил выпить крепкого черного кофе. На следующий день Сэм отвел Мэггиниса на палубу «эйч» и крупно ему выдал. Обработка эта не оставила следов на теле, но глубоко запечатлелась в душе. Где-то в своем темном прошлом Сэм научился искусству драки — не грубому мордобою, не стилизованной пародии на бой, каковой является бокс, но высокому искусству, превращающему безоружного человека в убивающую машину.

Жертву себе Сэм выбрал крайне обдуманно. Если бы он доложил о Мэггинисе, тот счел бы его просто доносчиком, любителем совать нос не в свое дело, которого надо или перехитрить, или просто послать подальше, а если бы за доносом последовало и вправду жесткое наказание, с дисциплиной Мэггиниса возникли бы нескончаемые проблемы. Кроме того, не надо забывать,

что донос на Мэггиниса косвенно угрожал и священной корове — главному эконому Джордана. То же, что произошло, превратило Мэггиниса в страстного поклонника Сэма и лучшего его пропагандиста, так как своеобразная, хотя и совсем не уникальная гордость кладовщика требовала, чтобы человек, победивший его, был «самой могучей машиной, какая бывает на двух ногах, мгновенная смерть в каждой руке — настоящий мужик. Со стариком Сэмом шуточки плохи — ты попробуй как-нибудь сам и увидишь, что из этого получится. Давай, давай, а я заключу пари на вашу драку». Второй демонстрации не потребовалось.

Главным надзирателем и номинальным начальником Сэма был первый помощник старшего механика; они вдвоем и представляли собой полицию этого крохотного мирка. Когда техник захотел вернуться к силовой установке, и на его место был прислан третий помощник старшего механика, со стороны Вальтера было вполне естественно назначить главным из них Сэма.

Он положил глаз на эту работу с самого начала. Любой полицейский чин в любом месте обладает властью, значительно превосходящей ту, которая принадлежит ему по закону. До тех пор пока Сэм

находился в хороших отношениях с мистером Куйпером, мистером Джордана и (в меньшей степени) с мистером Дюмоном, до тех пор пока он не пытался пользоваться своей властью в Хитрой яме и в местах, находящихся в ведении механика, он был самым влиятельным человеком на корабле — фактически более влиятельным, чем даже сам первый помощник, ибо именно в нем олицетворялось видимое присутствие Первого.

Вот так обстояли дела к моменту посадки на Планету Гарсона.

Планета Гарсона — это, похоже, кусок строительного мусора, оставшийся по завершении создания вселенной. Сила тяжести на ее поверхности равна единице с четвертью — многовато, чтобы чувствовать себя удобно. Она холодная, как сердце ростовщика, а ее метановая атмосфера совершенно не пригодна для человека. Галактика просто кишит значительно более приятными планетами, и никто бы ею не заинтересовался, не будь она незаменимой промежуточной базой. Вблизи земного Солнца есть одна-единственная Хорстова конгруэнтность, и скачок через нее выводит корабль неподалеку от Тэты Кентавра, а из тринадцати планет, кружащих вокруг этого солнца, Планета Гарсона обладает жалким

достоинством быть наименее жуткой. В то же время имеется полдюжины исследованных конгруэнтностей, достижимых от Тэты Кентавра, что делает Планету Гарсона неизбежной узловой станцией в торговле Солнечной системы.

Макс вышел на поверхность только один раз, этого одного было более чем достаточно. Поселок около космопорта, частично стоявший под куполами, частично расположенный в туннелях, вырытых под теми же куполами, был очень похож на Лунные города и несколько напоминал подземные части любого из больших земных городов, но для Макса все это было в новинку — он не бывал на Луне, а единственным большим земным городом, который он видел, был Земпорт. Он сошел с корабля вместе с Сэмом, одетый во все лучшее и полный любопытства. В скафандре не было необходимости — к каждому пассажирскому лайнеру в порту прокладывался герметичный переход, соединяющий шлюз корабля со шлюзом купола.

Попав под купол, Сэм сразу направился вниз, к нижним уровням поселка. Макс запротестовал:

— Сэм, пошли наверх и посмотрим, что там.

— Чего? Ничего там нет. Гостиница, дорогие магазины и жульнические рестораны для плат-

ных пассажиров. Ты желаешь отдать месячную зарплату за бифштекс?

— Нет, но я хочу посмотреть наружу. Тут я на чужой планете, а я же ее абсолютно не видел. С поста управления ее не было видно, а теперь, когда мы сели, я не видел ничего, кроме шлюзовых люков да вот этого, — он махнул рукой в сторону стен коридора, по которому они шли.

— Нечего здесь видеть, кроме густого, грязного желтого тумана, который не рассеивается никогда. Даже хуже, чем на Венере. Но ты решай сам. У меня тут есть кое-какие дела, и если не хочешь идти со мной, ты совершенно не обязан этого делать.

Макс решил не расходиться с Сэмом, Они спустились и оказались в широком, светлом коридоре, сильно напоминавшем ту самую улицу в Земпорте, на которой расположен ресторанчик Перси. Единственным заметным отличием была крыша над головой. Тут были те же самые бары, те же развлекательные заведения с теми же нехитрыми способами заставить прохожего расстаться с частью наличности. Даже та же портняжная мастерская с тем же постоянным объявлением о дешевой распродаже по случаю закрытия. В порту находилось еще несколько кораблей, и

улица была полна народу. Сэм огляделся.

— Теперь надо найти место, чтобы спокойно выпить и поговорить.

— А что, если здесь? — ответил Макс, указывая на вывеску «НАИЛУЧШАЯ ДЫРА». — Вроде, чисто и прилично.

Но Сэм быстро провел его мимо.

— Все это так, — сказал он, — но не для нас.

— А почему?

— Ты что, не видел, кто там сидит? Имперская морская пехота.

— Ну и что? Я не имею ничего против них.

— М-м… конечно же, и я тоже, — согласился Сэм, продолжая быстро идти, — но эти парни держатся друг друга и имеют скверный обычай не любить штатских, которые глупы настолько, что заявляются в заведение, облюбованное ими. Желаешь, чтобы тебе переломали ребра?

— Чего? Но ведь если я не буду никуда лезть, этого не случится, правда ведь?

— Может, да. А может, и нет. Вот, например, если официантка решит, что ты «красавчик», а парень в начищенных сапогах, с которым она была раньше, захочет что-нибудь предпринять по этому поводу? Макс, ты хороший парень, но на хороших парней просто нет спроса. Чтобы

не нарваться на неприятности, надо просто не нарываться на неприятности.

Они пробирались сквозь толпу еще ярдов сто, пока Сэм сказал:

— А вот это то самое — конечно, если Липпи все еще заведует этой забегаловкой.

На вывеске было написано «УДАЧНАЯ ПОСАДКА»,
заведение побольше, чем «НАИЛУЧШАЯ ДЫРА», но на вид похуже.

— Кто такой Липпи?

— Ты, может, и вообще не увидишь его. — Сэм провел Макса внутрь и выбрал столик.

Макс огляделся. Смотрелось это ровно так же, как и любой третьеразрядный бар с грилем.

— Я смогу здесь получить земляничный лимонад? Сто лет уже по нему скучаю — я всегда брал его, когда ходил по субботам в Углы.

— За то, что ты спросишь его, тебя не вышвырнут.

— О'кей. Сэм, а помнишь, ты мне рассказывал про своего друга из морской пехоты, сержанта Робертса?

— Кого?

— Или Ричардса. Я тогда не совсем расслышал.

— Никогда о таком не слыхал.

— А как же…

— Никогда не слыхал о таком. А вот и официант.

Точно так же официант — гуманоид из системы Сириуса — никогда не слышал о земляничном лимонаде. Он, подобно всем своим сородичам, не имел лицевых мышц, однако кожа у него на спине поползла вверх, собираясь в складки, что должно было выражать растерянность и непонимание. Макс согласился на нечто под названием «Старый Гейдельберг», хотя оное нечто и на пятьдесят световых лет никогда не приближалось к Германии. По вкусу оно — для Макса, во всяком случае, — напоминало холодную мыльную воду, но, так как платил Сэм, Макс не стал отставлять стакан и даже делал вид, что пьет из него.

Чуть посидев, Сэм вскочил.

— Сиди, сынок, я ненадолго.

Он поговорил с барменом, потом испарился где-то в глубине зала. К столику Макса подошла молодая женщина.

— Что, космонавт, чувствуешь себя одиноко?

— Пожалуй, не особенно.

— А вот я — чувствую. Не против, если я тут сяду? — Она опустилась на стул, оставленный Сэмом.

— Пожалуйста, только сейчас вернется мой товарищ.

Женщина не ответила, а вместо этого повернулась к бармену:

— Специальный темный, Гиглз.

Макс жестом выразил свое активное несогласие:

— Нет!

— В чем дело, дорогой?

— Послушай, — покраснев, сказал Макс. — Может, я выгляжу зеленым, как трава. Может, я такой и есть. Но я все равно не собираюсь покупать подкрашенную водичку по цене коктейля. У меня не так много денег.

На ее лице появилась обида.

— Но ты же должен что-нибудь заказать. В противном случае я не могу здесь сидеть.

— Ну… — Он глянул на меню. — Думаю, я могу позволить себе бутерброд.

— Забудь про специальный, Гиглз. Сыр на ржаном, и горчицы побольше. — Она снова повернулась к Максу. — Как тебя звать, радость моя?

— Макс.

— А меня Долорес. Ты откуда?

— Озаркс. Это на Земле.

— Какое совпадение! Я из Виннипега, мы же совсем соседи.

Макс подумал, что с такого расстояния вполне может так показаться. Но чем больше Долорес трещала, тем очевиднее становилось, что она не имеет ни малейшего представления о том, где расположен Озаркс, да и Виннипег тоже, и, вероятнее всего, в жизни не бывала на Земле. К тому времени, как вернулся Сэм, она доедала бутерброд, параллельно объясняя Максу, что просто обожает космонавтов, они такие романтичные.

Сэм посмотрел на нее сверху вниз.

— На сколько ты его раскрутила?

— Ты не имеешь права так со мной говорить! — возмутилась Долорес. — Мистер Липский не разрешает…

— Заткнись, девочка, — сказал Сэм без малейшей недоброжелательности в голосе. — Ты просто не знаешь, что мой друг — гость Липпи. Сечешь? И никаких «специальных», никакого «заплати мне» — ты зря тратишь свое драгоценное время. Ну так на сколько?

Макс торопливо ответил сам:

— Сэм, все о’кей. Я купил ей только бутерброд.

— Ну если… Но теперь, сестрица, ты свободна. Может, попозже.

Она пожала плечами и встала.

— Спасибо, Макс.

— Не за что, Долорес. Я передам привет виннипегцам.

— Обязательно передай.

Сэм не садился.

— Сынок, мне надо отлучиться на некоторое время.

— О'кей.

Макс сделал движение, чтобы встать. Сэм жестом остановил его.

— Нет, нет. С этим делом я лучше разберусь в одиночку. Ты меня подождешь здесь? Они не станут больше тебя трогать, а если станут — позови Липпи.

— У меня не будет никаких неприятностей.

— Да уж надеюсь. — Сэм выглядел озабоченно. — Сам не знаю, чего я должен дергаться, но что-то такое в тебе пробуждает мои материнские чувства. Наверное, это твои огромные голубые глаза.

— Что? А пошел-ка ты. И в любом случае глаза у меня карие.

— Я говорил, — ласково произнес Сэм, — о глазах твоей пухлой, розовой, свежей, как роса, души. И не вступай до моего возвращения в раз-

говоры с незнакомыми людьми.

Макс употребил одно из выражений, подхваченных им у мистера Джи; Сэм, ухмыльнувшись, удалился.

Однако рекомендация Сэма не относилась к мистеру Саймсу. Макс увидел, как помощник астронавигатора появился в дверном проеме. Лицо его было краснее обычного, а глаза как-то неопределенно блуждали. Саймс медленно поворачивал свое туловище, изучая зал. В конце концов взгляд его наткнулся на Макса, и он неприятно улыбнулся.

— Ну, ну, ну, — говорил он, приближаясь к Максу. — Да не сам ли это наш Умный Мальчик.

— Добрый вечер, мистер Саймс, — Макс встал.

— Так значит, «добрый вечер, мистер Саймс»! А что ты там сказал про себя?

— Ничего, сэр.

— Пфф! Я же знаю! Только я думаю про тебя то же самое, и даже еще хуже. — Не получив ответа, Саймс продолжал: — Ну так не хочешь ли ты пригласить меня сесть?

— Садитесь, пожалуйста, сэр, — произнес Макс безо всякого выражения.

— Ну вы только подумайте! Умный Мальчик хочет, чтобы я сел рядом с ним. — Он сел, подо-

звал официанта, сделал заказ и снова повернулся к Максу. — Умный Мальчик, а ты знаешь, зачем я тут с тобой сижу?

— Нет, сэр.

— А чтобы кое-что сказать тебе на ушко, вот зачем. С того самого раза, как ты устроил этот фокус с компьютером, ты стал для Келли нашим волозтолосым… золотовласым… мальчуганом. Зо-ло-то-вла-сым мальчуганом, — повторил он, старательно выговаривая слова. — Меня все это в восторг не приводит. Заруби себе на носу: если ты будешь отираться вокруг астронавигатора и подлизываться к нему, как делает Келли, то я тебя с поста управления быстренько выживу. Ясно тебе?

Макс почувствовал, что скоро не сможет больше сдерживаться.

— Мистер Саймс, что вы имели в виду, когда сказали «фокус»?

— А ты сам прекрасно знаешь. Выучил, наверное, полдюжины последних переходов, а теперь Келли и профессор думают, что ты запомнил всю книгу. Гений среди нас! А ты знаешь, что это такое в действительности? Все это — просто куча…

На счастье Макса, их прервали; он почувствовал руку на своем плече, и тихий голос Сэма

произнес:

— Добрый вечер, мистер Саймс.

На лице Саймса появилась растерянность, но потом он узнал Сэма и просветлел:

— Ребята, да это же наш мусор. Садитесь, констебль, выпейте с нами.

— А что, можно. — Сэм придвинул еще один стул.

— Вы знакомы с этим вот Умным Мальчиком?

— Да, встречал его иногда.

— Присматривайте за ним получше. Это мой вам приказ. Он очень, очень умный. Чересчур умный. Вот спросите у него число. Выберите любое число между единицей и десятью.

— Семь.

Мистер Саймс хлопнул рукой по столу:

— Ну вот, что я вам говорил? Он запомнил это число прежде, чем вы сюда подошли. Когда-нибудь однажды он запомнит число и его напишут у него на груди. По трафарету. Хотите, констебль, знать одну вещь? Я не доверяю хитрым мальчикам. Они начинают слишком много о себе мнить.

Располагая теперь поддержкой Сэма, Макс не вмешивался в монолог Саймса. Одновременно с Сэмом к столику подошел Гиглз; Макс видел, как

Сэм что-то написал на обороте меню и передал его гуманоиду вместе с деньгами. Однако мистер Саймс был слишком увлечен собственным красноречием, чтобы это заметить. Некоторое время Сэм не мешал ему распространяться, а потом вдруг прервал его:

— Сэр, похоже, что у вас тут есть знакомые.

— Что? Где?

Сэм указал. Сидевшая у стойки Долорес улыбалась и жестом призывала помощника астронавигатора присоединиться к ней. Саймс с трудом сфокусировал взгляд, ухмыльнулся и сказал:

— Точно, так и есть. Это же моя двоюродная бабушка Сэди.

Он встал и покачнулся. Сэм потер руки.

— Ну вот, мы от него и избавились. Сынок, он тебя очень достал?

— Да есть немного. Спасибо, Сэм. Только противно видеть, что его свалили на Долорес. Она хорошая девица.

— За нее ты не беспокойся. Она быстренько лишит его всего, что у него есть с собой, — а заодно и хорошей должности на корабле. — В глазах Сэма появилась жестокость. — Офицер должен поступать, как офицер. Если он хочет пропустить одну-другую, он обязан делать это в своей части

города. Да черт с ним. — Сэм расслабился. — Так что, кое-что изменилось, сынок? Теперь все совсем иначе, чем когда мы стартовали с Земли?

— Да уж, многое изменилось!

— Нравится тебе эта шайка из Ямы?

— В жизни так здорово не было. И я учусь быстро, так сказал мистер Келли. Они все отличные ребята, кроме этого. — Он кивком указал в сторону Саймса.

— Плюнь ты на него. Даже в самом лучшем супе бывает муха. Ты только не дай, чтобы у него на тебя что-нибудь было.

— И не собираюсь.

Сэм внимательно поглядел на Макса, а потом тихо сказал:

— Ну как, готов нырнуть?

— Чего?

— Я почти насобирал денег. Все будет тип-топ.

Отвечать Максу было трудно. Он, конечно, понимал, что по существу перевод не решил никаких проблем; он находился в такой же опасности, как и раньше. Но Макс был так занят интересной, радостной, тяжелой работой, так валился с ног после нее, что все остальное как-то отодвинулось на задний план. Теперь он задумчиво рисовал пальцем узоры на запотевшей

крышке стола и думал.

— Как бы хотелось, — медленно произнес он, — чтобы можно было как-нибудь из этого дела выкрутиться.

— Способ есть, я тебе уже говорил. Чтобы затерялись твои документы.

Макс поднял глаза на Сэма.

— Ну и что в этом хорошего? Конечно, я смогу совершить еще один рейс. Но мне же не нужен просто еще один рейс, я хочу совсем остаться в этом деле. — Он посмотрел на стол и старательно изобразил гиперболу. — Лучше уж я пойду с тобой. Вернись я на Землю — мне останутся только трудовые бригады, и это еще в том случае, если сумею не попасть в тюрьму.

— Ерунда все это.

— Почему ерунда?

— Ты пойми меня, сынок, я бы очень хотел, чтобы мы пошли вместе. В таком деле разница между иметь или не иметь рядом с собой напарника может оказаться разницей между выбраться и провалиться. Но ты вполне можешь остаться в космосе с документами чистыми, как у новорожденного ребенка.

— Каким образом?

— Ты же меняешь гильдию. Теперь нужно за-

терять только одну бумагу — о твоем уходе от экономов, поваров и делопроизводителей. А они никогда не хватятся этой бумаги потому, что для них ты не существуешь. Ты получишь совершенно чистый, аккуратный и законный старт у вычислителей и картографов.

Соблазн для Макса был очень сильным.

— А как же доклад в Департамент Гильдий и Труда?

— Все то же самое. Разные бумаги идут в разные конторы. Я все это разузнал. Один доклад теряется, другой идет — и помощник экономa Джонс пропадает без вести, в то время как стажер-картограф Джонс вступает в жизнь с чистыми документами.

— Сэм, а почему ты сам не сделаешь этого? С твоей теперешней работой ты можешь перескочить на… Ну, например, на…

— На что? — Сэм печально покачал головой. — Нет, старик, не на что мне переходить. А к тому же у меня есть серьезные основания зарыться поглубже. — Он немного просветлел. — А знаешь что, я подберу себе новую фамилию еще до того, как соскочить, и скажу ее тебе. И тогда в один прекрасный день, через два года, через десять, через двадцать лет, ты окажешься на Новой

Земле и найдешь меня. И мы раздавим на пару бутылочку и поговорим о том времени, когда были веселыми и молодыми. Ну как?

Макс улыбнулся, хотя на душе и было печально.

— Так и сделаем, Сэм. Обязательно. — Тут он вдруг нахмурился. — Сэм, а как это, я же не знаю, как все это провернуть, а тебя здесь уже не будет.

— Я все устрою до ухода. Нельсон уже прямо-таки зернышки клюет у меня с ладони. Что-нибудь вроде: половина платы вперед, половина по завершении дела — и я позабочусь, чтобы у тебя было кое-что на него, что именно — не бери в голову, тебе пока знать этого не надо. Когда вы сядете на Землю, он попросит тебя отправить доклады, так как ты пойдешь в город, а у него будет еще срочная работа. Ты проверишь, что там будут те два доклада, которые тебя интересуют, и отдашь ему остаток денег. И порядок.

— Пожалуй, так будет лучше всего, — не очень весело согласился Макс.

— И кончай дрожать и дергаться. У каждого свой скелет в шкафу, главное — чтобы там он и оставался, а не вылезал наружу в самое неподходящее время. — Сэм отодвинул в сторону пустой стакан. — Ну так как, сынок, ты не против, если

мы сейчас вернемся на корабль? Или ты думаешь остаться здесь на всю ночь?

— Нет, пошли. — Возбуждение, охватившее Макса при выходе на первую в его жизни чужую планету, совсем прошло. «Гарсонова Дыра», как он должен был признать, являла собой далеко не лучший образчик чудес Галактики.

— Тогда давай загрузимся. Мне тут надо кое-что отнести, и твоя помощь пригодится.

«Кое-что» оказалось четырьмя здоровенными свертками, которые Сэм ранее сдал в камеру хранения.

— А что в них? — с любопытством спросил Макс.

— Грелки для чайников, сынок, грелки для чайников. Многие тысячи. Думаю продать их этим мелкоголовым на Проционе. В качестве ночных колпаков.

Макс обиженно смолк.

Вообще говоря, все проносимое на борт корабля подлежало проверке, однако дежурный у шлюза настаивал на досмотре имущества главного надзирателя не более, чем настаивал бы на обыске кого-нибудь из корабельных офицеров. Макс помог Сэму отнести свертки в его каюту, которая полагалась главе корабельной полиции по

должности.

Глава 11
ЧЕРЕЗ ГРУЗОВОЙ ЛЮК

Путь от планеты Гарсона к Алкионе, планете из системы Ню Пегаса, это зигзаг из трех скачков в 105, 487 и 19 световых лет, в результате чего по прямой («как ворона летает») покрывается расстояние менее чем в 250 световых лет. Однако не имеют значения ни расстояния по прямой, ни псевдорасстояния скачков; сам «Асгард» прошел от порта до порта меньше одного светового года, расстояние «как ворона летает» существенно только лишь для этой самой вороны.

Первый скачок производился примерно через месяц после старта с планеты Гарсона. Келли сменил Максу расписание вахт, теперь это была одна вахта из трех, причем — вахта самого Келли. В результате Макс получил гораздо больше времени для отдыха, и учиться ему стало легче — ведь вахты с Саймсом были для него пустой тратой времени. Да и вообще Макс с большим облегчением воспринял то, что теперь не надо регулярно встречаться с Саймсом. Было ли это одной из целей Келли при изменении расписания, Макс

так никогда и не узнал. Спросить он не решился.

Вахта Макса оставалась стажерской, он никого не подменял, его не подменял никто. У него вошло в привычку не уходить с поста управления раньше Келли, если только его не выгоняли. В результате он часто встречался с доктором Хендриксом, потому что главного вычислителя подменял астронавигатор, а Келли обычно несколько задерживался, чтобы поговорить. Во время этих разговоров астронавигатор иногда спрашивал, как у Макса продвигаются дела.

Иногда во время вахты доктора Хендрикса заходил капитан. Вскоре после старта с Планеты Гарсона доктор Хендрикс воспользовался одним из таких случаев для того, чтобы продемонстрировать необыкновенные способности Макса капитану Блейну и первому помощнику Вальтеру. Выступление Макса прошло без единой ошибки, хотя он крайне стеснялся присутствия капитана. Тот наблюдал за ним очень внимательно, с несколько пораженным выражением лица. Потом Блейн сказал:

— Спасибо, парнишка. Это поразительно. Так как, говорите, ваша фамилия?

— Джонс, сэр.

— Да, конечно, Джонс, — Капитан поморгал и

произнес задумчиво: — Наверное, это совершенно потрясающе — не иметь способности хоть что-либо забыть, особенно — в глубине ночи. Постарайся, сынок, сохранить чистую совесть.

Двенадцатью часами позднее доктор Хендрикс сказал ему:

— Джонс, не уходите, вы мне нужны.

— Да, сэр.

Астронавигатор поговорил о чем-то с Келли, затем снова обратился к Максу:

— Ваш фокус, Джонс, произвел большое впечатление на капитана. У него возник вопрос. Нет ли у вас заодно и таких же математических способностей?

— Ну, как сказать… Нет, сэр. То есть я не являюсь мгновенным вычислителем. Я видел такого раз в цирке. Он мог делать вещи, которых я делать не могу.

— Это неважно, — успокоил его Хендрикс. — Я так понимаю, что дядя преподал вам кое-что из теоретической астронавигации?

— Только для практических целей, сэр.

— А о чем, вы думаете, я говорю с вами? Вы знаете, как рассчитывается подход к точке перехода?

— Пожалуй, да, сэр.

— Честно говоря, я в этом сомневаюсь, сколько

бы математики ни вложил в вас брат Джонс. Но все равно, давайте попробуем.

— Что, прямо сейчас, сэр?

— Вы попробуйте. Ну притворитесь, что вы — вахтенный офицер. Келли будет вашим помощником, а я — просто зрителем. Рассчитайте тот переход, который нам предстоит. Я понимаю, что мы еще так далеко, что это не имеет значения, но вы должны действовать так, словно от этого зависит безопасность корабля.

Макс перевел дыхание.

— Да, сэр. — Он сделал движение, чтобы взять новые пластинки для камер.

Хендрикс сказал:

— Нет!

— Сэр?

— Если вы командуете вахтой, то где же ваша команда? Ногучи, помогите ему.

— Да, сэр, — Ногучи ухмыльнулся и подошел. Пока они, согнувшись, занимались первой камерой, Ногги прошептал: — Не дай ему себя заговорить. Мы устроим потрясающее шоу. А в трудных местах тебе поможет Келли.

Однако Келли не стал помогать; он исполнял роль мальчика с таблицей — и только, ни малейшего намека, правильно действует Макс или

совсем заврался. Получив результаты наблюдений и данные от сравнения пластинок с картами, Макс не стал сам вводить задачу в компьютер. На машине работал Ногучи, а переводил числа из системы в систему Келли. Порядочно времени и уйму пота спустя лампочки на пульте перестали мигать и выдали нечто, бывшее, как Макс страстно надеялся, ответом.

Доктор Хендрикс не сказал ничего, а взял те же самые пластинки и начал сравнивать их с картами, решая задачу заново, с той же самой командой. Очень скоро лампочки опять выбросили ответ; астронавигатор взял у Келли таблицы и сам перевел результат в десятичную систему.

— Отличие только в девятом знаке. Неплохо.

— Я ошибся только в девятом знаке, сэр?

— Этого я не говорил. Возможно, больше ошибся я.

На лице Макса появилась улыбка, но доктор Хендрикс нахмурился:

— А почему вы не проверили доплеровские спектры?

По хребту Макса пробежал холодок.

— Я забыл, сэр.

— Мне казалось, что вы тот самый человек, который никогда ничего не забывает.

Интуитивно — и совершенно верно — Макс догадывался, что тут разговор шел о двух совершенно разных видах памяти, однако не владел психологическим жаргоном, при помощи которого мог бы объяснить это. Один вид — забыть шляпу в ресторане, такое может случиться с каждым. Другой — это если не можешь вспомнить то, что ты однажды знал.

Хендрикс продолжал:

— Вахтенный поста управления не имеет права забывать вещи, существенные для безопасности корабля. Однако для контрольного упражнения это было очень хорошо, не хватало только скорости. Если бы мы были близки к скорости света, готовые к скачку, ваш корабль оказался бы в Гадесе и успел бы разбиться о берега Стикса раньше, чем от вас дождались бы ответа. Но для первой попытки это очень хорошо.

Он отвернулся. Келли головой указал на входной люк, и Макс вышел.

Засыпая этим вечером, Макс думал, что, может быть, доктор Хендрикс даже размышляет сейчас о нем, потому что… Да нет! Он отбросил эту мысль. В конце концов, ведь Келли тоже мог это сделать; Макс неоднократно видел, как тот рассчитывает дальний подход, да и быстрее к тому же. Возмож-

но, Ногучи тоже мог. Конечно же, Ногучи мог, поправил он себя. В конце концов, здесь же нет никаких «секретов».

Когда приблизились к первой аномалии, легкое расписание — одна вахта из трех для офицеров и вахта из четырех для рядовых — сменилось на вахту через раз, с астронавигатором, помощником, картографом и вычислителем в каждой вахте. Макса наконец поставили на нормальную вахту вместо стажерской. Первая вахта возглавлялась доктором Хендриксом, помощником у него был картограф первого класса Ковак. Макс был картографом вахты, а на компьютере работал Ногучи. Во второй вахте мистеру Саймсу помогал Келли, картографом был Смит, а вычислителем — Ланди. Макс обратил внимание, что доктор Хендрикс отдал свою «первую команду» Саймсу и взял себе взамен менее опытных техников. Макс не понимал, почему так, но был рад, что не придется работать с Саймсом. Тут Макс своими глазами увидел, что такое по-настоящему напряженная работа в Хитрой яме. Лицо доктора Хендрикса превратилось в застывшую маску, он работал как механизм, проводя одну за другой коррекцию курса подхода и требуя от своей команды быстрой, беззвучной и безукоризненной

работы. В течение последних двенадцати часов подхода к точке перехода астронавигатор не уходил с поста управления, остальные члены команды — тоже, разве что на самое краткое время, хотя номинально они и были на отдыхе. Номинально Саймс продолжал стоять свои вахты, но доктор Хендрикс все время висел над ним, проверяя каждое движение. Дважды он потребовал, чтобы Саймс повторил часть расчета, а один раз просто отодвинул его в сторону и сделал все сам. В первый раз, когда такое случилось, Макс с удивлением уставился на происходящее, однако потом он заметил, что остальные демонстративно занимались своими делами, пока доктор Хендрикс лично беседовал с Саймсом.

По мере приближения критического момента напряжение возрастало. Подход к аномальному интрапространственному переходу невозможно сравнить ни с какой другой разновидностью пилотирования, когда-либо осуществлявшейся человеком. Разве что сравнить эту задачу с абсолютно невозможным трюком — взлететь на самолете и вслепую пролететь тысячу миль, все это время настолько точно определяя свое местонахождение, чтобы в конце полета суметь пролететь сквозь узкий туннель, даже и не уви-

дев этого туннеля. Хорстовскую конгруэнтность увидеть невозможно, ее можно только вычислить, пользуясь сложнейшими уравнениями воздействия массы на структуру пространства; «вход» — это просто ничем не обозначенное пустое место посреди гигантской окружающей пустоты. Подходя к планете, астронавигатор наблюдает место назначения или визуально, или на экране радара; скорость его в этой ситуации всего каких-то несколько миль в секунду. Но при выполнении Хорстовского подхода скорость корабля близка к скорости света и достигает ее в последний момент. Ближайшие опорные точки находятся на расстояниях во многие миллиарды миль, да и сами эти опорные точки движутся со звездными скоростями и толпятся в поле зрения в результате колоссального параллакса, возможного только тогда, когда наблюдатель движется почти так же быстро, как и то, что является для него единственным ключом к вопросам местоположения и скорости — фронт электромагнитной волны.

Ну, прямо как в полночь искать в темной комнате черную кошку, которой там и вовсе нет.

В конце Келли сам сидел за компьютером, а Ланди около него с таблицами. Смит и Ковак

занимались картами и пластинками, передавая данные доктору Хендриксу, который программировал устно, ставя в голове задачу и почти без задержки передавая ее, через команду, в мозг машины для решения. Сейчас силовая установка находилась под его непосредственным контролем. Каждая его рука лежала на клавишах управления, одна из которых предназначалась для того, чтобы вести корабль на скорости чуть ниже скорости света, а другая — чтобы дать в последний момент тот самый толчок, который заставит его прорваться сквозь пространство.

Макса отодвинули в сторону; не было ни одного дела, для которого не нашлось бы более опытного исполнителя. Но с другой стороны, Саймса тоже отодвинули в сторону; в момент истины место было только для одного астронавигатора.

Из всех, находившихся в Хитрой яме, самым спокойным казался капитан Блейн. Он сидел на отведенном специально для него стуле, спокойно курил и смотрел на Хендрикса. Лицо астронавигатора было серым от усталости, оно лоснилось от долго не смываемого пота. Воротник его форменной рубашки был расстегнут, она выглядела так, словно он в ней спал, хотя на самом деле он не спал вовсе. Макс смотрел на Хендрикса и

удивлялся, чего это он сам хотел стать астронавигатором; был таким дураком, что хотел взвалить на себя эту невыносимую, ни с кем не разделимую ношу.

Однако твердый голос доктора не выказывал признаков усталости; шли нескончаемые последовательности чисел, каждое — четкое, словно напечатанное, каждое произносилось так, что не оставалось места для ошибки, не возникало необходимости что-либо повторять. Макс слушал, учился и удивлялся.

Он посмотрел сквозь купол вверх, наружу, в пространство, искаженное их немыслимой скоростью. Звезды впереди в течение нескольких последних вахт сходились все ближе и ближе друг к другу. Колоссальный эффект параллакса так сдвигал их изображения, что казалось, словно они наползают на тот самый сектор небосвода, к которому стремился корабль. Теперь они были видны в инфракрасном свете, так как корабль с такой скоростью несся навстречу волновым пакетам, что доплер-эффект уменьшал длины волн теплового излучения до длин, соответствующих видимому свету.

Неожиданно поток цифр прекратился. Макс опустил глаза вниз, а потом торопливо взглянул

вверх; он услышал голос доктора Хендрикса, который выкрикнул:

— Всем оставаться на местах!

Казалось, будто все звезды сползлись в одну точку, затем они исчезли и, без какой-либо задержки, сменились другой звездной вселенной, новой, совершенно отличной от прежней.

Хендрикс выпрямился и тяжело перевел дыхание, затем посмотрел вверх.

— Ну вот, там Мемориал Альберта, — сказал он тихо. — А вот там — Шестиугольник. Что ж, капитан, похоже, что мы снова проскочили. — Затем он повернулся к Саймсу. — Заступайте, сэр. — Пропустив капитана первым, он вышел через люк.

Компания с контрольного поста снова перешла на легкие вахты; следующий переход предстоял через много дней. Макс стоял вахтенным картографом, сменив на этом посту Ковака, который, в свою очередь, заменил доктора Хендрикса, взявшего неделю отдыха. По правде говоря, в начале пути к следующей точке перехода не было особенных дел, и потому нужды в высоком мастерстве доктора не возникало. Но Макс очень гордился своим новым положением; было очень приятно расписываться в черновике вахтенной

записи «М. Джонс, вахт-й карт-ф». Он ощущал, что нашел свое место, несмотря даже на то, что с Саймсом отношения были испорчены, а Келли продолжал немилосердно гонять его по всем ремеслам поста управления.

Макс немного удивился, однако не ждал ничего особенного, когда однажды между вахтами ему приказали явиться к астронавигатору. Он надел чистую форму, причесался и отправился на палубу С.

— Картограф-стажер Джонс явился по вашему приказанию, сэр.

Келли тоже был здесь. Они с астронавигатором пили кофе.

— Хорошо, Джонс, — кивнул Хендрикс, а затем повернулся к Келли. — Может быть, вы ему скажете?

— Если вы так хотите, сэр. — Келли явно чувствовал себя несколько неловко. — Ну так вот, Джонс, дело обстоит так… По правде говоря, вы не подходите для моей гильдии.

Макс был настолько потрясен, что не мог ничего ответить. Он хотел сказать, что он думал… он так понимал… он не знал… но не мог произнести ни слова. Келли продолжал:

— Дело в том, что вам надо учиться на астрона-

вигатора. Мы с доктором все уже обсудили.

Жужжание, появившееся в голове Макса, усилилось. Он не сразу понял, что доктор Хендрикс уже не в первый раз повторяет:

— Так как же, Джонс? Вы хотите попробовать? Или не хотите?

Макс с трудом заставил себя произнести:

— Да. Да, сэр.

— Ну и хорошо. Мы с Келли присматривались к вам. У него и у меня сложилось мнение, что возможно (только возможно!), вы обладаете латентной способностью развить необходимые умение и скорость. Вопрос только в одном — вы-то с этим согласны?

— Да… ну, то есть… я хотел бы надеяться, сэр.

— Я тоже хотел бы надеяться, — сухо сказал Хендрикс. — Мы поглядим. Если этой способности у вас не окажется, вы всегда сможете вернуться в свою гильдию, тут нет ничего страшного. Опыт обучения на астронавигатора сделает вас прекрасным картографом. — Астронавигатор повернулся в Келли. — Я тут малость порасспрашиваю Джонса, Келли. А потом мы все решим.

— Очень хорошо, сэр. — Келли встал.

Когда главный вычислитель вышел, Хендрикс повернулся к своему столу и вытащил из него

трудовую книжку. Обратясь к Максу, он неприязненным голосом спросил:

— Ваша?

Макс бросил взгляд, что-то сглотнул и пробормотал:

— Да, сэр.

Доктор Хендрикс посмотрел ему в глаза.

— Ну и что? Как же она рисует вашу карьеру до настоящего момента? Вы хотели бы что-нибудь сказать на эту тему?

Пауза продолжалась недолго, какую-нибудь дюжину биений сердца, однако Максу она показалась нескончаемым испытанием. Затем наступил перелом, и он услышал, как отвечает астронавигатору:

— Да ничего хорошего она не рисует. Это все липа, от начала до конца.

Произнеся эти слова, Макс сразу же удивился, зачем он это сделал. Он почувствовал, что одним ударом вдребезги разбил единственный в жизни шанс осуществить свою мечту. И все же Макс не ощутил трагичности происшедшего, вместо этого ему странным образом стало легче на душе.

Хендрикс положил трудовую книжку на стол.

— Хорошо, — сказал он. — Очень хорошо. Если бы ты ответил как-нибудь по-другому, я бы выки-

нул тебя со своего поста управления. А теперь, не соблаговолишь ли ты рассказать о себе? Садись.

Макс сел и все ему рассказал. Он только опустил имя Сэма и некоторые детали, по которым можно было его вычислить. Естественно, доктор Хендрикс заметил это и спросил об этом напрямик.

— Я не скажу, сэр.

Хендрикс кивнул головой.

— Ладно. И я хотел бы добавить, что не собираюсь делать попыток идентифицировать этого вашего — э-э — друга, если даже сверх всяких ожиданий он находится на этом корабле.

— Спасибо, сэр.

Последовало длительное молчание. В конце концов Хендрикс сказал:

— Сынок, что же привело тебя к такому неуклюжему жульничеству? Ты что, не понимал, что тебя все равно поймают?

Макс немного подумал.

— Пожалуй, я понимал, что так оно и произойдет, сэр. Но я хотел в космос, а других путей не оставалось. — Теперь, когда было сброшено невыносимое бремя лжи, у Макса появилось желание объяснить и оправдать свои поступки. Кроме того, его несколько раздражало, что доктор Хендрикс почему-то не видел, что он, Макс, сделал то

единственное, что мог сделать, — так, по крайней мере, казалось самому Максу. Поэтому, когда доктор Хендрикс не ответил, Макс продолжил: — А что бы вы сделали на моем месте, сэр?

— Я? Откуда я могу знать? Видимо, настоящий смысл вашего вопроса следующий: считаю ли я ваши поступки не только противозаконными, но и аморальными?

— М-м, пожалуй, что так, сэр.

— Дурно ли лгать, подделывать документы и давать взятки для достижения своей цели? Это хуже, чем дурно, это неблагородно!

Доктор Хендрикс задумчиво пожевал губу и продолжил:

— Возможно, сказав это, я взял на душу грех фарисейства, тут мое упущение. Не думаю, что юный бродяга без гроша в кармане, каким, судя по вашему собственному рассказу, вы были, может позволить себе роскошь благородства. А что касается всего остального, то человеческая личность — очень сложная вещь, и я в таких делах не судья. Адмирал Нельсон был лжецом, развратником и человеком абсолютно недисциплинированным. Президент Абрахам Линкольн был человеком очень вульгарным, с неустойчивой психикой. Список можно продолжать до

бесконечности. Нет, Джонс, я не собираюсь вас судить, вы должны сделать это сами. Ваши прегрешения против закона оценят власти, в чьей юрисдикции это находится. Меня же интересует только, обладаете ли вы теми способностями, которые нужны мне.

Тут Макс испытал новый шок. Он уже смирился с мыслью, что потерял последний шанс.

— Сэр?

— Не поймите меня неправильно. — Хендрикс постучал пальцами по фальшивой трудовой книжке. — Мне это не нравится. Мне это совершенно не нравится. Возможно, со временем вы поймете и искупите свою ошибку. Но в настоящее время мне крайне необходим еще один вахтенный офицер. Если вы сможете с этим справиться, я мог бы вас использовать в этом качестве. Кроме того, здесь есть еще и личный момент. Ваш дядя учил меня, я попытаюсь обучить вас.

— Я постараюсь справиться, сэр. Спасибо вам.

— Не нужно меня благодарить. В настоящий момент я даже не испытываю к вам особенно дружественных чувств. Не говорите про это никому. Я попрошу капитана назначить собрание гильдии, и там он, мистер Саймс и я проголосуем по вашему вопросу. Мы сделаем вас учени-

ком-стажером, что даст капитану возможность присвоить вам временное звание кадета торгового флота. На корабле формальности несколько отличаются от обычной процедуры, что вам, без сомнения, известно.

Максу ничего не было известно, хотя он и слышал, что в офицеры иногда попадают «через грузовой люк», но поразил его совсем другой момент.

— Мистер Саймс, сэр?

— Обязательно. Согласно этой процедуре, суждение о вас должны выносить все астронавигаторы, с которыми вы служите.

— Э-э-э… и это суждение должно быть единогласным?

— Да.

— В таком случае… знаете, сэр, об этом можно забыть. То есть я, конечно, очень благодарен вам за желание сделать… э-э-э… но… — Голос Макса затих.

По лицу доктора Хендрикса скользнула безрадостная улыбка.

— Может, вы лучше оставите беспокойство по этому поводу?

— Извините, сэр.

— Когда все будет организовано, я вас извещу.

Или, раз уж вам так хочется — «если и когда».

— Да, сэр. — Макс встал. — Сэр? Тут есть еще пара вещей, которых я не понимаю.

Хендрикс успел уже опять повернуться к своему столу.

— Что еще? — спросил он немного нетерпеливо.

— Вы не могли бы сказать мне — ну, просто, чтобы удовлетворить мое любопытство, — на чем вы меня поймали?

— А, это… Без всякого сомнения, вы выдали себя нескольким людям. Судя по некоторым моментам, которые избегает упоминать Келли, он догадывается. Вот, например, однажды я слышал, как Ланди что-то сказал вам про Киферовский «Ритц» на Луне. По вашему, хотя и неопределенному, ответу, было ясно, что в действительности вы не знаете, о какой забегаловке он говорит, — а любой космонавт обязательно знает это место — вход в него расположен прямо напротив восточного шлюза порта.

— Да уж!

— Но окончательно я все понял в связи с этой штукой. — Он снова указал на фальшивую трудовую книжку. — Джонс, я работаю с числами, и мой мозг не может перестать извлекать из них

всю содержащуюся в них информацию, так же как я не могу перестать дышать. Здесь сказано, что вы ушли в космос за год до отставки вашего дяди — я помню, в каком году это произошло. Однако вы говорили мне, что дядя учил вас дома, и ваша подготовка подтверждала это. Два набора предполагаемых фактов противоречат друг другу; нужно ли добавлять, что я был точно уверен, где правда?

— Да, похоже, я не проявил особой сообразительности.

— Нет, не проявили. Числа — очень острые орудия, Джонс. Не жонглируйте ими, а то можно порезаться. А какое второе дело?

— Понимаете, сэр, я подумал, а что будет со мной? Я насчет этого.

— А, вот вы про что, — безразличным голосом ответил Хендрикс. — Это касается исключительно Гильдии экономов и делопроизводителей. Моя гильдия не будет предпринимать действия в связи с дисциплинарными проблемами другой гильдии. Разве только они назовут это «позорным поступком» и докажут, что так оно и есть.

С этим слабым утешением Макс и покинул каюту астронавигатора. Но все равно у него на душе было легче, чем когда-либо с того момента,

как он записался на корабль. Перспектива наказания казалась бременем не столь тяжелым, как ежеминутное ожидание, что тебя разоблачат. Через некоторое время он и вообще забыл об этой проблеме, остался только восторг от возможности сделать наконец-то попытку стать астронавигатором.

Как жаль, что он не может рассказать об этом Сэму… или Элли.

Глава 12
АЛКИОНА

Введение в должность стажера происходило в конце того же дня. Капитан вызвал Макса к себе, принял у него присягу и поздравил, обращаясь к нему «мистер Джонс». Церемония была совсем простой, зрителей — только двое, доктор Хендрикс и секретарь капитана.

Мелкие бытовые подробности, которыми сопровождалось повышение, в первый момент больше поразили Макса, чем само повышение. Начались они сразу.

— Вы бы отдохнули остаток дня, мистер Джонс, встряхнулись бы, — как-то странно подмигивая, сказал капитан. — Вы не против, док?

— Конечно, сэр.

— Ну и хорошо. Беннет, вы не попросите Дюмона зайти на минутку?

Главный пассажирский эконом не выказал ни малейшего удивления, увидев недавнего третьего помощника экономa уже в ранге офицера. На вопрос капитана он ответил:

— Я собирался поместить мистера Джонса в

каюту B-014, сэр. Вы находите это удовлетворительным?

— Без сомнения, без сомнения.

— Я скажу ребятам, чтобы они сейчас же отнесли его вещи.

— Очень хорошо. Идите с Дюмоном, мистер Джонс. Нет, подождите еще секунду. Нужно найти вам фуражку. — Капитан подошел к своему гардеробу и стал в нем рыться. — Где-то тут у меня была подходящая.

Хендрикс стоял, заложив руки за спину.

— Я захватил фуражку, капитан. Мне кажется, что у мистера Джонса и у меня один размер.

— Вот и хорошо. Только, может, за последние несколько минут его голова раздулась, совсем чуть-чуть. Как?

— Если это так, — жестко усмехнулся Хендрикс, протягивая Максу фуражку, — то я позабочусь, чтобы она быстренько снова усохла.

Астронавигатор уже снял с фуражки широкую золотую полосу и изображение солнца. На их месте была узенькая полоска и крохотное солнце, окруженное кольцом, — отличительный знак стажера. Макс подумал, что, наверное, это — старые знаки различия, которые доктор Хендрикс хранил из сентиментальных соображений.

Поперхнувшись, он пробормотал слова благодарности, а затем, спотыкаясь, вслед за Дюмоном вышел из капитанской каюты.

Когда они подошли к трапу, Дюмон остановился.

— Вам нет необходимости спускаться в кубрик, сэр. Если вы сообщите мне цифровую комбинацию вашего шкафчика, мы позаботимся обо всем.

— Ой, да что там, мистер Дюмон! У меня же и багажа-то почти нет. Я могу отнести все наверх сам.

Лицо Дюмона было бесстрастным, как у хорошего дворецкого.

— Если вы, сэр, разрешите мне дать вам совет, то, пока мы займемся этим делом, вы могли бы познакомиться со своей каютой.

Это не было вопросом. Макс совершенно правильно перевел слова Дюмона на нормальный язык: «Послушай-ка, придурок. Я разбираюсь в этих делах, а ты ни черта в них не понимаешь. Так что поступай, как тебе говорят, если не хочешь наделать ошибок».

Макс позволил собой руководить. Перепрыгнуть из рядовых в офицеры, оставаясь на том же корабле, — дело нелегкое. Дюмон, в отличие от

Макса, это знал. Может, в нем взыграли отцовские чувства, может — просто любовь к точному соблюдению протокола, а может — и то и другое одновременно, но только Дюмон не собирался разрешать новоиспеченному младшему офицеру спускаться ниже палубы С, пока он не научится вести себя с достоинством, подобающим его новому положению. Так что Макс отправился на поиски каюты В-014.

На койке был самый настоящий матрас, а также покрывало. Была крохотная раковина с водопроводным краном и зеркало над ней. Была книжная полка над койкой и шкаф для одежды. Был даже откидной письменный стол. На стене висел телефон и была кнопка, при помощи которой он мог вызвать вахтенного помощника эконома! Стул, не привинченный к полу и полностью его собственный, корзина для мусора и — подумать только! — маленький коврик. А самое главное, дверь была с замком.

То, что вся каюта была вряд ли больше, чем ящик для перевозки рояля, не беспокоило его ни в малейшей степени.

Пока Макс изучал все это великолепие, пришел Дюмон. Дюмон сам не нес жалкие пожитки Макса, это дело было поручено одному из рядовых,

обслуживавших верхние палубы. Помощник эконома вошел следом за Дюмоном и спросил:

— Сэр, куда это положить?

Тут Макс с внезапным смущением сообразил, что человек, прислуживающий ему сейчас, все эти месяцы обедал в кают-компании прямо напротив него.

— О! Привет, Джим! Брось это хозяйство на койку. Большое спасибо.

— Да, сэр. Я искренне вас поздравляю.

— Спасибо. — Они пожали друг другу руки.

Дюмон дал этой подобающей церемонии продлиться самое минимальное время, а затем сказал:

— Теперь все, Грегори. Можете вернуться в кладовую. — И повернулся к Максу: — Что-нибудь еще, сэр?

— Нет, нет, все прекрасно.

— В таком случае, осмелюсь предположить, что вы, вероятно, не пожелаете собственноручно пришивать знаки различия на униформу? Ну разве что вы обращаетесь с иглой значительно лучше, чем я сам это делаю, — при этих словах Дюмон слегка, не выходя из рамок приличия, хихикнул.

— Да, пожалуй, я сумею сам.

— Миссис Дюмон весьма искусна в обращении с иголкой, ведь она заботится о пассажирах. Что, если я захвачу форму с собой? Она будет готова и отпарена к обеду.

Макс с радостью отдал форму Дюмону. Его вдруг поразила новая мысль — ведь он же будет есть в гостиной палубы В!

До обеда Максу пришлось принять еще одного гостя. Он как раз заканчивал рассовывать по местам свои вещи, когда послышался стук в дверь, после чего, не дожидаясь ответа, кто-то вошел в каюту. Макс обернулся и оказался нос к носу с мистером Саймсом.

Саймс поглядел на фуражку на голове Макса и расхохотался.

— Сними-ка эту штуку, а то уши натрешь!

Этого Макс делать не стал. Вместо этого он спросил:

— Я Вам нужен, сэр?

— Да, ненадолго. Ровно настолько, Умный Мальчик, чтобы дать тебе хороший совет.

— Да?

— Так вот. На этом корабле есть только один помощник астронавигатора, и это, — Саймс постучал себя по груди, — я. Ты про это не забывай. Я останусь им еще долго после того, как тебя

вышвырнут назад подбирать навоз за коровами. Там для тебя самое подходящее место.

Макс кожей почувствовал, как румянец гнева медленно поднимается по его шее и начинает жечь щеки.

— А почему, — спросил он, — если уж вы так думаете, вы не наложили вето на мое назначение?

Саймс снова расхохотался.

— Ты что, за дурака меня держишь? Капитан, значит, говорит «да», Астронавигатор говорит «да», а я буду высовываться? Гораздо легче подождать, пока ты высунешься сам — а ты обязательно так и сделаешь. Я просто хотел, чтобы ты понял, что этот огрызок золотой тесьмы на значит ровно ничего. Ты как был, так и остался значительно младше меня по званию. И не забывай этого.

Макс крепко стиснул зубы и не ответил. Саймс продолжал:

— Ну так что же?

— Что «что же»?

— Я только что отдал тебе приказ.

— А, ясно. Есть, мистер Саймс. Я не забуду этого. Ни в коем случае не забуду.

Саймс пристально поглядел на него и сказал:

— Я уж позабочусь, чтобы ты не забыл, — и

вышел из каюты.

Макс все еще продолжал, сжимая кулаки, смотреть на дверь, когда в нее постучал Грегори.

— Обед, сэр. Через пять минут.

Макс тянул время, сколько мог. Как бы хотелось ему сейчас свалиться по трапу на палубу Е и занять свое обычное место в шумной, теплой, комфортабельной кают-компании. В гостиную он вошел не сразу — перед дверью его охватил страх, как актера перед выходом на сцену. Великолепный зал был залит ярким светом и показался Максу совсем незнакомым; прежде он бывал здесь только рано утром, чтобы сменить кошачью посудину, стоявшую в коридоре по дороге в буфетную; в такое время в зале горело только несколько лампочек.

Он чуть не опоздал; некоторые из пассажиров уже сидели, но капитан еще стоял. Макс сообразил, что ему надо быть около своего места, быть готовым сесть, как только это сделает капитан, — точнее, когда усядутся все женщины, поправил он себя. Но куда ему идти? Он продолжал стоять, дрожа от страха и возбуждения, когда услышал свое имя:

— Макс!

Элли подбежала к Максу и бросилась ему на

шею.

— Макс! Я только что узнала! Это же просто великолепно! — Она немного отстранилась, поглядела на него сияющими глазами, а затем расцеловала в обе щеки.

Макс покраснел до самых ушей. Ему казалось, что все в зале смотрели прямо на них, да так оно в действительности и было. Его смущение еще усугублялось тем, что на Элли было сейчас формальное вечернее платье в гесперианском светском стиле, которое не только делало ее несколько старше и значительно женственнее, но и разительно не соответствовало приобретенным в деревне пуританским моральным стандартам Макса.

Элли отпустила его, что, с одной стороны, было хорошо, но, с другой стороны, подвергло его опасности рухнуть на колени. Она что-то — Макс не понимал, что именно, — трещала, когда рядом с ней возник главный эконом Дюмон.

— Капитан ждет, мисс, — твердо произнес он.

— Да ну его, этого капитана! Хорошо, Макс, встретимся после обеда. — Она направилась к капитанскому столу.

Дюмон тронул Макса за рукав и тихо пробормотал:

— Сюда, сэр.

Его место было в дальнем конце стола старшего механика. Внешне Макс знал мистера Компаньона, но ни разу еще с ним не разговаривал. Механик поднял на него глаза и произнес:

— Добрый вечер, мистер Джонс. Очень приятно видеть вас в нашем обществе. Леди и джентльмены, наш новый офицер-астронавигатор, мистер Джонс. Справа от вас, мистер Джонс, миссис Дайглер. Мистер Дайглер — справа от нее. Далее… — И представил всех сидевших вокруг стола: доктор и миссис Вебербаур и их дочь Ребекка, мистер и миссис Скотт, мистер Артур, сеньор и сеньора Варгас.

Миссис Дайглер находила прекрасным, что он получил ранг офицера. Кроме того, это так чудесно, иметь за столом побольше молодежи. Она была значительно старше Макса, но еще достаточно молода, чтобы быть привлекательной и понимать это. На ней было больше драгоценностей, чем Макс видел за всю свою жизнь, а волосы ее были скреплены лаком в сложную конструкцию высотой с фут и сплошь усеянную жемчугом. Всей своей дорогой и безукоризненной отделкой она напоминала какой-то точный механизм. Макс чувствовал себя в ее обществе

крайне неловко.

Но это была еще малая неловкость по сравнению с тем, что предстояло. Миссис Дайглер извлекла откуда-то из своего декольте платочек, легкий, как дуновение ветра, смочила его и сказала:

— Не двигайтесь, Джонс. — Потом она потерла его щеку. — Поверните слегка голову. — Покраснев от смущения, Макс сделал, как было сказано.

— Вот, ну так-то будет лучше, — возгласила миссис Дайглер. — Мамочка навела порядок. — Она отвернулась от него и сказала: — А вы не думаете, мистер Компаньон, что наука, со всеми этими чудесами, которые она творит в наше время, дойдет когда-нибудь до создания несмываемой губной помады?

— Прекрати это, Мэгги, — прервал ее супруг. — Не обращайте на нее внимания, мистер Джонс. У нее в характере есть немного садизма. Самая малость — размером с нее саму.

— Джордж, ты еще об этом пожалеешь. Ну так что вы скажете, механик?

Старший механик слегка промокнул губы белоснежной салфеткой.

— Думаю, ее могли бы уже изобрести — вот только на нее не будет спроса. Женщины любят

оставлять метки на мужчинах, хотя бы даже временные.

— Какая ерунда!

— Этот мир принадлежит женщинам, мадам!

Миссис Дайглер оставила механика и снова повернулась к Максу:

— Элдрет просто прелесть, не правда ли? Очевидно, вы знали ее «на берегу», как выражается мистер Компаньон?

— Нет, мадам.

— А каким же тогда образом? Я хотела сказать, что тут, на корабле, возможностей не так уж много. Или они все-таки есть?

— Мэгги, да прекрати же ты его изводить. Дай человеку спокойно поесть.

Зато с миссис Вебербаур, сидевшей по другую сторону от Макса, было настолько же легко и спокойно, насколько с миссис Дайглер — трудно. Убаюканный ее материнской теплотой, Макс сумел даже приступить к еде. Тут он заметил, что остальные присутствующие держат вилку совсем не так, как он, и попытался взять ее так же. Ничего, кроме конфуза, из этого не вышло; кроме того, Макс вдруг увидел свои неаккуратные ногти. От всего этого ему очень захотелось спрятаться под стол. Проглотил он не более трех сотен калорий,

в основном — в виде хлеба и масла.

В конце обеда миссис Дайглер вновь уделила внимание Максу, хотя слова ее были обращены к старшему механику:

— Мистер Компаньон, мне казалось, что есть обычай поднять бокал за повышение?

— Да, — согласился механик. — Но платить за это должен виновник. Так делается всегда.

Максу пришлось подписать счет, принесенный Дюмоном. Цифра заставила его зажмуриться — с точки зрения профессиональной карьеры его первый рейс, может, и оказался большой удачей, но с финансовой стороны это была полная катастрофа. К счету прилагалось шампанское, охлажденное в сверкающем серебряном ведерке; Дюмон перерезал проволочки и картинно извлек пробку.

Старший механик встал.

— Леди и джентльмены! Имею честь представить вам астронавигатора Джонса. И пусть он никогда в жизни не перепутает положение запятой в числе.

— Салют!

— Браво!

— Речь, речь!

Макс неуверенно встал и пробормотал:

— Большое вам спасибо.

Его первая в новой должности вахта была назначена назавтра, с восьми утра. Макс позавтракал в одиночестве и с радостью подумал о том, что из-за вахт будет есть чаще всего до или после пассажиров. На пост управления он явился за двадцать минут до срока.

Келли глянул на него и поздоровался:

— Доброе утро, сэр.

— Э-э… доброе утро, шеф! — неуверенно пробормотал Макс. Он заметил, как ухмыльнулся сидевший за компьютером Смит, и торопливо отвел от него глаза.

— Кофе только что заварен, мистер Джонс. Не желаете чашечку?

Макс позволил, чтобы Келли налил ему кофе; пока они пили, Келли неторопливо обсудил все детали дежурства — процедуру ускорения, положение и скорость корабля, используемые в данный момент двигатели, произведенные наблюдения, отсутствие особых заданий и так далее. Ногучи подменил Смита, а вскоре, за несколько минут до начала вахты, появился доктор Хендрикс.

— Доброе утро, сэр.

— Доброе утро, доктор.

— Доброе утро. — Хендрикс принял чашку с кофе и повернулся к Максу. — Вы подменили вахтенного офицера?

— Д-да… да нет, сэр.

— Ну так сделайте это. До восьми уже меньше одной минуты.

Макс повернулся к Келли и неуверенно отдал честь.

— Вы свободны, сэр.

— Хорошо, сэр, — Келли сразу же покинул помещение поста. Доктор Хендрикс сел за стол, вынул книгу и начал ее читать.

С каким-то странным чувством Макс понял, что его бросили в воду — поплывет или утонет. Он глубоко вздохнул и подошел к Ногучи.

— Ногги, давай подготовим пластинки для съемки в середине вахты.

Ногучи бросил взгляд на хронометр.

— Как скажете, сэр.

— Ну… Пожалуй, еще рановато. Давай сделаем несколько доплеровских отсчетов.

— Будет сделано, сэр. — Ногучи выбрался из кресла перед компьютером, в котором он по-барски расположился.

Макс тихо сказал:

— Слышь, Ногги, тебе ж не обязательно все

время ко мне с этим «сэром».

Ногучи ответил так же тихо:

— Келли не слишком понравится, если я не буду. Пусть уж так оно и будет.

— А, так. — Макс озабоченно нахмурился. — Ногги, а как все остальные к этому относятся?

Ногги не стал притворяться дурачком. Он ответил:

— Ерунда, не бойся, все они горой за тебя, ты только сам постарайся справиться.

— Это точно?

— Совершенно точно. Конечно, если только не начнешь изображать из себя невесть что, как некоторые, ты понимаешь.

Потом вычислитель добавил:

— Ну, может, один Ковак не очень радуется. Ты же знаешь, он сам иногда руководил вахтой — и это у него как раз только начиналось.

— Он обиделся?

— Да не то чтобы. Он же не думал, что это продлится долго, особенно теперь, когда скоро скачок. Он не станет делать ничего такого, чтобы устроить тебе неприятности, будет вести себя как нужно.

Макс решил поразмыслить, что бы такое предпринять, чтобы перетащить Ковака на свою

сторону. Они с Ногучи поработали на доплероскопе, сделали отсчеты по звездам, расположенным прямо по курсу, проверили результаты по астроспектрографу и сравнили те и другие результаты со стандартными пластинками из хранилища карт. По первости Макс старался не забывать, что сейчас он возглавляет вахту, но потом так увлекся хлопотными подробностями измерений, что все позабыл. Через некоторое время Ногучи тронул его за рукав.

— Уже скоро десять, сэр. Я, пожалуй, буду ставить пластинки.

— Что? Конечно же, давай. — Макс напомнил себе, что не должен сейчас помогать Ногучи; у картографа были свои прерогативы. Однако он проверил установку, как это всегда делал Хендрикс, очень редко — Саймс, а Келли — иногда, в зависимости от того, кто в данном случае работал на камерах.

После получения новых данных Макс запрограммировал задачу на бумаге (времени было сколько угодно), а затем продиктовал ее Ногучи на компьютер. «Мальчика с таблицей» не было, так что он листал их сам. Макс помнил все эти числа так же ясно, как и всегда, но выполнял указание Хендрикса не полагаться полностью на

свою память.

Результат его обеспокоил. Они шли «не в колее». Не то чтобы «Асгард» сильно отклонился от курса, но все же отклонение было измеримым. Он проверил свои записи, затем при помощи Ногучи с компьютером решил задачу снова, применив другую технику программирования. Результат был тем же самым. Вздохнув, он вычислил требуемую коррекцию курса и хотел было отнести ее Хендриксу, чтобы получить его одобрение, но астронавигатор по-прежнему не уделял ему никакого внимания; он сидел у пульта, читая какой-то роман из корабельной библиотеки.

Макс решился. Он подошел к Хендриксу и сказал:

— Простите, пожалуйста, сэр. Мне надо на минутку к пульту.

Хендрикс, не отвечая, встал и нашел себе другое место. Макс сел к пульту и вызвал машинное отделение.

— С вами говорит вахтенный офицер поста управления. Я собираюсь увеличить тягу в одиннадцать-ноль-ноль. Сверим время.

Макс подумал, что Хендрикс обязательно должен был его слышать, однако тот не подавал ни малейшего знака внимания. Макс ввел поправку,

затем установил таймер, чтобы указание было исполнено в одиннадцать плюс-минус ничего.

Незадолго до полуночи появился Саймс. Макс уже внес записи в вахтенный журнал, опираясь на заметки Ногучи, и подписался «М. Джонс». Затем, подумав, он добавил: «Вахтенный офицер». Саймс подошел к доктору Хендриксу, отдал честь и сказал:

— Готов подменить вас, сэр.

Хендрикс произнес первые с восьми часов слова:

— Это была его вахта.

На лице Саймса не отразилось ровно ничего; он подошел к Максу.

— Готов подменить вас.

Макс изложил ситуацию, тем временем Саймс читал вахтенный журнал и книгу приказов. Он прервал Макса в то время, когда тот еще продолжал излагать мелкие детали данных по кораблю.

— О'кей, я вас освобождаю. Мотайте из моего центра управления, мистер.

Макс так и сделал. Доктор Хендрикс к этому времени уже ушел.

Ногги все еще слонялся неподалеку от трапа. Он поймал на себе взгляд Макса, кивнул ему и показал кулак с поднятым большим пальцем.

Макс улыбнулся и собрался было поинтересоваться, было ли отклонение от курса чем-то вроде ловушки, нарочно поставленной Келли. Но он тут же решил, что так будет не очень хорошо, лучше спросить самого Келли или найти ответ в вахтенной записи.

— Спасибо, Ногги.

Эта вахта оказалась типичной лишь в том отношении, что доктор Хендрикс и дальше продолжал требовать, чтобы Макс сам был вахтенным офицером. Однако теперь он больше не держался в стороне, а, наоборот, не давал Максу ни на секунду расслабиться, часами тренируя его, требуя, чтобы он все время проводил наблюдения и расчеты, как если бы «Асгард» был совсем близок к точке перехода. Он не позволял больше Максу программировать на бумаге, делая вид, что времени у них в обрез и данные должны поступать в компьютер без малейшего промедления, чтобы результаты вычислений сразу использовались для управления кораблем. Макс обливался потом, держа в каждом кулаке по тумблеру управления кораблем; в роли «мальчика с таблицами» выступал сам Хендрикс. Астронавигатор требовал от него скорости, скорости и еще раз скорости — но ни в коем случае не ценой снижения точности,

ведь любая ошибка была непростительна. Но основной целью все время была все большая и большая скорость.

Как-то раз Макс взмолился:

— Сэр, если вы разрешите мне прямо вводить все это в машину, я сэкономлю уйму времени.

— Когда у вас будет свой пост управления, — резко оборвал его Хендрикс, — делайте как хотите, если сочтете это разумным. А пока что вы будете работать, как я говорю.

Изредка вместо Хендрикса за его работой наблюдал Келли. Главный вычислитель был крайне официален, говорил фразами типа: «Осмелюсь предложить вам, сэр…» или «Думаю, что я бы сделал это следующим образом, сэр». Но однажды у него вырвалось: «Ты совсем сдурел, Макс. Никогда и не пробуй делать такие идиотские штучки!»

Когда он сразу же начал извиняться за свою грубость, Макс широко улыбнулся.

— Ради бога, шеф. На какой-то момент я почувствовал себя как дома. Большое спасибо.

Келли выглядел смущенно.

— Наверное, я очень устал. Мне бы сейчас совсем не помешало затянуться и выпить немного кофе.

Пока они устраивали перекур, Макс увидел,

что Ланди далеко и не может их услышать. Тогда он спросил:

— Шеф! Вы же знаете больше, чем я выучу за всю свою жизнь. А почему вы не сделали попытку стать астронавигатором? Неужели у вас не было подходящей возможности?

Келли вдруг как-то сник.

— Я раз попытался, — неохотно сказал он. — И теперь я знаю пределы своих возможностей.

Макс, до крайности смущенный, замолк. С этого момента Келли снова стал, если никто их не слышал, называть его Максом.

После того как Макс переселился наверх, на палубу В, он не видел Сэма больше недели. Да и потом встреча была случайной, они столкнулись неподалеку от канцелярии казначея.

— Сэм!

— Доброе утро, сэр! — Сэм широко ухмыльнулся и четко отдал честь Максу.

— Ты чего это? Какое еще к черту «доброе утро, сэр»? Как жизнь-то, Сэм?

— Вы что, не собираетесь мне в ответ отдать честь? Вам бы следовало понимать, что по своему служебному положению я могу доложить об этом. А наш капитан крайне, крайне щепетилен в вопросах корабельного этикета.

Макс издал не слишком пристойный звук.

— Можешь стоять так, с лапой у уха, пока совсем не окостенеешь. И кончай придуриваться.

Сэм расслабился.

— Сынок, я же все время собирался сходить наверх и поздравить тебя, но как только у меня выпадет свободная минута, оказывается, что ты на вахте. Ты что, и живешь теперь в этой вашей Хитрой яме?

— Да почти что и так. Слышь, я свободен сегодня вечером до двенадцати. Что ты скажешь, если я забегу к тебе вниз?

Сэм покачал головой:

— Я буду занят.

— И чем это ты будешь там занят? Ты боишься группового побега из тюрьмы? Или бунта на борту?

Сэм ответил спокойно и рассудительно:

— Сынок, пойми меня правильно, но держись-ка ты своей половины корабля, а я буду держаться своей. Нет, нет, помолчи и послушай. Я очень горжусь тобой, будто это я тебя открыл. Однако ты не должен допускать дружественных отношений с рядовыми, даже с главным надзирателем. По крайней мере — пока.

— Да кто там узнает? И кому какое до этого

дело?

— Ты же прекрасно понимаешь, что Джордана с восторгом поведает Куйперу, что у тебя нет представления, как должен вести себя офицер, — а старушка леди Куйпер обязательно передаст это казначею. Послушай лучше моего совета. Разве я тебе когда-нибудь давал плохие советы?

Макс оставил этот разговор, хотя его прямо распирало от желания побеседовать с Сэмом. Нужно было рассказать ему, что подделка документов раскрыта, и посоветоваться относительно возможных последствий.

По пути к себе в каюту он размышлял, что и теперь ничто не мешало осуществлению первоначального плана — сбежать с корабля на Новой Земле. Только вот теперь он позволить себе этого не мог. Он же офицер.

«Асгард» подходил к точке перехода; пост управления снова перешел на попеременные вахты. Но доктор Хендрикс все еще не стоял вахты сам; менялись Саймс и Джонс. Астронавигатор каждую вахту был с Максом, но требовал, чтобы тот выполнял всю работу и нес всю ответственность сам. Макс совсем изматывался, он понял, что изучение теории и тренировочные задачи — это ерунда по сравнению с тем, когда все зависит

от тебя и нет ни способа, ни времени проверить себя вторично. Ты должен быть прав каждый раз — и каждый раз были сомнения.

Когда в последние двадцать четыре часа вся команда перешла на непрерывное дежурство, Макс ожидал, что теперь-то доктор Хендрикс уж точно отстранит его. Но вышло по-другому: Саймса — того астронавигатор действительно отстранил, а Макс сохранил свое положение. Только теперь доктор Хендрикс все время наклонялся над ним, наблюдая за каждым его движением, хотя ни во что пока не вмешиваясь.

«Господи! — думал Макс. — Не может же быть, чтобы он дал мне провести этот переход, я же к этому еще не готов, совсем не готов. Я же не справляюсь».

Однако новые данные поступали так быстро, что времени на размышления просто не оставалось; надо было обрабатывать данные, смотреть на выдаваемые машиной ответы и принимать решения. И только за двадцать минут до перехода Хендрикс, не сказав ни слова, оттолкнул его в сторону и взял управление на себя. Макс не успел даже прийти в себя к тому моменту, когда «Асгард» прорвался к новым небесам.

Последний перед Алкионой подход к точке

скачка и сам скачок были почти такими же. Сначала пара недель легких вахт, возглавлявшихся Саймсом, Коваком и Максом; тем временем Келли и Хендрикс пытались хоть немного отдохнуть. Максу нравилось это время, и вахты, и промежутки между ними. На вахтах он продолжал тренироваться, пытаясь достичь нечеловеческой скорости доктора Хендрикса. После вахты он спал и жил в свое удовольствие. Гостиная В не приводила больше его в ужас. Он теперь играл здесь с Элли в 3-шахматы. Мистер Чипс, сидя на плече, подавал (или подавала) ей советы. Элли давно уже строила глазки капитану Блейну и убедила его, что Чипси такая ручная, так хорошо себя ведет и, вдобавок ко всему, имеет хорошие манеры (Элли обучила ее при каждом появлении капитана провозглашать «Доброе утро, капитан!») — в общем, настолько цивилизованная, что никак нельзя держать ее в клетке.

Макс даже научился довольно жалко отшучиваться от миссис Дайглер. Он заранее придумывал ответы и ждал удобного случая их употребить. Элли все грозилась научить его танцевать, однако он откладывал это на потом, пока возобновившиеся перед скачком переменные вахты не сделали такие уроки невозможными.

И снова в конце подхода к точке скачка он оказался перед пультом управления. На этот раз доктор Хендрикс сменил его всего за десять минут до прорыва.

На последней, легкой части пути к Алкионе Элли со своей решительностью все же уломала его. Макс научился танцевать. И это ему понравилось. У него было хорошее чувство ритма, он не забывал ее указаний, и держать в руках легкую, благоухающую Элли было приятно.

— Ну, я сделала все, что было в моих силах, — заявила она в конце концов. — Ты — лучший двуногий танцор, какого я когда-либо в жизни встречала.

Она потребовала, чтобы он танцевал с Ребеккой Вебербаур и миссис Дайглер. Миссис Дайглер (по крайней мере, пока она не раскрывала рта) была совсем не так уж плоха, а Ребекка — так просто прелесть. Макс начал уже с нетерпением подумывать о злачных местах Алкионы, ведь главной причиной обучения танцам было то, что он должен будет сопровождать Элли в эти заведения.

Одно только омрачало этот период: у Сэма были неприятности. Макс узнал об этом не сразу. Как-то он рано поднялся, чтобы идти на вахту, и с удивлением увидел Сэма, подметающего пол в

пустом коридоре пассажирских помещений. Тот был в комбинезоне, без полицейского значка.

— Сэм!

— А, привет, сынок, — взглянул на него Сэм. — Не ори так громко, всех разбудишь.

— Но, Сэм, какого это черта ты тут делаешь?

— Я? Я вроде как делаю этой палубе маникюр.

— Почему?

Сэм оперся на швабру.

— Понимаешь ли, сынок, дело обстояло примерно так. Мы с капитаном несколько разошлись во взглядах. Ну и он взял верх.

— Тебя выгнали с места?

— У тебя просто потрясающая интуиция.

— Да что же случилось?

— Макс, чем меньше ты будешь знать про эти дела, тем лучше. Sic transit gloria mundi.[3] Ничего, бывает и хуже.

— Но… Слушай, мне надо быстро чего-нибудь перехватить и бежать на вахту. Я зайду к тебе потом.

— Ни в коем разе.

Что произошло, Макс узнал от Ногучи. Оказывается, Сэм устроил нечто вроде казино в одной из

---

[3] Примечания: 3
Так проходит слава мирская (лат.).

пустых кладовых. И все бы ничего, ограничься он картами и костями. Но затем появилась рулетка.

Джордана начал подозревать, что это новенькое, с иголочки рулеточное колесо слабее подчинялось теории вероятности, чем делают обычно его аналоги в более приличных заведениях. Он поделился своими подозрениями со старшим делопроизводителем Куйпером, после чего события неумолимо разворачивались дальше.

— Когда он установил эту рулетку?

— Сразу, как поднялись с Планеты Гарсона. — Макс почувствовал себя несколько неуютно от мысли о «грелках на чайники», которые он помог Сэму пронести на борт. Ногучи продолжал: — Да неужели же вы не знали, сэр? Я думал, что вы с ним были довольно близки — ну, то есть пока вы не поднялись на верхнюю палубу.

Макс ушел от ответа и углубился в журнал приказов по кораблю. Он нашел соответствующую запись. Она была добавлена Беннетом вчера, после вахты Саймса. Сэму было запрещено до окончания рейса покидать корабль; окончательное решение о дисциплинарном взыскании откладывалось до возвращения на Землю.

Похоже, это означало, что капитан Блейн из самых лучших побуждений собирался дать Сэму

шанс продемонстрировать «хорошее поведение» до того, как сделать представление гильдии. Капитан был отличный старик, это уж точно. Но «запрещено покидать»? Ведь в таком случае у Сэма не будет возможности убежать от того, от чего он хотел убежать, что бы это ни было. Макс нашел Сэма в первый же перерыв между вахтами и вытащил его из кубрика в коридор.

— Я же, кажется, не велел тебе искать меня, — кисло скривился Сэм.

— Да ерунда это! Я же о тебе беспокоюсь. Эта самая история насчет «запрещено покидать…», ведь в таком случае ты не сможешь…

— Заткнись! — Сказано это было шепотом, но таким, что Макс заткнулся. — Ну так вот, — продолжал Сэм. — Забудь про это. Я набрал денег, и это — самое главное.

— Но…

— Ты что, думаешь, они сумеют законопатить эту посудину так плотно, чтоб удержать меня, когда я решу уйти? А теперь держись от меня подальше. Ты теперь любимчик учителя, и я бы хотел, чтобы так оно и было. Мне совсем не хочется, чтобы тебе читали нотации про дурных товарищей — меня, то есть.

— Но я же хочу тебе помочь, Сэм. Я…

— Не будешь ли ты любезен сидеть на своей палубе С?

Больше за этот переход он не видел Сэма. Хендрикс потребовал, чтобы Макс рассчитал подход к планете (хотя это были детские игрушки по сравнению с расчетом подхода к точке перехода), а затем, во время посадки, отдал управление Максу. Эта ответственность была чисто формальной, так как посадка рассчитывалась заранее, а потом велась по радару в автоматическом режиме. Макс сидел за пультом, держа руки на управлении, готовый подменить автопилот, — а Хендрикс стоял у него за спиной, готовый подменить его, — но ни в том ни в другом необходимости не возникло; «Асгард» опустился по расчетной траектории легко и просто, словно спустился по лестнице. Опоры выдвинулись и встали на покрытие порта. Макс доложил:

— Сэр, посадка проведена по программе.

— Отключай.

Макс объявил по корабельной системе оповещения:

— Отключить силовую установку. Отключить все агрегаты, связанные с полетом. Наземная процедура, вторая часть.

Из четырех дней, проведенных на Алкионе,

первые три он потратил, номинально руководя процедурой проводившихся раз в девяносто дней проверок и текущего ремонта приборов центра управления, а фактически — обучаясь ей у Ковака. Элли была очень разочарована и сердилась на него, у нее были совсем другие планы. Однако в последний день Макс все же смог выбраться с ней на поверхность. Их сопровождали мистер и миссис Мендоса.

Это был прекрасный выходной. По сравнению с Землей Алкиона — место довольно тусклое, а Бонапарт трудно назвать большим городом. И все-таки Алкиона — планета земного типа с воздухом, пригодным для дыхания, а пассажиры и команда «Асгарда» последний раз были на свежем воздухе в Земпорте, который отделяли теперь от них месяцы времени и немыслимое количество световых лет расстояния. Здесь был самый разгар лета, Алкиона только-только прошла перигелий, Ню Пегаса сверкала на голубом небе тепло и ярко. Мистер Мендоса нанял экипаж, запряженный четверкой пофыркивающих маленьких алкионских пони, и они покатили по зеленой, холмистой местности. Тут они осмотрели поселок местных жителей — нечто, напоминающее огромный пчелиный улей, слепленный из глины, конус на

конусе. В этом поселке вся компания обзавелась сувенирами, причем по внимательном рассмотрении на двух из них оказались малозаметные надписи «Сделано в Японии».

Кучер, герр Айзенберг, заодно служил и переводчиком. Абориген, продавший им сувениры, все время скашивал свои глаза, один за другим, на миссис Мендоса. Он что-то прощебетал кучеру, который в ответ грубо расхохотался.

— Что он там лопочет? — поинтересовалась миссис Мендоса.

— Он говорит вам комплименты.

— Да? И какие же?

— Ну… Он говорит, что вы в самый раз для поджаривания на медленном огне, не нужно было бы даже приправ, вы и так поджарились бы просто великолепно. И он с превеликой охотой сделал бы это, — добавил колонист, — если бы вы остались здесь после наступления темноты.

Дама слегка вскрикнула.

— Вы же не хотите сказать, что они здесь каннибалы. Хоси, уведи меня отсюда!

Герр Айзенберг, видимо, пришел в ужас от такой мысли.

— Каннибалы? О, конечно же нет, леди. Они никогда не едят друг друга, они едят только нас — то

есть когда у них появляется такая возможность. Но за последние двадцать лет таких случаев не было ни одного.

— Но это же еще хуже!

— Да нет же, леди. Вы попробуйте посмотреть на это с их точки зрения. Они цивилизованы. Этот вот парень ни в коем случае не нарушит ни одного из своих законов. Но мы для них — просто уйма великолепного мяса, до которого, к сожалению, довольно трудно добраться.

— Сейчас же уведите нас отсюда. Это же ужас, нас только пятеро, а их здесь сотни.

— Тысячи, леди. Но вы в полной безопасности, пока на небе сверкает Гнири. — Он указал рукой на Ню Пегаса. — Убивать скот на мясо при дневном свете — табу. Потом будет являться дух убиенного.

Несмотря на все его уверения, компания быстро собралась в обратный путь. Макс обратил внимание на то, что Элдрет эти страхи не тронули. Сам он не совсем понимал, что мешало аборигенам связать их и подождать, пока наступит ночь.

Обедали они в «Жозефине», лучшем (и единственном) отеле Бонапарта. Но тут все-таки имелся настоящий оркестр из трех инструментов и небольшая танцевальная площадка, а пища

отличалась от опостылевшего всем корабельного меню. В зале было много пассажиров «Асгарда» и несколько офицеров, получилась довольно веселая компания. Элли заставляла Макса танцевать при каждой перемене блюд. Он настолько расхрабрился, что даже пригласил танцевать миссис Дайглер, когда та подошла и изъявила такое желание.

Во время перерыва Элдрет вывела Макса на балкон, примыкавший к ресторанному залу. Тут она пристально посмотрела на него.

— Ты бы оставил в покое эту дайглеровскую шлюшку, слышишь меня?

— Что? Да я же ничего такого не сделал.

Неожиданно Элли широко улыбнулась.

— Конечно же нет, дурачок ты мой великовозрастный. Но ничего, тетя Элли не даст тебя в обиду.

Она повернулась к перилам и облокотилась на них. Уже наступила ранняя алкионская ночь, три местные луны гонялись друг за другом по небу. В небе этом сверкало во много раз больше звезд, чем в небе Земли, затерянной на малонаселенных задворках Галактики. Макс показал Элли чужие, непривычные созвездия и указал, в какую сторону они уйдут завтра, чтобы достичь точки

перехода, который выведет к Новой Земле. К этому времени он изучил четыре новых небосвода, знал их не хуже, чем тот, который висел над Озарком, — а предстояло ему изучить еще многие и многие небеса. Да он и теперь, по картам, заранее изучал чужие небеса, которые ему предстояло увидеть во время этого рейса.

— Ой, Макс, как же это красиво!

— Конечно, красиво. Гляди, вон метеор. Они здесь редкость, большая редкость.

— Загадай желание, быстро загадай желание!

— О'кей. — Макс задумал, чтобы для него легко прошло выяснение отношений насчет подделки документов. Потом он подумал, что это нехорошо, в первую очередь нужно было загадать, чтобы Сэм выбрался из своих неприятностей, да и вообще, все эти приметы — глупое суеверие.

— Что ты загадал? — повернулась к нему Элли.

— Что? — Он вдруг застеснялся. — Да нельзя же это рассказывать, а то не сбудется.

— Ну ладно. Но я уверена, — тихо добавила она, — что твое желание сбудется.

Он на мгновение подумал, что мог бы поцеловать Элли прямо сейчас, если бы повел себя верно. Но момент был упущен, и они вернулись в зал. Однако ощущение это не покидало его и

на обратном пути, озаряя все вокруг. Все-таки мир был хорошо устроен, хотя и бывали в нем трудные положения. Вот он, например, практически — начинающий астронавигатор в первом своем рейсе, а ведь какие-то недели тому назад он одалживал у Макалистера мулов, чтобы убрать урожай, и старался ходить по возможности босиком, чтобы не стаптывать ботинки.

И вот теперь он в форме космонавта едет рядом с самой роскошно одетой девушкой на четырех планетах.

Он потрогал пальцем знаки различия на своей форменной куртке. Теперь, когда он офицер, женитьба на Элли уже не казалась такой уж совсем невозможной — если он вообще когда-либо решит жениться. Вполне возможно, что ее отец не сочтет офицера — к тому же астронавигатора — слишком неподходящей партией для своей дочери. А Элли была вполне ничего, и характер у нее был крепкий, и в 3-шахматы прилично играла, а ведь большинство девиц и правила запомнить не могут.

В таком вот радужном настроении Макс и пребывал, пока они возвращались на корабль и их поднимали наверх.

Келли встретил его прямо у шлюза.

— Мистер Джонс, капитан хочет вас видеть.

— Как? Ну, спокойной ночи, Элли, мне надо бежать. — Он поспешил вслед за Келли. — В чем там дело?

— Доктор Хендрикс умер.

Глава 13
ПЕРЕХОД

По дороге к капитанской каюте Макс на ходу расспрашивал Келли.

— Не знаю я. Я совсем ничего не знаю. — Келли, похоже, был близок к тому, чтобы заплакать. — Я видел его перед обедом — он заходил в Яму, чтобы проверить, как там дела. И выглядел вполне хорошо. А потом, вечером, эконом зашел к нему в каюту и нашел его на койке, мертвым. Уж и не знаю, — растерянно добавил Келли, — что теперь будет.

— В каком смысле?

— Ну… Я бы на месте капитана остался здесь и запросил для него замену. Но не знаю, не знаю…

Теперь только Макс сообразил, что это несчастье делает астронавигатором мистера Саймса.

— А как долго придется ждать замены?

— Ну вот считай сам. «Дракон» пойдет через три месяца после нас. Он возьмет от нас почту. Так что всего потребуется около года.

В отличие от обычных путешествий при межзвездных самым быстрым средством связи были

сами корабли; радиограмма на Землю (если бы кому могла прийти в голову подобная глупость) шла бы две сотни лет, столько же шел бы и ответ на нее.

Когда они подошли к каюте капитана, дверь была раскрыта, а внутри толпились офицеры. Они стояли вокруг капитанского стола молча, с очень серьезными лицами. Макс тихо проскользнул внутрь, Келли остался снаружи. Капитан Блейн сидел за столом, опустив голову. Несколько участников сегодняшнего веселья в «Жозефине» появились еще позже Макса. Первый помощник Вальтер перебрал глазами присутствующих и затем тихо сказал Блейну:

— Здесь присутствуют все офицеры корабля, сэр.

Капитан поднял голову, и Макс был потрясен, увидев, насколько постарел он за несколько часов.

— Джентльмены, — тихо произнес капитан, — вы все знаете печальную новость. Сегодня вечером доктор Хендрикс был найден мертвым в собственной каюте. Сердечный приступ. Врач определил, что он скончался за два часа до того, как его нашли, и что смерть была, вероятно, почти безболезненной. — Ему потребовалось

несколько секунд, чтобы вернуть твердость предательски дрожавшему голосу. — Мы выведем брата Хендрикса на его последнюю орбиту завтра, через два часа после старта. Он бы хотел этого, Галактика была его домом. Он отдал всего себя без остатка тому, чтобы люди могли безопасно странствовать от звезды к звезде.

Тут капитан замолчал, и молчал так долго, что Макс подумал уже, что он забыл об их присутствии. Однако, когда он заговорил снова, голос его был почти что бодрым.

— Это все, джентльмены. Астронавигаторов прошу остаться.

Макс не был вполне уверен, может ли он считаться астронавигатором, но употребление капитаном множественного числа решило этот вопрос. Первый помощник Вальтер пошел было к выходу. Капитан Блейн остановил его. Когда они остались в каюте вчетвером, капитан сказал:

— Мистер Саймс, вы сейчас сразу же заступаете на место начальника центра управления. Мистер, э-э… — Он посмотрел на Макса.

— Джонс, сэр.

— Мистер Джонс, естественно, возьмет на себя ваши рутинные обязанности. В связи с этой трагедией будет ощущаться острая нехватка пер-

сонала; остаток рейса я буду стоять вахты.

— В этом нет необходимости, капитан. Мы сумеем справиться, — сказал Саймс.

— Возможно. Но я так решил.

— Да, сэр.

— Приготовьтесь к старту согласно программе рейса. Есть вопросы?

— Нет, сэр.

— Спокойной ночи, джентльмены. Вальт, останься, пожалуйста, на минутку.

По выходе из каюты Макс остановил Саймса.

— Мистер Саймс?

— Что? Да?

— Будут какие-нибудь указания, сэр?

Саймс оглядел его с головы до ног.

— Вы просто стойте свою вахту, сэр, а я справлюсь со всем остальным.

На следующее утро Макс обнаружил у себя на столе траурную наручную повязку, сопровождавшуюся запиской первого помощника. В записке говорилось, что траур продлится одну неделю. «Асгард» стартовал по расписанию, Саймс сидел за пультом управления, а капитан на стуле в стороне. Макс стоял около капитана без всякого дела. Все было как обычно, если не считать отсутствия Хендрикса, — только вот Келли явно находился в

дурном расположении духа. Саймс, Макс должен был признать это, хорошо провел маневр — но ведь старт был рассчитан заранее, это мог бы сделать кто угодно; да что там, на этом сиденье могла бы сидеть Элли. Или Чипси.

Первую вахту после старта стоял Макс. Саймс ушел, предварительно приказав, чтобы он не отклонялся от программы полета, не известив об этом предварительно его, Саймса. Часом позднее Ковак временно подменил Макса, и тот поспешил к пассажирскому шлюзу. В почетном карауле было пять человек — капитан, мистер Вальтер, Саймс, Макс и Келли. Позади них толпились офицеры и большая часть команды. Пассажиров не было видно.

Внутренний люк шлюза был открыт; двое из команды эконома внесли тело в шлюз и прислонили его к наружному люку. Макс с облегчением увидел, что оно полностью, с головы до ног, завернуто в саван. Носильщики закрыли внутренний люк и отошли в сторону.

Капитан стоял прямо напротив люка, Саймс и первый помощник — с одной стороны, а с другой, напротив них, — Макс и Келли. Капитан бросил через плечо одно-единственное слово:

— Давление!

Позади него стоял Беннет с переносным телефоном, он передал команду в машинное отделение. Стрелка манометра над люком стояла на одной атмосфере; теперь она поползла вверх. Капитан вынул из кармана книжечку и начал читать заупокойную службу. Чувствуя, что не может это слушать, Макс стал смотреть на стрелку манометра. Она все ползла и ползла вверх. Макс подумал, что ко времени его ухода с поста управления корабль уже перешел скорость убегания для системы Ню Пегаса; тело выйдет на гиперболическую орбиту и навсегда уйдет в безбрежный космос.

Давление достигло десяти атмосфер. Капитан Блейн закрыл свою книжечку.

— Предупредите пассажиров, — сказал он Беннету.

Вскоре по всему кораблю разнеслось из динамиков системы оповещения: «Всем членам команды! Всем пассажирам! Корабль в течение тридцати секунд будет в состоянии невесомости. Крепко возьмитесь за что-нибудь и не меняйте своего положения!» Макс пошарил рукой у себя за спиной и нащупал одну из многочисленных ручек, которые всегда прикрепляются вокруг люка шлюза. Он крепко взялся за нее таким обра-

зом, чтобы при переходе к невесомости ноги его не оторвались от палубы. Завыла сирена предупреждения, и он вдруг потерял свой вес, так как и тяга корабля, и искусственное тяготение были одновременно отключены.

Он услышал громкий и твердый голос капитана:

— «Пепел к пеплу, прах к праху». Сбрасывайте тело.

Стрелка манометра упала вдруг до нуля, и доктор Хендрикс был запущен в космос, чтобы вечно странствовать от звезды к звезде.

Машинное отделение перевело корабль на нормальный режим, и Макс снова ощутил весь свой вес. Стрелка манометра поползла потихоньку к единице. Люди стали расходиться, тихо переговариваясь между собой. Макс поднялся в центр управления и снова принял вахту.

На следующее утро Саймс перебрался в каюту доктора Хендрикса. Насчет этого было какое-то выяснение отношений с первым помощником Вальтером — Макс узнал об этом только через третьи руки, — но капитан поддержал Саймса; тот остался в каюте астронавигатора. В Хитрой яме установилась рутина, не слишком отличавшаяся от того, что было раньше, правда, на всем

теперь был отпечаток личности Саймса. Прежде у них никогда не было повахтенного расписания в письменном виде; Келли всегда назначал рядовых, а доктор — начальников вахты, устно. Теперь появился аккуратно напечатанный список:

ПЕРВАЯ ВАХТА — Рэндольф Саймс, астронавигатор.

ВТОРАЯ ВАХТА — капитан Блейн (обучается М. Джонс, проходящий службу стажера).

ТРЕТЬЯ ВАХТА — Келли, гл. выч-ль.

(подписано) Рэндольф Саймс, астронавигатор.

Далее следовало расписание на четыре вахты для рядовых.

Макс посмотрел на этот шедевр и, пожав плечами, выбросил его из головы. Было совершенно очевидно, что Саймс точил на него зуб, хотя невозможно было понять — чего ради. В равной степени очевидно было, что Саймс не намерен предоставить ему возможность хоть сколько-нибудь заниматься астронавигацией и, соответственно, что шансы Макса быть через некоторое время принятым в полноправные братья упали теперь, со смертью доктора Хендрикса, до нуля. Если только, конечно, капитан Блейн не сумеет уломать Саймса и вынудить его написать

благоприятный отзыв, на что надежды было мало. Макс начал снова подумывать насчет того, чтобы убежать с Сэмом на Новую Землю.

Ну а тем временем надо было просто стоять свои вахты и стараться не влипнуть в неприятности. Такие уж дела.

На пути от Алкионы к Новой Земле предстоял всего один переход, скачок в девяносто семь световых лет из точки, расположенной в трех неделях хода с ускорением в девятнадцать g от Алкионы. Ускорение всегда зависело от расстояния между отправной точкой и точкой перехода, так как надо было прибыть туда со скоростью, почти равной скорости света. Хитрая яма первые две недели работала с одной вахтой из трех для офицеров и одной из четырех — для рядовых. Капитан Блейн появлялся в каждую свою вахту, однако охотно доверял Максу исполнение несложных пока что обязанностей. Обучением Макса и пояснениями он занимался мало, а когда это случалось, чаще всего переходил на истории из своей и чужой практики, занимательные, но совершенно бесполезные.

Макс пытался продолжить свои тренировки, проводя рутинные вахтенные вычисления так, словно его страшно поджимает время, как это и

в действительности будет незадолго до перехода. Капитан Блейн понаблюдал за ним, а потом мягко заметил:

— Сынок, не загоняй ты себя в такое состояние. Всегда программируй на бумаге, если есть такая возможность — всегда. И проверяй все не торопясь. От лишней спешки только ошибки. — Макс ничего не ответил, думая о докторе Хендриксе, однако приказ выполнил.

По окончании первой своей вахты с капитаном Макс, как обычно, расписался в вахтенном журнале. Когда, четырьмя часами позже, на вахту вышел Саймс, Макса вытащили из койки с приказанием явиться на пост управления. Саймс указал на вахтенный журнал.

— В чем дело?

— Что вы имеете в виду, сэр?

— Подпись в вахтенном журнале. Вахту возглавляли не вы.

— Понимаете, сэр, похоже, что капитан так и думал, что распишусь я. Я расписывался уже много раз в прошлом и у него не возникало возражений.

— Хм. Я поговорю об этом с капитаном. Вернитесь в свою каюту.

По окончании следующей вахты, не получив

за это время никаких указаний, Макс заполнил вахтенный журнал и отнес его капитану.

— Сэр? Не желаете это подписать? Или мне сделать это самому?

— Э? — Блейн посмотрел на журнал. — О, наверное, лучше мне это сделать самому. Всегда надо, по возможности конечно, давать руководителю подразделения вести дела так, как он считает нужным. Вспомни это, сынок, когда ты сам станешь шкипером. — Он расписался в журнале.

Все так и продолжалось, пока капитан не стал уходить с вахты, сначала — ненадолго, потом — и на более длительное время. Наконец наступил момент, когда его не было в конце вахты. Макс позвонил мистеру Саймсу.

— Сэр, капитан отсутствует. Что мне делать?

— Ну и что? Он в полном праве покинуть центр управления.

— Но Келли готов заступить на вахту, а вахтенный журнал не подписан. Мне его подписать самому? Или я должен позвонить капитану?

— Позвонить ему? Матерь божья, конечно же, нет. Вы что, с ума сошли?

— Каковы будут в таком случае ваши указания, сэр?

Саймс помолчал, а затем ответил:

— Напишите печатными буквами его фамилию, а потом подпишитесь ниже «По указанию» и так далее. Шевелите мозгами сами!

В последнюю неделю они перешли на попеременные вахты. Макс продолжал дежурить с капитаном Блейном, Келли ассистировал Саймсу. Как только перешли на новое расписание, Блейн стал проводить все время вахты на посту управления и, когда Макс стал было делать первый расчет, мягко отодвинул его в сторону.

— Знаешь, парень, лучше я это сделаю сам. Мы уже приближаемся.

Так что Макс стал ему ассистировать — и с ужасом понял, что капитан уже совсем не тот, каким он, видимо, когда-то был. Блейн отлично знал теорию и все приемы наикратчайшего решения задачи, но мысли его легко уходили в сторону. Дважды на протяжении одного расчета Макс был вынужден дипломатично напомнить ему об упущенных им моментах. И вдобавок ко всему Старик, похоже, сам ничего не замечал, он находился в самом жизнерадостном настроении.

Так продолжалось и дальше. Макс начал уже молить Бога, чтобы капитан дал новому астронавигатору провести переход, — и это при всем презрении Макса к Саймсу. Ему хотелось обсудить

создавшееся положение с Келли — вычислитель был единственным человеком, с которым можно было бы поговорить на такую тему, — но Келли стоял другие вахты, с Саймсом. Не оставалось ничего другого, как беспокоиться и тревожиться.

Когда пришел решающий день, выяснилось, что капитан Блейн не намерен ни проводить корабль сам, ни поручить это Саймсу; у него была своя собственная система. Когда все они находились в Хитрой яме, капитан объявил:

— Я собираюсь показать вам всем небольшую хитрость, которая убирает из астронавигации это страшное напряжение. При всем своем уважении к нашему дорогому покойному брату, доктору Хендриксу, — он, конечно, был великим астронавигатором, лучше не бывает, — должен сказать, что он работал излишне напряженно. Так вот этот метод, которому обучил меня мой учитель. Келли, не будете ли вы добры передать мне управление.

Капитан усадил их всех полукругом; он сам, Саймс и Макс вокруг компьютера, а Келли на сиденье перед компьютером. Каждый из них был вооружен бланками для программирования, а капитан Блейн, кроме того, держал на коленях клавиатуру управления.

— Так вот, идея состоит в том, чтобы все мы обрабатывали результаты наблюдений последовательно, сначала я, потом мистер Саймс, потом мистер Джонс. Таким образом, мы сможем без напряжения справиться с потоком данных. Ну хорошо, ребята, давайте работать. Все рассчитываем переход.

Они сделали пробный прогон, затем капитан поднялся.

— Мистер Саймс, вызовите меня за два часа до перехода. Я уверен, что вы и мистер Джонс сами убедитесь, что этот метод даст вам достаточно времени для отдыха.

— Да, сэр. Но, капитан, если вы позволите, я хотел бы сделать одно предложение.

— Что? Конечно, конечно, сэр.

— Разумеется, это прекрасная система, но я бы хотел предложить, чтобы в астронавигационную группу вместо Джонса был включен Келли. У Джонса мало опыта. Мы можем посадить к компьютеру Ковака, а с таблицами будет работать Ланди.

Блейн покачал головой.

— Нет, точность — это самое главное, сэр, так что нам необходимо иметь за компьютером самого лучшего оператора. А что касается мистера

Джонса, именно таким образом он и наберется опыта, а если он растеряется, вы или я всегда успеем его подменить. — Он пошел к выходу, затем добавил: — Но Ковак может меняться с Келли до моего возвращения. Никто не должен переутомляться, именно так и появляются ошибки.

— Да, сэр.

Саймс не сказал Максу больше ничего. Они начали обрабатывать результаты наблюдений по очереди, программируя письменно на стандартных бланках. Результаты наблюдений поступали через каждые двадцать минут, что давало каждому из них сорок минут на решение задачи, если только ему нужно было столько времени. Макс начал уже подумывать, что в методе капитана что-то есть. Ведь точно, доктор Хендрикс уработал себя до смерти. Корабли не изнашиваются, а люди очень даже запросто. У него было вполне достаточно времени, чтобы решать не только свои задачи, но и задачи Саймса. Данные выдавались устно, и ничто не мешало Максу программировать в уме задачу Саймса, а потом сравнивать результаты с тем, что поступало в компьютер. Пока что, насколько он видел, Саймс все делал правильно — хотя, конечно, настоящего напряжения еще не было, пока еще не было.

Они поели бутербродов и выпили кофе прямо на своих местах, покидая их не более чем на пять минут. Капитан Блейн появился минут за двадцать до условленного. Он улыбнулся и сказал весело:

— Ну как, все спокойны и счастливы? Ну а теперь мы и вправду займемся делом. У меня как раз осталось время на чашечку кофе.

Через несколько минут он занял место и взял у Саймса управление. Теперь результаты наблюдений поступали каждые десять минут, все еще вполне достаточное время. Макс продолжал обрабатывать все данные, свои — на бумаге, остальные — в уме. Он каждый раз успевал покончить с задачей ко времени поступления нового набора данных, запрограммировать все в уме и проверить перевод в двоичную систему, пока Ланди лихорадочно листал таблицы. Все это давало Максу динамическую картину того, насколько близко шли они к «колее», сколько поправок придется еще внести, пока они достигнут своей невидимой цели. У него создалось впечатление, что у Саймса есть склонность перекорректировать в то время, как капитан, по своему оптимизму, недокорректирует. Но ни один из них не заходил настолько далеко, чтобы

подвергать корабль опасности.

Возможно, он был не прав относительно капитана — Старик, похоже, умел при необходимости собраться. Его собственные — самого Макса — поправки капитан, к его радости, принимал без малейших сомнений.

Через час с небольшим, когда до перехода осталось минут сорок пять, Блейн поднял глаза и произнес:

— Ну что ж, ребята, мы уже совсем рядом. Теперь гоните как можно быстрее.

Смит и Ковак, которым помогали Ногучи и Беннет, включили самую высокую скорость, данные пошли непрерывным потоком. Макс продолжал обрабатывать каждый замер, программируя свои данные в голове и выкрикивая цифры быстрее, чем писал их на бумаге. Он обратил внимание на то, что Саймс покрылся потом. Он иногда что-то стирал и начинал вычисления заново. Однако цифры, называемые Саймсом, согласовывались с тем, что получал Макс в результате программирования в уме. Капитан Блейн казался вполне спокойным; впрочем, он не очень увеличил свой темп и иногда все еще занимал компьютер к тому времени, когда Макс уже был готов выдать свои данные.

Один раз Саймс продиктовал свои цифры слишком быстро и не совсем разборчиво.

— Повторите, сэр! — торопливо отозвался Ланди.

— Какого черта! Прочисти уши! — вскинулся Саймс, но цифры все же повторил.

Капитан бросил на него взгляд, затем вернулся к своей задаче. Как только компьютер освободился, капитан продиктовал Ланди свои цифры. Макс уже обрабатывал данные капитана в уме и, глядя на Саймса, подсознательно слушал.

В его мозгу зазвучал тревожный звонок.

— Капитан! Я не подтверждаю ваши данные!

Капитан Блейн остановился.

— Что?

— Программа неверна, сэр.

Капитан не выказал ни малейших признаков раздражения. Он просто передал свой бланк с программой Саймсу.

— Проверьте меня, сэр.

Саймс быстро пробежал числа глазами.

— Я подтверждаю ваш результат, сэр.

— Прекратите работу, Джонс, — сказал Блейн. — Мы с мистером Саймсом закончим сами.

— Но…

— Уйдите, сэр!

Макс, внутренне кипя от негодования, вышел из круга. То, что Саймс проверил результат капитана, не означало ровно ничего, разве что Саймс слышал и помнил (как это делал Макс) поступавшие данные. Капитан переставил местами восьмерку и тройку на пятом и шестом местах числа, его результат должен выглядеть совершенно правильно — если только не знать верные числа. Если бы Саймс только побеспокоился проверить их, горько добавил он про себя.

Однако Макс не мог не слушать и не обрабатывать в уме поступавшие данные. Следующий отсчет, который поступит к Саймсу, выявит ошибку капитана; его коррекция должна исправить ее. Макс знал, что это будет большая коррекция; несясь почти со скоростью света, корабль покрывал миллион миль за какие-то шесть с небольшим секунд.

Максу было видно, как Саймс помедлил, когда на компьютере вспыхнул очередной результат и Ланди перевел его в десятичные числа. Да он же совсем перепугался! Требуемая коррекция приблизит корабль почти что к критической скорости — Саймс еще чуть помедлил, а потом приказал ввести поправку в два с лишним раза меньшую, чем было нужно по расчетам Макса.

Блейн ввел эту коррекцию и продолжил считать следующую задачу. Когда появился ответ, ошибка, многократно усиленная протекшим временем и немыслимой скоростью корабля, была еще разительнее, чем раньше. Капитан бросил на Саймса пораженный взгляд, затем быстро провел коррекцию. Макс не знал, какова она, так как введена она была молча, тумблером, лежавшим у капитана на коленях. Саймс облизнул свои пересохшие губы.

— Капитан?

— Осталось время всего на один отсчет, — ответил Блейн. — Я сделаю это сам, мистер Саймс.

Данные были ему продиктованы, он начал программировать на бланке. Макс видел, как он что-то стер, потом поднял глаза. Макс посмотрел в ту же сторону. Хронометр над панелью компьютера, установленный на время перехода, показывал, что истекают последние секунды.

— Всем приготовиться! — крикнул капитан.

Макс взглянул вверх. Звезды сползались в одну точку, это означало, что до перехода остались мгновения. Видимо, пока Макс смотрел вверх, капитан Блейн нажал на второй тумблер, тот, который давал кораблю последний толчок, так как звезды вдруг потухли и мгновенно смени-

лись другой звездной твердью, по виду вполне нормальной.

Капитан откинулся в своем кресле.

— Ну, — сказал он весело, — похоже, что пронесло еще раз. — Он встал и направился к выходу, на ходу бросив через плечо. — Зайдите ко мне, когда выведете нас на курс, мистер Саймс. — Потом он исчез в люке.

Макс снова посмотрел вверх, пытаясь по картам, которые он изучил, сообразить, какую именно часть нового неба он видит. Келли тоже глядел вверх.

Макс услышал, как вычислитель пробормотал:

— Да, нас опять пронесло. Знать бы вот только — куда?

Саймс также глядел на небо. Услыхав последние слова Келли, он резко повернулся и зло спросил:

— Что вы имеете в виду?

— То, что я сказал, — ответил Келли. — Это не похоже ни на одно небо, которое я видел за всю свою жизнь.

— Чушь это все. Вы просто еще не сориентировались. Любой знает, что участок неба с первого взгляда может показаться совершенно незнакомым и странным. Достаньте карты этой области, мы быстренько найдем ориентиры.

— Они уже вынуты, сэр.

Через несколько минут большинство присутствующих согласилось, что Келли прав; чуть позже с этим согласился и Саймс. В конце концов он, с бледным, позеленевшим лицом, отвел глаза от карт.

— Никому ни слова, — сказал он. — Это приказ — и я устрою веселую жизнь любому, кто его нарушит. Келли, примите вахту.

— Да, сэр.

— Я буду в каюте капитана.

Он пошел доложить Блейну, что «Асгард» после скачка оказался в неизвестном месте. Заблудился…

Глава 14
ГДЕ УГОДНО

Двумя часами позже Макс устало карабкался по трапу в Хитрую яму. Он только что провел жуткие полчаса, рассказывая правду такой, как он ее видел. Капитан Блейн привык возлагать вину на кого угодно, кроме самого себя, однако вид у него был удивленный и потрясенный. Саймс вел себя ужасно. Его логика, похоже, состояла в том, что, так как это никоим образом не может быть его ошибкой и так как немыслимо, чтобы виновен был капитан, очевидно, это — ошибка Макса. Раз Макс был отстранен от работы за несколько минут до перехода, значит, он и допустил ошибку, внеся возмущение перед самым критическим моментом, — образно говоря, подтолкнул их под локоть.

При беседе присутствовал мистер Вальтер, бессловесный судья. Они обсуждали материи, лежащие вне круга его профессиональных познаний; он, похоже, изучал их лица. Макс упрямо держался своей точки зрения.

Келли все еще был на вахте. Ковак и Смит

снимали спектрограммы. Ногучи и Ланди занимались бумагами.

— Хотите, чтобы я вас подменил? — спросил он у Келли.

Вид у Келли был озабоченный.

— К сожалению, ты не можешь этого сделать.

— Как это?

— Пока ты сюда шел, позвонил мистер Саймс. Он говорит, что ты не будешь допущен к вахте вплоть до особого распоряжения.

— Так и сказал? Впрочем, этого следовало ожидать.

— Он сказал еще, чтобы тебя не допускали в помещение поста управления.

Макс высказал все, что он думал про Саймса. Потом добавил:

— Ну что ж, все было прекрасно, мне очень нравилось здесь работать. Пока, увидимся.

Он повернулся, чтобы уйти, но Келли его остановил.

— Не спеши, Макс. Он еще некоторое время здесь не появится. Мне нужно знать, в чем все-таки дело. Сидя за компьютером, я не вижу, что тут у вас творится.

Макс рассказал ему все, выуживая из памяти числа. В конце концов Келли кивнул.

— Это согласуется с тем, что я сумел тут раскопать. Капитан сделал ошибку, переставив цифры, — это очень просто. Затем у Саймса не хватило пороху провести большую коррекцию, когда это от него потребовалось. Но есть еще одна вещь, которой ты не знаешь. И они тоже не знают — пока.

— Что еще? Какую вещь?

— Все это есть на самописце силовой установки. Гюнтер стоял на вахте там, внизу, и рассказал мне по телефону. Нет, я конечно не сказал ему, что что-то не так. Я просто попросил его доложить мне, это вполне обычное дело. Между прочим, там, внизу, уже волнуются? Пассажиры сходят с ума?

— Нет, пока что не видно.

— Ну, это ненадолго. Такое невозможно долго скрывать. Так вот, насчет моей истории. Все было уже очень скверно, но у капитана оставался последний шанс. Он ввел коррекцию, но слишком большую. И ввел ее с обратным знаком, прямо в противоположную сторону.

Никакие ругательства тут не годились, все они были слишком слабы. Макс только и смог произнести:

— Господи!

— Вот именно. Влип он крупно.

— А есть какие-нибудь мысли относительно того, куда это нас занесло?

Келли указал на Ковака и Смита, возившихся со спектрографом.

— Они пробуют что-нибудь выудить, но пока ничего не выходит. В первую очередь яркие звезды класса В и О. Однако пока не видно ничего, совпадающего с каталогами.

Ногучи и Ланди орудовали фотоаппаратом.

— А они, они-то что делают? — удивился Макс.

— Фотографируют записи. Все записи — бланки программирования, необработанные данные от картографов, ленту компьютера, все что есть.

— А какой с этого толк?

— Может, и никакого. Только вот случается, что записи пропадают. Иногда их даже подменяют. Но только не в этот раз. У меня будет собственный комплект.

Макс еще только осознавал малоприятные обстоятельства, на возможность которых намекал Келли, когда Ногучи поднял голову.

— С этим кончено, босс.

— Отлично. — Келли повернулся к Максу. — Сделай мне одолжение. Засунь эти пленки в карман и унеси их с собой. Хочу, чтобы их здесь

не было. Я возьму их потом.

— Ну… хорошо. — Пока Ногучи разряжал камеру, Макс спросил у Келли: — Как ты думаешь, сколько времени потребуется, чтобы определить по спектрам, где мы находимся?

На лице Келли появилась какая-то обреченность.

— Макс, а с чего это ты взял, что мы обязательно что-то определим?

— Не понимаю.

— Чего ради что-нибудь из всего этого… — Он сделал широкий жест рукой, — …должно соответствовать каким бы то ни было нашим картам?

— Ты хочешь сказать, — медленно проговорил Макс, — что, может быть, мы вообще не в своей Галактике? Может быть, мы в какой-нибудь другой, вроде, скажем, Туманности Андромеды?

— Может, и так. Но даже это не все. Слушай, Макс, я — не физик-теоретик, уж это точно, но, насколько я знаю, все, что говорит теория, это то, что, если ты превосходишь скорость света, ты вырываешься из своего пространства, куда-то в другое место. Ты не согласуешься с этим пространством, оно тебя больше не удерживает. Но то, куда ты попадаешь, если только ты не нацелился точно в Хорстову конгруэнтность, это

совсем другое дело. Теория ничего об этом не говорит. Ведь не говорит?

У Макса разболелась голова.

— Послушай, я ведь не знаю.

— Вот и я не знаю. Но так как мы не прицелились точно, чтобы выскочить снова в свое пространство в другой его точке, мы можем быть сейчас где угодно. Я имею в виду — вообще где угодно. Мы можем находиться в другом пространстве-времени, абсолютно не связанном с нашим. — Он опять бросил взгляд на чужие звезды.

Макс спустился вниз, чувствуя себя еще хуже, чем раньше. По пути он встретил Саймса, поднимавшегося на пост; астронавигатор зло посмотрел на него, однако не сказал ни слова. Когда Макс вошел в свою каюту, он положил пленки в ящик — потом чуть подумал, выдвинул ящик совсем и спрятал их в пустом месте позади него.

Макс сидел в каюте и чувствовал себя неспокойно. Больше всего его раздражала невозможность попасть на пост управления, очень хотелось самому поискать на новом небе известные звезды. Звезды типов В и О — это все прекрасно, но можно было придумать еще с полдюжины способов определиться. Например, шаровые звездные

скопления — их было бы очень легко идентифицировать; подцепи их четыре штуки, и будешь знать, где находишься, так же точно, как если бы прочитал название улицы на углу. После этого осталось бы только все уточнить, и теперь уже было бы известно, какие звезды искать и где. А потом — со всех ног к ближайшей конгруэнтности, нанесенной на карту, сколько бы времени это ни заняло, хоть неделю, хоть год. Корабль не мог по-настоящему заблудиться.

А что, если они даже не в своей Галактике?

Эта мысль пугала его. Если это так, они никогда, до скончания света, не доберутся до дома. Эту мысль сменила другая, еще худшая. А что, если Келли прав в своих подозрениях и они — в совершенно другой вселенной, в другом пространстве-времени? Ну что тогда? Он читал достаточное количество философских размышлений, чтобы понимать, что нет никаких теоретических оснований для того, чтобы это было невозможным: Создатель мог сотворить бесконечное количество Вселенных, может, довольно сходных друг с другом, а может, отличающихся друг от друга, как сыр от пятницы. Миллионы, миллиарды Вселенных, все бок о бок друг с другом.

Другая Вселенная могла иметь другие физи-

ческие законы, другую скорость света, другую гравитацию, другой темп течения времени — они вполне могут, если сумеют вернуться, обнаружить, что прошло десять миллионов лет, и Земля сгорела, как уголек в костре.

Но лампа над столом светила нормально, сердце его билось так же, как всегда, подчиняясь привычным законам гидравлики, сиденье стула прижималось к нему так же, как всегда; если это и вправду другое пространство, различия не слишком очевидны. И если это другая Вселенная, с этим все равно ничего не поделать.

В дверь постучали, он впустил Келли, усадил его на стул, а сам сел на койку.

— Что-нибудь новенькое?

— Нет. Господи, как же я устал. Снимки у тебя?

Макс вытащил ящик, пошарил за ним и отдал пленки Келли.

— Слушай, шеф, у меня есть одна мысль.

— Давай.

— Предположим для начала, что мы в своей Галактике, потому что…

— Потому что, если это не так, то и пробовать что-либо нет смысла.

— Ну, вроде того. Ну так, значит, мы в Млечном Пути. Тогда мы осматриваемся по сторонам,

быстренько подсчитываем количество звезд на отдельных участках неба, отсюда оцениваем расстояние до центра Галактики и направление на него. Потом пытаемся идентифицировать спектры звезд, лежащих в этом направлении, решив сначала, какие будем искать, и прикинув видимые звездные величины для расстояния, полученного при оценке. Это даст нам…

— …большую экономию времени, — устало закончил за него Келли. — Не учи дедушку жить. А какого лешего, ты думаешь, делал я все это время?

— Ой, прости, пожалуйста.

— Да нечего тут прощать. Наш глубокоуважаемый начальник и до такого додуматься не мог. Пока я пытался там работать, он ошивался вокруг, ища виноватых и пытаясь заставить меня сказать, что он был абсолютно прав, абсолютно во всем, — дрожал за свою шкуру вместо того, чтобы дрожать за свой корабль. Тьфу! И кстати, он забрал все записи, в точности как я и думал. «Чтобы показать капитану» — так он объяснил. — Келли поднялся со стула. — Я, пожалуй, пойду.

— Не спеши. Я позвоню, чтобы принесли кофе.

— Он уже течет у меня из ушей. — Келли вынул пленки из кармана и задумчиво поглядел на

них. — Я сказал Ногги снять все два раза, тут два комплекта пленок. Пожалуй, тут у тебя хорошее место, чтобы прятать. Знаешь, давай-ка мы спрячем здесь один комплект, и пусть он себе лежит. Как знать, может, и пригодится.

— Келли, неужели ты и вправду ожидаешь, что будет какая-нибудь история с этими записями? Я думаю, что с нас хватит и того, что мы заблудились.

— Ты так думаешь? Макс, когда-нибудь из тебя получится хороший офицер. Но ты же наивен, как ягненок. А вот я предпочитаю носить и подтяжки, и ремень. Так вернее. Я люблю по возможности оставлять как можно меньше на произвол судьбы. Док Хендрикс, мир праху его, был точно таким же. — Келли посмотрел, как Макс засовывает второй комплект пленок назад за ящик, а затем направился к выходу. У двери он остановился. — Забыл сказать тебе одну вещь. Так уж вышло, что мы выскочили довольно близко к одной звезде, да к тому же еще и G-класса.

— А… — Макс немного подумал. — Это не какая-нибудь из известных нам?

— Конечно, нет, а то бы я так и сказал. Мы не успели еще толком оценить расстояние, но до нее от четырех недель до года пути — при макси-

мальном ускорении. Тебе, наверное, интересно это узнать.

— Да, конечно. Спасибо. Только я не понимаю, что это меняет.

— Не понимаешь? А тебе не кажется, что нам сейчас совсем не плохо иметь поблизости от себя звезду солнечного типа и, вполне возможно, с планетами типа Земли, вращающимися вокруг нее?

— Ну, разве…

— А мне вот кажется. Все эти дела насчет Адама и Евы, мягко говоря, очень заковыристы, а нам, вполне возможно, предстоит долгая стоянка. — С этими словами он вышел из каюты.

Никто не пришел позвать Макса на обед; когда он заметил, что уже на несколько минут опаздывает, то отправился в гостиную. Большинство пассажиров уже сидело, кое-кто еще стоял, переговариваясь. Было невозможно не почувствовать смутное беспокойство, витавшее в зале. Макс обратил внимание на то, что капитана не было за столом, не было и мистера Вальтера. Когда он проходил к своему месту, мистер Хорнби попытался уцепиться за его руку.

— Простите меня, сэр, — отмахнулся Макс. — Я спешу.

— Подождите секундочку. Я только хотел вас спросить…

— Простите, пожалуйста. — Он торопливо прошел к своему столу и сел на место. Старшего механика не было видно, но все пассажиры сидели на своих местах. Макс поздоровался:

— Добрый вечер, — и потянулся за суповой ложкой, чтобы хоть чем-то себя занять.

Супа на столе не было, равно как и булочек с маслом, хотя со времени начала обеда прошло уже минут десять. В царстве главного эконома Дюмона такого просто не могло произойти. Правда, если разобраться, и самого Дюмона не было нигде видно.

Миссис Дайглер положила руку ему на локоть.

— Макс? Расскажите мне, пожалуйста, что это за дурацкие слухи ходят по кораблю?

Макс попытался сохранить непроницаемое лицо.

— Какие слухи, мадам?

— Да вы и сами должны были их слышать. В конце концов, вы же занимаетесь астронавигацией. Говорят, что капитан свернул не за тот угол, или как там еще, и в итоге мы падаем на звезду.

Макс попытался поубедительнее изобразить смешок.

— Откуда вы это взяли? Кто бы вам это ни сказал, он, скорее всего, не смог бы отличить звезду от собственного локтя.

— Вы не хотите обмануть свою старую тетю Мэгги?

— Я могу совершенно точно заверить вас, что «Асгард» не падает на звезду. Или даже на звездочку. — Он повернулся к столу. — Зато создается впечатление, что в камбузе что-то и вправду упало. Обед страшно запаздывает.

Он ни к кому не поворачивался, пытаясь избежать дальнейших расспросов. Однако это не помогло. Мистер Артур резко окликнул его:

— Мистер Джонс!

— Да? — повернулся Макс.

— Почему вы от нас скрываете? Мне известно из надежных источников, что наш корабль потерялся.

Макс попытался изобразить на лице удивление.

— Что-то я не совсем вас понимаю. Мы же вроде находимся в нем.

Мистер Артур негодующе фыркнул:

— Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю. Что-то пошло наперекосяк с как-там-это-называется — переходом. Мы заблудились.

Макс начал отвечать, как школьный учитель не слишком сообразительному ученику, загибая по очереди пальцы:

— Мистер Артур, я могу вас заверить, что корабль не подвергается абсолютно никакой опасности. А что касается того, что мы заблудились, то я могу столь же твердо вас заверить, что, если так и произошло, капитан забыл сообщить мне об этом. В момент перехода я находился в центре управления, и он, по всей видимости, был вполне удовлетворен ходом дел. Вы не могли бы быть столь любезны, чтобы рассказать мне, кто распространяет подобные небылицы? Это ведь очень серьезное дело, все всегда и начинается с таких слухов. Не раз бывало так, что люди впадали в панику.

— Ну… это был кто-то из команды. Я не знаю, как его звать.

— Так я и думал, — кивнул Макс. — Так вот, из своего опыта я знаю, — продолжал он, цитируя своего дядю, — что быстрее света распространяется только одна вещь — слухи по кораблю. И им совсем не обязательно иметь под собой хоть какие-нибудь основания — они все равно распространяются мгновенно. — Он огляделся вокруг. — Но все-таки интересно, что там слу-

чилось с обедом? Не хотелось бы идти на вахту голодным.

— Так, значит, у нас все в порядке, правда, Макс? — нервно спросила миссис Вебербаур.

— С нами все в абсолютном порядке, мадам.

— Макс, — наклонилась к его уху миссис Дайглер, — а чего это вы вдруг так вспотели?

Спас его слуга из команды эконома, торопливо подошедший к их столу и начавший расславлять тарелки с супом. Макс остановил его и тихо спросил:

— Джим, а где Дюмон?

— Стряпает, — столь же тихо ответил официант.

— С чего это? А где повар?

Официант нагнулся к нему и прошептал:

— Французик совсем скис. Думаю, ему этого не переварить. Ну, ты понимаешь, о чем я.

Макс отпустил его. Мистер Артур резко спросил:

— Что он вам сказал?

— Я просто пытался выяснить, что случилось на камбузе, — ответил Макс. — Создается впечатление, что повар привел себя в недееспособное состояние. — Он зачерпнул ложкой суп. — По вкусу этого супа я склонен предположить, что

он сварил в нем свой палец. Довольно паршиво, правда?

От дальнейших уверток Макса спасло появление первого помощника. Мистер Вальтер подошел к капитанскому столу и постучал ложкой по бокалу.

— Внимание, пожалуйста! — Подождав, пока в зале воцарилась тишина, он вынул из кармана бумагу. — От имени капитана я должен сделать вам объявление. Те из вас, кто знаком с теорией астронавигации, знают, что пространство, благодаря перемещению звезд, находится в постоянном изменении и что, вследствие этого, не бывает двух абсолютно одинаковых рейсов. Иногда, по этой причине, становится необходимым производить некоторые изменения в расписании. Именно такие обстоятельства возникли в текущем рейсе, и «Асгард» достигнет следующей своей точки назначения с некоторой задержкой. Мы крайне сожалеем, однако изменить законы природы не в наших силах. Мы выражаем надежду, что все вы воспримете эту задержку как не слишком серьезное неудобство или даже как приятное продолжение отдыха в дружественной и комфортабельной атмосфере нашего корабля. Не забывайте, пожалуйста, также, что страховой

полис, прилагавшийся к вашему билету, полностью покрывает все потери и упущенные выгоды, которые могут возникнуть у вас из-за опоздания корабля.

Мистер Вальтер спрятал бумажку в карман; у Макса создалось впечатление, что в действительности он по ней не читал.

— Это все, что хочет сообщить вам капитан, но я хочу добавить еще кое-что и от себя. До меня дошло, что в связи с этим небольшим отклонением от расписания кто-то распространяет совершенно дурацкие слухи. Я хочу выразить свое сожаление, если кто-либо из вас был встревожен этими россказнями, и твердо заявить, что, если их автор будет обнаружен, к нему будут применены самые жесткие меры. — Тут первый помощник рискнул величественно улыбнуться. — Но вы же все понимаете, как трудно бывает проследить путь какой-нибудь вздорной сплетни. Во всяком случае я хочу вас уверить, что «Асгард» не подвергается ни малейшей опасности какого-либо рода. Этот старичок работал в пространстве задолго до рождения любого из нас, и он будет в расцвете сил, когда все мы уже умрем от старости, — благослови Господь его крепкие кости. — Он повернулся и, не задерживаясь, вышел из зала.

Макс выслушал этот монолог, раскрыв от восхищения рот. Он родился и вырос в местности, где «треп» считался вполне уважаемым литературным жанром, и все же ни разу в жизни не слышал, чтобы ложь излагалась столь изящно, чтобы она столь мастерски переплеталась с правдой. Если брать по кусочку, невозможно было сказать, что какая-либо часть рассказа первого помощника лжива, но в целом это слагалось в утверждение, что «Асгард» не заблудился, а уж это-то была самая натуральная ложь. Он снова повернулся к своим соседям по столу.

— Передайте мне кто-нибудь, пожалуйста, масло.

— И вы говорили нам, — глаза мистера Артура метали молнии, — что ничего не произошло.

— Отстаньте от него, Артур, — прорычал мистер Дайглер. — Макс, если принять во внимание обстоятельства, вел себя очень порядочно.

У миссис Вебербаур на лице появилось удивление.

— Но ведь мистер Вальтер сказал, что все в порядке?

Дайглер посмотрел на нее с сожалением.

— Мы влипли в неприятности, мамочка Вебербаур. Это совершенно ясно. Но нам не остается

ничего другого, кроме как сохранять спокойствие и доверять офицерам корабля. Так, Макс?

— Пожалуй, что так, сэр.

Глава 15
ЭТО ЖЕ НЕ ПРОГУЛОЧКА

Этим вечером и весь следующий день Макс почти не выходил из каюты, не желая отвечать ни на расспросы пассажиров, ни на вопросы, почему его освободили от вахт. Поэтому вышло так, что он пропустил бунт на борту, попросту проспал его. Впервые Макс узнал о бунте, когда уборщик, занимавшийся его каютой, появился с синяком во весь глаз.

— Кто это так вас разукрасил, Гарсия?

— Да я точно и не знаю. Это получилось во время вчерашней заварушки.

— Заварушки? Какая такая заварушка?

— Вы что, хотите сказать, что ничего не знаете?

— Да я первый раз про это слышу. Что там произошло?

Гарсия Лопес задумчиво закатил глаза.

— Ну, я бы не хотел много про это рассказывать. Вы же понимаете, как это бывает, — никто не хочет доносить на своего товарища. Так ведь?

— Да кто тебя просит стучать на товарища?

Мне совсем не нужны фамилии, но что там такое вышло?

— Ну так вот, сэр. Кое-кто из ребят довольно слабо соображает…

Понемногу Макс разобрался, что произошло. Беспокойство в команде было значительно сильнее, чем среди пассажиров, — возможно, потому, что астронавты яснее представляли себе ситуацию, в которую попал корабль. Кое-кто из них подкрепил свои мысли джордановской водкой, и тогда они решили явиться к капитану все вместе и потребовать прямого разговора. Драка произошла, когда надзиратель попытался остановить их на трапе, ведущем на палубу С.

— Кто-нибудь пострадал?

— Да не то чтобы пострадал, я бы так не сказал, ну, разве что порезался малость. Я вот получил эту штуку… — Он осторожно потрогал свой глаз. — Потому что слишком уж хотел посмотреть, что там происходит. Этот скелет Ковак сломал ногу.

— Ковак! Он-то как попал в эту историю? — Было совершенно невероятно, чтобы кто-либо из их компании принял участие в таком безрассудстве.

— Он спускался вниз, наверное шел с вахты. Может, он пытался помочь констеблю. А может,

его просто дверью ударило. Вот ваш дружок Сэм Андерсон — он-то уж точно был в самой гуще.

Сэм! Максу стало прямо нехорошо — Сэм снова нарвался на неприятности.

— Это точно?

— Да я же сам там был.

— Э-э, но он же не был главарем, правда, не был?

— О, да ты меня совсем не понял, Ма… мистер Джонс. Он все это дело и успокоил. В жизни своей не видел человека, который так здорово орудует руками. Он хватал двоих… трах! Их головы трескаются друг о друга. А потом он хватает двух следующих…

Макс решил выйти из своего укрытия, чтобы сделать две вещи: заглянуть к Коваку и узнать, в каком он состоянии и не нужно ли ему чего, а кроме того, встретиться с Сэмом. Однако не успел он выйти из каюты, как пришел Смит с распорядком вахт, в котором он должен был расписаться. Из этой бумаги Макс выяснил, что назначен на попеременную вахту с Саймсом — и что он должен сию же минуту явиться на вахту. Он отправился наверх, размышляя на ходу, что это заставило Саймса сменить гнев на милость.

В помещении поста управления находился

Келли. Макс огляделся по сторонам, но Саймса не было.

— Это ваша вахта, шеф?

— Только пока ты меня не подменишь. Это моя последняя вахта.

— Чего это вдруг? Неужели теперь уже вы стали любимой занозой в его заднице?

— Да, можно и так сказать. Но только не так, как ты думаешь. Он нарисовал это свое вахтенное расписание, и в нем мы с ним следовали друг за другом. Тогда я вежливо указал ему на законы гильдии, на то, что мне не платят за то, чтобы я брал на себя ответственность за руководство вахтой.

— Ни фига себе! И что же он тебе сказал?

— А что ему сказать? Он мог бы мне приказать в письменной форме, а я мог бы, точно так же, в письменной форме, согласиться, занеся свои возражения в вахтенный журнал, — и тогда бы он подставил себя со страшной силой. У него остался не слишком богатый выбор — снова поставить тебя в расписание, попросить капитана подежурить через раз с ним или сказаться больным и уйти отдохнуть на пару неделек. Теперь, когда Ковак слег, выбора у него и совсем не осталось. Слышал про Ковака?

— Да. Расскажи, как там все было? — Макс глянул на Ногучи, скучавшего за компьютером, и понизил голос. — Бунт?

Келли сделал круглые глаза.

— Я что-то вас не понимаю, сэр. Ковак поскользнулся и упал с трапа.

— А, значит так?

— Так записано в журнале.

— Хм… Ну что ж, наверное, мне надо вас подменить. Как тут обстановочка?

Они шли с ускорением в направлении ближайшей звезды G-класса; приказы были занесены в книгу приказов… почерком Саймса, но с подписью капитана Блейна. Почерк капитана показался Максу каким-то неуверенным, дрожащим, как будто капитан писал в сильном нервном возбуждении. Келли уже успел вывести корабль на нужный курс.

— Вы бросили попытки найти, где мы находимся?

— О нет. Приказано заниматься этим столько времени, сколько позволят остальные дела. Но я ставлю семь против двух, что и ты ничего не найдешь. Макс, это же какое-то совсем другое место.

— Не надо опускать руки. Откуда ты можешь это знать?

— Я не знаю, я чувствую.

Несмотря на слова Келли, Макс провел всю вахту в поисках. Без малейшей удачи. Спектрограммы, соответствующим образом снятые и обработанные, для звезд то же самое, что для людей отпечатки пальцев. Их можно классифицировать и потом проводить сравнение с теми из каталога, которые к ним наиболее близки. Макс нашел много спектрограмм, достаточно близко совпадающих с каталожными, однако всегда находилось какое-то отличие, вроде того, которое делает одного из близнецов не очень похожим на своего брата.

За пятнадцать минут до конца вахты он кончил это занятие и приготовился к смене. Ожидая Саймса, он думал о шутке, которую разыграл Келли для того, чтобы вернуть его на вахту. Молодчага! Он знал Келли достаточно хорошо, чтобы понимать, что благодарить его не надо; сделать так значило бы заподозрить главного вычислителя в «неподобающем мотиве» — вполне достаточно подмигнуть ему. И не забывать про поддержку.

Саймс ворвался с опозданием на пять минут. Он ничего не сказал, только просмотрел вахтенный журнал и записи наблюдений, проведенных

Максом. Макс подождал несколько минут, внутренне раздражаясь все больше и больше. В конце концов он произнес:

— Вы готовы подменить меня, сэр?

— Всему свое время. Я хочу посмотреть сначала, что ты изгадил на этот раз. — Макс не ответил. Саймс ткнул пальцем в то место журнала, где Макс расписался, сопроводив подпись словами «старший по вахте». — Перво-наперво это неверно. Добавь «под руководством».

Макс глубоко вздохнул.

— Под чьим руководством, сэр?

— Моим.

Макс помедлил всего мгновение, прежде чем ответить:

— Нет, сэр. Только в случае, если вы присутствуете во время моей вахты и наблюдаете за мной.

— Ты мне возражаешь?

— Нет, сэр. Только я хотел бы получить относительно этого письменный приказ, занесенный в вахтенный журнал.

Саймс захлопнул журнал и медленно оглядел его с головы до ног.

— Мистер, если бы у нас не было нехватки персонала, вы не стояли бы вахту. Вы не готовы руководить вахтой и, по моему глубокому убеж-

дению, не будете готовы никогда.

— Если вы так считаете, сэр, я вполне охотно вернусь к обязанностям картографа. Или в команду эконома.

— Там тебе и место! — Саймс почти кричал. Ногучи задержался после того, как его подменил Ланди. Они оба бросили взгляд на происходящее и с деланным равнодушием отвернулись.

Макс совсем не старался говорить с Саймсом конфиденциально.

— Очень хорошо, сэр. Так вы меня подмените? Я сейчас отправлюсь к первому помощнику и доложу ему, что снимаю с себя временное назначение и возвращаюсь к исполнению своих постоянных обязанностей.

Он ожидал взрыва. Однако Саймс сделал видное невооруженным глазом усилие, чтобы сдержать себя, и ответил почти спокойно:

— Послушайте, Джонс, вы как-то не так ко всему этому относитесь.

«А что мне терять?» — подумал про себя Макс и произнес:

— Это вы не так ко всему относитесь, сэр.

— Э? Это что еще такое?

— Вы задевали меня с того самого момента, как я появился в Яме. Вы ни разу не побеспоко-

ились научить меня чему-нибудь, а вместо того придирались ко всему, что бы я ни делал. А с того времени, как меня сделали стажером, все стало еще хуже. Вы заявились ко мне в каюту и сказали, что вы против моего назначения, что вы не хотите, чтобы я…

— Ты не можешь этого доказать!

— А мне и не надо ничего доказывать! А теперь вы говорите, что я не способен стоять вахту, на которую сами меня и поставили. Вы совершенно ясно сказали, что никогда не дадите мне рекомендацию для постоянного назначения, так что совершенно очевидно, что я только зря трачу время. В таком случае я вернусь в команду казначея и буду делать там то, на что способен. А теперь вы все-таки подмените меня, сэр.

— Вы оскорбляете своего командира.

— Нет, сэр, я никого не оскорбляю. Я говорил с вами вежливо, излагал факты. Я попросил подменить меня на вахте — моя вахта окончилась добрые полчаса назад, — чтобы иметь возможность обратиться к первому помощнику и вернуться к исполнению своих постоянных обязанностей. Как это допускается законами обеих гильдий, — добавил Макс.

— Я не разрешаю вам.

— Я так решил, сэр. У вас нет выбора.

По лицу Саймса было видно, что выбора у него действительно нет. Некоторое время он помолчал, затем произнес более спокойным голосом:

— Забудьте про все это. Я вас подменяю. Возвращайтесь сюда в восемь.

— Не так сразу, сэр. Вы заявили публично, что я не компетентен возглавлять вахту. В таком случае я не могу взять на себя эту ответственность.

— Какого черта! Что это ты пытаешься делать? Меня шантажировать?

Про себя Макс вполне с этим согласился, но вслух ответил:

— Я бы не назвал это так, сэр. Но вы не можете иметь сразу и то и это.

— Что ж. Я думаю, что вы достаточно компетентны, чтобы стоять такие вахты. По правде говоря, тут и делать-то нечего.

— Очень хорошо, сэр. Не будете ли вы так добры занести это в вахтенный журнал?

— Что?

— Ввиду создавшихся обстоятельств, сэр, я вынужден настаивать на букве закона и просить вас занести это в вахтенный журнал.

Саймс тихо выругался, затем схватил ручку и быстро что-то написал. Затем он повернул жур-

нал к Максу.

— Вот.

Макс прочитал: «Мистер Джонс сочтен достаточно квалифицированным, чтобы возглавлять вахты в космосе, не связанные с аномалиями, (подп.) Саймс, астронавигатор».

Макс, конечно, отметил про себя оговорку, которая даст Саймсу возможность помешать ему достичь постоянного статуса. Но Саймс остался в рамках закона. Кроме того, признался себе Макс, он не хотел покидать компанию из Ямы. Он утешал себя той мыслью, что так как они, видимо, окончательно заблудились, то неизвестно, понадобится ли ему когда-нибудь рекомендация Саймса.

— Вполне удовлетворительно, сэр.

Саймс снова схватил журнал.

— А теперь марш отсюда. И чтобы были завтра здесь вовремя.

— Есть, сэр. — Макс не мог удержаться от того, чтобы не оставить последнее слово за собой. То, как он выстоял в схватке с Саймсом, ударило ему в голову. — Вы мне только что напомнили, сэр. Не будете ли вы так добры подменить меня после той вахты вовремя?

— Что?!

— Согласно закону человека нельзя заставлять работать больше чем четыре часа из восьми, за исключением непредвиденных обстоятельств, занесенных в вахтенный журнал.

— Отправляйтесь вниз.

Макс пошел вниз. Он торжествовал, но заодно его и тошнило. Он не любил драк, никогда не любил, после них у него внутри что-то противно сжималось. Он ворвался в свою каюту и чуть не споткнулся о Сэма.

— Сэм!

— Он самый! Что это с тобой, сынок? Ты выглядишь так, словно за тобой гнались черти и хватали тебя за пятки.

Макс шлепнулся на койку и глубоко вздохнул.

— Я и вправду примерно так себя и чувствую. — Он рассказал Сэму про схватку с Саймсом.

— Вот так и надо с такими типами, — одобрительно кивнул Сэм. — Оскорбляй его, пока он не начнет извиняться. Будешь ставить ему синяки почаще, он с руки у тебя есть будет.

Макс тоскливо покачал головой.

— Сегодня я, конечно, порезвился, но он обязательно придумает, как на мне отыграться. Да бог с ним.

— Все это не так, парнишка. Ты только не давай

ему повода и жди удобного случая. Если человек глуп и имеет плохой характер, — а этот твой Саймс такой и есть, я давно в нем разобрался, — а ты малость разбираешься в колбасных обрезках и умеешь себя сдерживать, в конце концов он обязательно раскроется. Такой уж у природы закон.

— Может быть. — Макс повернулся и сел на койке. — Сэм, да у тебя снова значок.

Сэм поддел пальцем значок, означавший, что он — главный надзиратель корабля.

— Ты что, только заметил?

— Наверное, я тут слишком быстро крутился. Это что, первый решил вдруг все простить и все забыть?

— Не то чтобы. Ты уже знаешь про суету прошлой ночью?

— Кое-что. Но, как я понял, официально ничего не произошло.

— Именно так. Мистер Вальтер умеет не действовать со всего размаха.

— Так что же там было? Я уже наслышан, что ты кого-то там черепами сталкивал.

— А ничего особенного. И все довольно тихо. Я бывал на таких кораблях, где заварушка вроде вчерашней сошла бы за небольшую разминку для улучшения пищеварения. Кое-кто из парней

сдрейфил, и поэтому они отправились лакать огненную воду. Затем пара типов с большими ртами и низкими лбами вдруг вдохновилась тем, что они имеют полное право обсудить все с капитаном. Так как все они суть овцы, то и отправились стадом. Случись им на пути хоть один офицер, он мог бы без всякого шума отправить их баиньки. Но вместо того на них нарвался мой незадачливый предшественник, нарвался и велел им разойтись. Чего они не сделали. Боюсь, что с дипломатией у него слабовато. И он заорал: «Эй вы, мужланы», используя это трогательное архаическое выражение. Вот тут-то все и началось.

— А ты как туда попал? Пришел ему на помощь?

— Ну уж, конечно… Я просто стоял на безопасном расстоянии и получал удовольствие от зрелища, как вдруг увидел, что по трапу спускаются домашние шлепанцы мистера Вальтера. По этому случаю я вступил в круг и сыграл заметную роль в концовке спектакля. Чтобы получить орден, Макс, самое главное — убедись точно, что на тебя смотрит генерал, а потом уж — за дело.

— Я как-то раньше не считал, что ты склонен к героизму, — ухмыльнулся Макс.

— Да упаси Господь. Но это сработало. Мистер

Вальтер вызвал меня, сожрал меня с потрохами, объяснил мне, что я мерзавец, вор и негодяй, после чего предложил мне вернуть мой значок, если я сумею сохранять порядок в трюме. Я посмотрел ему прямо в глаза, честным таким и искренним взглядом, и сказал, что сделаю все, что смогу. И вот я здесь.

— Я жутко рад, Сэм.

— Спасибочки. А потом он посмотрел мне в глаза и сказал, что у него есть некоторые основания предполагать — словно он не знал! — что где-то на корабле может находиться самогонный аппарат. И приказал мне найти его и уничтожить заодно с любыми найденными спиртными напитками.

— Вот как? Ну и как же воспринял эту новость мистер Джи?

— Да как же, мы с пузатым разобрали вместе его аппарат и сложили все детали в кладовку, а потом заперли и все его торговые запасы. Я умолял его не дотрагиваться до всего этого, пока корабль не выберется из заварухи. Я объяснил ему, что, если он что тронет, я переломаю ему руки. И одну, и другую.

Макс хихикнул.

— Ну что ж, я очень рад, что ты опять в фаворе.

И молодец, что зашел сказать мне про это. — Он широко зевнул. — Прости. Я прямо на месте засыпаю.

— Я сейчас смоюсь. Но пришел я ради того, чтобы задать тебе один вопрос.

— Какой?

— Ты видишь последнее время шкипера?

Макс подумал.

— Со времени перехода — нет, не видел. А что?

— И никто не видел. Вот я и подумал, может, он проводит все время в Хитрой яме.

— Нет. Если подумать, его не было даже за столом во время обеда — по крайней мере в те разы, когда я ел в гостиной.

— Так значит, он ест в каюте. — Сэм встал. — Интересно, очень интересно. М-м… Я бы на твоем месте не распространялся на эту тему, Макс.

Когда Макс сменил Саймса, тот не сказал почти ни слова. Не разговаривали они и в дальнейшем; Саймс, за исключением кратких формальностей при передаче вахты, вел себя так, словно Макса вообще не существует. Капитан на посту управления не показывался. Несколько раз Макс был уже готов спросить про это Келли, но каждый раз решал воздержаться. Однако по кораблю ползли слухи — капитан болен, капитан находится в

коме, Вальтер и главный врач освободили его от исполнения обязанностей, капитан не отходит от письменного стола, разрабатывая новый, удивительный способ вернуть корабль туда, где ему надлежит быть.

К этому времени все уже осознали, что корабль заблудился, но время истерик кончилось; пассажиры и команда были спокойны, и, похоже, все были согласны с тем, что решение встать на орбиту вокруг звезды солнечного типа, к которой они двигались, было единственно разумным. Они подошли уже достаточно близко, чтобы обнаружить у этой звезды планеты — конечно же, никто еще не видел звезду G-класса без планет, но все равно крошечные пятнышки на фотопластинке вызвали всеобщий энтузиазм.

Выбор пришлось делать между третьей и четвертой планетами. Болометрические измерения показали, что температура поверхности звезды немного превышает шесть тысяч градусов по Кельвину, что вполне согласовывалось с ее спектром; это только чуть больше, чем у родного солнца. Вычисленные температуры поверхности третьей и четвертой планет показывали возможность того, что третья может оказаться неприятно жаркой, в то время как четвертая

может быть замерзшей. И у той и у другой были обнаружены атмосферы. Быстрый облет их по гиперболической орбите разрешил этот вопрос. Болометр показал, что на третьей чрезмерно жарко и даже на четвертой климат близок к тропическому. У четвертой была луна — еще одно ее преимущество перед третьей, так как период обращения спутника давал легкий способ определить массу планеты. Исходя из этой массы и видимых размеров планеты силу тяготения на ее поверхности можно было вычислить по классической Ньютоновой формуле. Результат был — девяносто три процента от тяготения на поверхности Земли, величина удобная и несколько неожиданно низкая, принимая во внимание, что диаметр планеты превышал десять тысяч миль. Спектры поглощения показывали присутствие в атмосфере кислорода и нескольких инертных газов.

Саймс, ассистируемый Келли, вывел «Асгард» для удобства осмотра планеты на полярную орбиту — Максу, как обычно, осталось только кусать себе пальцы.

Капитан не пришел на пост управления даже во время этого маневра.

Они болтались по орбите, постоянно исследуя

свой будущий дом с поста управления и рассматривая его сквозь иллюминаторы гостиной. Именно здесь, в гостиной, Элли наконец и настигла Макса. Он почти не видел ее во время приближения к планете. Во-первых, был слишком занят и слишком измотан попеременными вахтами, а во-вторых, слишком много было у него на уме такого, что не хотелось говорить, а она сумела бы вытащить из него все. Однако, как только корабль вышел на орбиту и двигатели были выключены, согласно обычным правилам Саймс мог разрешить рядовым нести вахту — что он и сделал, приказав Максу держаться подальше от поста управления.

Макс не мог устоять перед завораживающим зрелищем незнакомой планеты, он вместе с пассажирами не отходил от иллюминаторов гостиной. Тут он как раз и торчал, глядя через чужие плечи, когда кто-то ухватил его за руку.

— И где же мы все это время были?

— Работал.

Он протянул руку и погладил Чипси; паукообразный щенок перепрыгнул ему на плечо и начал шарить у него по карманам.

— Ерунда. Не все же время ты работаешь. Да знаешь ли ты, что только за последнюю неделю я

послала в твою каюту девять записок?

Макс знал. Он сберег все записки, но отвечать не стал.

— Прости.

— Он еще говорит «прости»! Ну да ладно. Макс, расскажи мне все про эти дела. — Она повернулась и бросила взгляд в иллюминатор. — Как ее назвали? На ней кто-нибудь живет? Где мы собираемся приземлиться? Макс, правда же, это здорово?

— Да никак ее еще не назвали — мы называем ее просто «планета», или «четвертая». Келли хочет назвать ее «Хендрикс». Саймс чего-то крутит. Я думаю, он хотел бы дать ей свое собственное имя. А капитан, насколько я знаю, не принял еще никакого решения.

— Ее нужно назвать «Вера», или «Надежда», или как-нибудь в этом роде. А где капитан, Макс, я ведь столько дней уже не видела старого лапушку!

— Он работает. Ты же понимаешь, в эти дни у него очень много работы. — Макс подумал про себя, что это уклонение от ответа вполне может быть и правдой. — А что касается других твоих вопросов, то мы не заметили никаких признаков городов или вообще чего-либо, похожего на ци-

вилизацию.

— А что ты имеешь в виду под «цивилизацией»? Надеюсь, не уйму старых грязных городов?

Макс поскреб в затылке и улыбнулся.

— Вот тут ты меня и поймала. Только я не понимаю, как может существовать цивилизация, что бы ни обозначало это слово, без городов.

— А почему нет? У пчел есть города, у муравьев есть города, у челавебов есть города. И никто из них не цивилизован. Легко могу себе представить хорошенькую такую цивилизацию, которая будет сидеть на деревьях, петь песенки и предаваться прекрасным размышлениям.

— И что, этого ты и хочешь?

— Нет, я бы умерла со скуки. Но могу же я думать о таком, правда? Ты не сказал мне, когда мы будем садиться.

— Я не знаю. Когда решат, что это не опасно.

— Поторопились бы они. Это же потрясающе, правда? Вроде Робинзона Крузо или швейцарского семейства Робинзонов — я их всегда путаю. Или вроде первых людей на Венере.

— Они погибли.

— Ну да. Но ведь мы-то же не погибнем на… — Элли взмахом руки указала на красивый зеленый с синим и облачно-белым шар за иллюминато-

ром, — на Надежде, я буду называть ее так.

Макс рассудительно сказал:

— Элли, как ты не понимаешь, что все это очень серьезно? — Он говорил тихо, чтобы не потревожить окружающих. — Это не прогулочка. Если планета окажется непригодной, положение может стать довольно трудным.

— Почему?

— Слушай, ты на меня не ссылайся, да и вообще говори об этом поменьше. Только я не думаю, чтобы кто-нибудь из нас вернулся домой.

Она мгновенно посерьезнела, потом пожала плечами и улыбнулась.

— Тоже мне, испугал. Ясное дело, я хотела бы домой — но если уж этого нельзя сделать, Надежда будет добра к нам. Я точно знаю.

Макс смолк.

Глава 16
«… БОЛЬШЕ СОТНИ ЛЕТ»

«Асгард» совершил посадку на Надежде на следующий день. Элдрет сумела закрепить это имя за планетой, повторяя его на каждом шагу, словно оно уже было официально принято.

Когда стало известно, что посадка корабля начнется в полдень по корабельному времени, Макс пошел на пост управления, так как сам решил, что имеет полное право присутствовать. Саймс поглядел на него довольно кисло, однако не сказал ни слова — по понятной причине: из-за присутствия капитана Блейна.

Вид капитана просто потряс Макса. Со времени неудачного скачка он постарел на добрые десять, а то и пятнадцать лет. Место обычного его веселого, приветливого выражения лица заняло другое, которому Макс не сразу даже смог подобрать определение — пока не вспомнил, что встречал такое у лошадей, слишком старых, чтобы работать, но продолжающих работать, — опущенная голова, глаза тусклые, невыразительные, смирившиеся с невыносимой, но неизбежной судьбой.

Старческая кожа лица висела складками, словно он не ел много дней, а то и недель. Было похоже, что происходящее вокруг мало его интересует.

За все время маневра он заговорил лишь раз. Перед самым наступлением полдня Саймс, сидевший склонившись над пультом, выпрямился и бросил взгляд на шкипера. Блейн поднял голову и произнес хриплым шепотом:

— Сажайте его, мистер.

Имперский военный корабль перед посадкой в незнакомом месте обычно спускает автоматический радарный маяк, а затем наводится на этот маяк сам. Но «Асгард» был коммерческим кораблем; он не должен был садиться нигде, кроме космопортов, оборудованных маяками и прочими вспомогательными средствами. Поэтому посадка была проведена вслепую, по предварительному расчету, при помощи радара и автоматического управления. Место для посадки было выбрано по фотоснимкам, в широкой долине. По большей части планета была покрыта густыми лесами, так что выбора было мало.

Саймс являл собой картину искусного, осторожного пилота, руки его лежали на рукоятках управления, он не отрывал глаз от экрана радара, по которому плыло изображение лежащей внизу

местности, в то время как над экраном были прикреплены фотографии — визуальные и радарные — места посадки, для сравнения. Снижение прошло без всяких случайностей; усыпанное звездами небо сменилось темно-пурпурным, затем голубым. На корабле не шевельнулась ни одна чашка, так как локальное тяготение внутри его Хорстовского поля ограждало от воздействия любого внешнего ускорения. Макс понял, что они уже сели, только по тому, что Саймс выпустил опорные фермы, которые должны были удерживать корабль в вертикальном положении.

Саймс сказал в микрофон:

— Машинное отделение, заглушить силовую установку и запустить вспомогательные системы. Всей команде работать, руководствуясь первой частью наземной процедуры. — Он повернулся к Блейну. — Сели, капитан.

Губы Блейна с трудом проговорили слова:

— Очень хорошо, сэр. — Он встал и поплелся к люку.

Когда капитан ушел, Саймс приказал:

— Ланди, заступите на наблюдательную вахту. Остальным — очистить помещение!

Макс спустился вместе с Келли. Когда они достигли палубы А, Макс неохотно проговорил:

— Должен признать, это была отличная посадка.

— Спасибо, — сказал Келли.

Макс взглянул на него.

— Так это ты ее рассчитывал?

— Этого я не говорил. Я сказал только «спасибо».

— Так? Ну что ж, не стоит благодарности. — Макс почувствовал вдруг, как вес его запульсировал, а потом немного уменьшился. — Они отключили поле. Вот теперь мы и вправду сели.

Он как раз собирался пригласить Келли в свою каюту на все тот же кофе, когда по корабельным громкоговорителям прозвучало:

— Всем членам команды! Всем пассажирам! Явиться в гостиную палубы В для важного сообщения. Занятым на вахте приказываю слушать по телефону.

— Что там еще такое? — удивился Макс.

— Чего загадывать? Послушаем и узнаем.

Гостиная была переполнена пассажирами и членами экипажа. Первый помощник Вальтер стоял у капитанского стола, глазами пересчитывая собравшуюся толпу. Макс заметил, как он что-то сказал Беннету, после чего тот кивнул и быстро исчез. Большой иллюминатор находился

на противоположной от Макса стороне гостиной. Он поднялся на цыпочки, но не увидел ничего, кроме вершин гор и голубого неба.

Шум в зале немного стих; Макс оглянулся и увидел капитана, идущего сквозь толпу вслед за Беннетом. Капитан подошел к столу и сел; первый помощник бросил на него взгляд и громко кашлянул.

— Тишина, пожалуйста. Затем он продолжил:

— Я собрал вас всех потому, что капитан хочет сделать заявление. — Вальтер замолк и почтительно отступил в сторону.

Капитан Блейн медленно встал и огляделся по сторонам. Макс увидел, как он распрямил свои исхудавшие плечи и поднял голову.

— Люди, — произнес капитан, и голос его неожиданно прозвучал громко и уверенно. — Друзья и гости, — продолжил он, заметно тише. Зал замер, Максу было даже слышно, как с трудом дышит капитан. — Я провел вас… Я провел вас, сколько смог. — Его голос ослабел, а потом и совсем стих. Он долго смотрел на них молча, с дрожащим ртом. Казалось уже, что у него не хватит сил продолжать. Присутствующие зашептались.

Но Блейн все-таки заговорил снова, и все мгновенно стихли.

— Мне надо сказать вам еще кое-что, — начал он и замолк. На этот раз молчание продолжалось дольше, а когда он нарушил его, голос его звучал чуть громче шепота. — Простите меня. Храни вас бог. — Он повернулся и направился к двери.

Беннет неслышно появился впереди него. Макс услышал его тихий и решительный голос:

— На трапе! Пропустите капитана.

До ухода капитана ни один человек не проронил ни слова, только одна женщина рядом с Максом начала тихо всхлипывать. В это время зазвучал громкий, ясный голос мистера Вальтера:

— Не расходитесь! У меня есть дополнительные объявления! — В его манере говорить не было и следа неуверенности капитана. — Подошло время окончательно разобраться в создавшемся положении. Как все вы можете видеть, эта планета очень похожа на нашу Землю. Конечно же, будут взяты пробы, чтобы увериться в том, что воздух здесь пригоден для дыхания, и все прочее: врач и старший механик заняты этим в настоящий момент. Но уже сейчас создается впечатление, что эта новая планета окажется в высшей степени подходящей для людей, возможно, даже более подходящей, чем Земля.

Пока не было обнаружено никаких указаний на

наличие здесь цивилизации. В целом, это тоже к лучшему. Теперь о наших ресурсах. На «Асгарде» находятся разнообразные домашние животные, они очень пригодятся, и их надо беречь, как племенное стадо. Еще больше у нас различных полезных растений, как на гидропонических плантациях в корабле, так и в виде семян. У нас имеется не очень большой, но достаточный набор инструментов. И, что самое важное, корабельная библиотека дает прекрасный поперечный срез всей земной культуры. В равной степени важно и то, что мы сами обладаем своими умениями и традициями…

— Мистер Вальтер!

— Да, мистер Хорнби?

— Вы хотите сказать, что собираетесь бросить нас здесь?

Вальтер холодно поглядел на него.

— Нет, никто не будет, как вы это назвали, «брошен». Вы можете остаться на корабле, и к вам будут относиться, как к гостю, пока жив «Асгард» — или вы сами. Или пока корабль не достигнет пункта, означенного в вашем билете. Если только он это когда-либо сумеет сделать. Нет, я просто попытался спокойно обсудить то, что, собственно говоря, известно вам всем — то,

что наш корабль заблудился.

По залу пронесся еле слышный вздох. Что корабль заблудился, все знали, но до настоящего момента это не было признано официально. Прямое, не оставлявшее места для сомнений, заявление авторитетного офицера прозвучало как приговор.

— Теперь позвольте мне рассмотреть положение с точки зрения закона, — продолжил мистер Вальтер. — Пока наш корабль находился в космосе, вы, как его пассажиры, в соответствии с законом были обязаны подчиняться капитану, а также мне и прочим офицерам, выступавшим от его имени. Теперь мы совершили посадку. Вы имеете право совершенно свободно уйти, а можете, если желаете, остаться. С юридической точки зрения это незапланированная стоянка; если корабль когда-либо взлетит отсюда, вы можете вернуться на него и продолжить полет как пассажиры. Это моя обязанность перед вами, и я ее выполню. Но я прямо и откровенно вам говорю, что в настоящий момент у меня нет ни малейшей надежды на то, что мы когда-либо отсюда выберемся, — почему и встал вопрос о колонизации. Мы заблудились.

Где-то в глубине зала одна из женщин залилась

вдруг истерическим воплем, выкрикивая бессвязные слова:

— …Домой! Я хочу домой! Пустите меня…

Голос Вальтера прорезал шум, поднявшийся в зале:

— Дюмон! Флэннигэн! Выведите ее. Отведите ее к врачу.

Потом он продолжил, словно ничего не случилось.

— Корабль и его команда окажут необходимую помощь, в размерах, соответствующих моей ответственности за поддержание корабля в рабочем состоянии, тем из вас, кто захочет заняться колонизацией планеты. Я лично думаю, что…

— Зачем эти разговоры о «законе»? — выкрикнул кто-то. — Здесь нет законов.

Вальтер даже не повысил голоса.

— Законы, конечно же, есть. Пока этот корабль находится в эксплуатации, законы на нем есть, в скольких бы световых годах ни находились мы от порта его приписки. Далее, хотя я не обладаю властью над теми из вас, кто пожелает покинуть корабль, я настоятельно вам советую по выходе на поверхность самым первым делом созвать общее собрание, избрать руководителей и создать конституционное правительство. Я очень

сомневаюсь, что в противном случае вы сумеете выжить.

— Мистер Вальтер!

— Да, мистер Дайглер?

— Конечно же, сейчас не время для обвинений…

— Конечно.

Дайглер криво улыбнулся.

— Поэтому я и не буду ими заниматься, хотя некоторые и вертятся на языке. Но так уж случилось, что я знаю кое-что по вопросу экономики колонизации профессионально.

— Очень хорошо. Мы обязательно используем ваши познания.

— Вы позволите мне закончить? Первый и основной принцип ведения дел в колонии, отрезанной от источников снабжения, — это сделать ее достаточно большой. Это просто вопрос статистики, слишком маленькая колония может погибнуть от какой-либо мелкой неполадки. Это все равно что играть в кости, имея слишком мало в кармане: три раза подряд неудача, и тебе конец. Глядя вокруг, я с очевидностью понимаю, что мы имеем гораздо меньше оптимального минимума. Если уж быть точным…

— Это все, что у нас есть, мистер Дайглер.

— Я понимаю. Я не любитель предаваться бесплодным мечтаниям. Я хочу знать следующее: можем ли мы рассчитывать также и на команду?

Мистер Вальтер покачал головой.

— Этот корабль не будет выведен из эксплуатации, пока есть люди, способные на нем работать. Всегда остается надежда, как бы она ни была мала, что мы найдем путь домой. Не исключено даже, что нас найдет какой-либо имперский разведывательный корабль. Мне жаль так отвечать, но — нет.

— Я спросил не совсем про это. Я находился в своих рассуждениях на пару шагов впереди вас. Было вполне очевидно, что вы не разрешите команде заняться колонизацией. Но все-таки можем мы рассчитывать на их помощь? У нас, похоже, имеется шесть женщин — одной больше, одной меньше, — которые, вероятно, помогут нашей расе не исчезнуть здесь. Это значит, что следующее поколение нашей новой нации будет значительно меньше. Такая колония потухнет, просто по статистической вероятности, если только каждый работоспособный мужчина не будет работать по десять часов в день весь остаток своей жизни, просто для того, чтобы дать

нашим детям лучшие шансы выжить. Я лично не имею ничего против этого, если только все мы вместе предпримем такую попытку. Но для того чтобы быть уверенными, что эти молодые люди, которые еще и не родились, будут живы через тридцать лет, потребуется вся наша рабочая сила. Так поможет нам команда?

Мистер Вальтер спокойно сказал:

— Я думаю, что вы можете на это рассчитывать.

— Рад это слышать.

Маленький человек с красным лицом, имени которого Макс не знал, прервал их.

— Какого черта «рад слышать». Да я сам лично возбужу судебное преследование против офицеров корабля. Я буду кричать со всех…

Макс заметил, как Сэм тихо проскользнул сквозь толпу к говорившему, после чего тот резко смолк.

— Отведите его к врачу, — устало сказал мистер Вальтер. — Он успеет подать на нас в суд завтра. Собрание закончено.

Макс направился в свою каюту, но его тут же поймала Элдрет.

— Макс! Я хочу с тобой поговорить.

— Хорошо. — Он направился назад в гостиную.

— Нет, я хочу поговорить с глазу на глаз. Пошли в твою каюту.

— Да? Миссис Дюмон, если узнает, совсем выйдет из себя, да еще расскажет мистеру Вальтеру.

— А, к чертовой матери их обоих. Всем этим дурацким правилам теперь конец. Ты что, ничего не слышал на собрании?

— Похоже, это ты не слышала.

Он крепко взял ее за руку и повернул в сторону гостиной. Они наткнулись на мистера и миссис Дайглер, шедших им навстречу. Дайглер сказал:

— Макс? Ты занят?

— Да, — ответила Элдрет.

— Нет, — ответил Макс.

— Хм… Вы бы решили вопрос голосованием. Я хотел бы кое о чем спросить Макса. У меня нет никаких возражений, чтобы и вы при этом присутствовали, Элдрет, если только вы простите, что я вам помешал.

Она пожала плечами.

— Ладно, может быть, вы сумеете как-нибудь с ним сладить. Я не могу.

Они отправились в каюту Дайглеров, более вместительную и роскошную, чем каюта Макса. В ней были даже два стула. Женщины пристроились на кровати, мужчины поделили между

собой стулья. Дайглер начал:

— Макс, вы производите на меня впечатление человека, предпочитающего прямой ответ всяким увиливаниям. Есть некоторые вещи, которые я хотел бы знать, но не хотел о них спрашивать там. Может быть, вы сможете мне помочь.

— Хорошо, если только это будет в моих силах.

— Отлично. Я попытался уже спросить мистера Саймса, но не получил от него ничего, кроме вежливого отказа. Я не сумел повидаться с капитаном, а после сегодняшнего я вижу, что все равно в этом не было большого смысла. Так вот, можете ли вы, не залезая во всю эту математику, сказать мне, какой у нас есть шанс попасть домой? Один из трех, один из тысячи — или сколько?

— Хм, я не смогу ответить в таких терминах.

— Ответьте тогда, как вы сами это понимаете.

— Ну, можно сказать так. Мы не знаем, где мы находимся, но зато совершенно точно понимаем, где мы не находимся. Мы не находимся на расстоянии, скажем, в сотню световых лет от любой из исследованных областей нашей Галактики.

— Откуда вы это знаете? Мне казалось, что сотня световых лет — это слишком большое пространство, чтобы его исследовать за те несколько недель, которые прошли с того времени, как мы

сбились с пути.

— Конечно же, это очень большое пространство. Это сфера поперечником в двенадцать сотен триллионов миль. Но нам и не нужно было его исследовать, точнее — тщательно исследовать.

— В таком случае — откуда же вы знаете?

— Понимаете, сэр, мы исследовали спектры всех видимых нам звезд до первой величины — и уйму всего другого. Ни одной из них нет в наших каталогах. Некоторые из них — гиганты, которые должны иметь первую величину с расстояния в сотню световых лет, — они-то наверняка были бы в каталогах, если бы какой-нибудь из разведывательных кораблей как раз оказался на таком расстоянии от них. Поэтому мы абсолютно уверены, что находимся очень, очень далеко от любого места, где человек бывал раньше. Если уж говорить точно, я был чересчур осторожен в своей оценке. Сделайте эту сферу в два раза больше по диаметру, и все равно оценка будет очень осторожной. Мы и вправду заблудились.

— М-м… Хорошо, что я не стал спрашивать об этом в гостиной. Так есть все-таки хоть какая-нибудь вероятность, что мы когда-нибудь узнаем, куда мы попали?

— О, конечно же. Остались еще тысячи звезд,

которые можно исследовать. Шеф Келли, вполне вероятно, в эту самую минуту снимает одну из них.

— Ну, в таком случае каковы же шансы на то, что в конце концов мы определимся?

— О, я бы сказал, что они очень велики — за год, самое большее — за два. Если не по одиночным звездам, то по шаровым звездным скоплениям. Вы же понимаете, что поперечник Галактики что-то около сотни тысяч световых лет, и мы видим только те звезды, которые близки к нам. Но шаровые скопления тоже представляют собой отличные ориентиры. — Про себя Макс сделал оговорку: «Если только мы не в другой Галактике». Не было смысла в том, чтобы сваливать на них еще и это.

Дайглер немного расслабился и вытащил сигару.

— Это последняя моего любимого сорта, но я уж рискну выкурить ее сейчас. Ну что ж, Мэгги, похоже, тебе все-таки не придется учиться делать мыло из древесной золы и свиного навоза. Один это будет год или целых пять, но мы можем попотеть это время, а потом отправиться домой.

— Я очень рада, — она потрогала свою причудливую прическу кончиками мягких, прелестных,

ухоженных пальцев. — Не думаю, чтобы я очень подошла для такого дела.

— Но вы же меня не поняли!

— Э? А что там еще, Макс?

— Я же не сказал, что мы можем вернуться. Я только сказал, что, по моему мнению, очень вероятно, что мы выясним, куда мы попали.

— А в чем же тут разница? Мы узнаем это, а потом отправимся домой.

— Нет, потому что мы никак не можем быть в менее чем сотне световых лет от исследованного пространства.

— Не понимаю, в чем тут заковыка. Этот корабль может в долю секунды перескочить сотню световых лет. Какой там был самый большой скачок за время этого рейса? Около пятисот световых лет, ведь правда?

— Да, но… — Макс повернулся к Элдрет. — А вы понимаете? Правда понимаете?

— Ну, может быть. Это все эти истории со сложенным шарфом, которые вы мне рассказывали.

— Да, конечно, да. Мистер Дайглер, конечно же, «Асгард» может покрыть расстояние в пять сотен световых лет практически мгновенно — да и любое другое расстояние. Но только через рассчитанные и исследованные конгруэнтности. Мы

не знаем ни одной в радиусе сотни световых лет и не будем знать о такой конгруэнтности, даже если выясним, где находимся, потому что мы же знаем, где мы не находимся. Вы понимаете? Это обозначает, что нашему кораблю потребуется идти на максимальной скорости больше сотни лет, а может — и значительно дольше для того, чтобы пройти первый участок обратного пути.

Мистер Дайглер задумчиво оглядел столбик пепла на конце своей сигары, потом вынул перочинный ножик и аккуратно отрезал горящий кончик.

— Пожалуй, остальное я сэкономлю. И знаешь, Мэгги, ты бы, пожалуй, подучилась бы насчет этого мыла.

— Спасибо, Макс. Мой отец был фермером, я смогу научиться.

Макс порывисто сказал:

— Я помогу вам, сэр.

— Да, конечно, вы же рассказывали нам, что были раньше фермером, не правда ли? У вас-то все будет в порядке. — Он перевел взгляд на Элдрет. — Вы знаете, ребята, что бы я сделал на вашем месте? Я бы попросил капитана поженить вас прямо сейчас. Вот тогда у вас все будет как надо для того, чтобы хорошо справиться с жизнью

поселенцев.

Макс покраснел до ушей и не смотрел на Элли.

— Боюсь, что я не могу. Я же член команды, я не имею права становиться поселенцем.

Мистер Дайглер с любопытством посмотрел на него.

— Какая преданность долгу! Ну что ж, без всяких сомнений, Элли сможет выбирать по своему желанию среди холостых пассажиров.

Элдрет с притворной скромностью расправила свою юбку.

— Без всяких сомнений.

— Пошли, Мэгги. Вы идете, Элдрет?

Глава 17
НАДЕЖДА

Уже через несколько недель в поселке жизнь била ключом. Был свой мэр, мистер Дайглер, своя главная улица — Хендрикс-авеню. Состоялось даже первое бракосочетание, проведенное мэром в присутствии свидетелей из поселенцев, — молодоженами были мистер Артур и маленькая Бекки Вебербаур. Первый дом, находившийся в процессе постройки, был заранее отведен для новобрачных. Это была бревенчатая хижина, сооружение не слишком аккуратное, так как, хотя среди поселенцев и нашлись видевшие бревенчатые дома на картинках или даже в натуре, практического опыта строительства ни у кого из них не было.

В новорожденной общине царил дух надежды, всеобщей отваги и даже веселья. Мысли о том, чтобы «начать жизнь с чистой страницы», и далеко идущие планы переполняли поселенцев. Спали они все еще на корабле, там же и завтракали, затем захватывали с собой обед и неутомимо трудились, как мужчины, так и женщины, весь

здешний день напролет. День был коротковат, Надежда обращалась вокруг своей оси за двадцать один с минутами час. Возвращались, когда совсем темнело, ужинали на корабле, а потом некоторые даже находили откуда-то силы потанцевать немного перед сном.

Создавалось впечатление, что Надежда полностью оправдывает свое имя. Дни здесь были теплыми, но не жаркими, а умеренно прохладные ночи сопровождались фантастическими, невиданными в Галактике небесными спектаклями. Центральную звезду системы (поселенцы называли ее попросту «Солнце») окружали кометы в количестве почти невероятном. Гигантская комета с широченным хвостом простиралась от зенита до горизонта на западе, нацеливаясь прямо в здешнее солнце. Другая, не столь грандиозная, однако тоже внушающая почтение в достаточной степени, чтобы, будь это на Земле, переполошить всех прорицателей конца света, приближалась с севера, а еще две кружевом холодного огня украшали небосклон на юге.

Кометам сопутствовало, как то и должно быть, такое же изобилие метеоров. Каждая ночь была ливнем падучих звезд, каждый день заканчивался, подобно Дню Солнечного Союза, грандиозным

фейерверком.

И никаких опасных животных. Кое-кто из поселенцев рассказывал, что им встречались кентаврообразные существа размером с шетлендского пони однако эти животные были пугливыми и, увидев людей, сразу же убегали. Преобладали в местной фауне сумчатые млекопитающие самых разнообразных форм и размеров. Птиц не было, однако имелась совсем иная разновидность летающих существ, не встречавшаяся ранее нигде, — медузообразные твари, четыре-пять футов в поперечнике, со свисающими вниз щупальцами — нечто вроде живых воздушных шаров. Они, похоже, были способны с помощью мускулатуры управлять своими раздутыми пузырями, так как они могли подниматься и опускаться. Каким-то непонятным образом эти пузыри могли даже летать против слабого ветерка — при более сильном ветре они либо прицеплялись к верхушкам деревьев, либо свободно дрейфовали.

Их, похоже, заинтересовал поселок — пузыри висели над работавшими людьми, медленно поворачиваясь, словно хотели разглядеть все получше. Некоторые из поселенцев хотели подстрелить одно из этих существ, чтобы покопаться в их внутренностях, но мэр Дайглер запретил

это делать. Была еще одна разновидность животных — видимо, была. Их называли шпионами, потому что люди видели только, как нечто мгновенно скрывалось за валуном или стволом дерева, при первой же попытке рассмотреть это нечто. В компании вездесущих воздушных шаров и полумифических шпионов поселенцы ощущали, что их соседи проявляют большой, однако не враждебный интерес к тому, чем они тут занимаются.

Мэгги Дайглер — теперь все называли ее просто Мэгги — убрала свои драгоценности, обзавелась на корабельном складе комбинезоном и коротко обстригла волосы. Ногти ее теперь были короткими и постоянно имели черный ободок грязи. Зато выглядеть она стала значительно моложе и была вполне довольна жизнью.

Если уж так говорить, жизнью были довольны все, за исключением Макса.

Элли избегала его. Он днем и ночью проклинал себя и свой язык. Конечно же, Дайглер заговорил не вовремя и не по делу, но это еще не причина, чтобы он, Макс, открывал рот и высказывал то, что думает. Ясное дело, он никогда не собирался жениться на Элли, но какого черта, ведь, может быть, они застряли здесь навсегда. Не «может

быть», а «скорее всего», поправил он себя. Со временем запрещение присоединяться к поселенцам будет снято — а в таком случае какой смысл иметь плохие отношения с единственной подходящей девушкой в округе?

Астронавигатор, конечно, должен быть холостяком, но фермеру нужна жена. Хорошо же, чтобы кто-нибудь готовил салат и потрошил куренка, пока ты выкладываешься в поле. Уж он-то должен бы понимать это — Мамочка очень часто пренебрегала такими делами. Но Элли не будет вроде Мамочки. Она была сильной и практичной, ей только чуть подучиться, и все будет как надо.

А к тому же она была, пожалуй, самой хорошенькой девушкой, какую он только видел в жизни, конечно, если к ней присмотреться.

Когда мистер и миссис Дюмон, по особому разрешению, присоединились к поселенцам, он решил, что пришло время действовать. Так как на корабле, лишенном пассажиров, экономку и экономке работы не остается, их уход не мог вызвать никаких обоснованных возражений; это подсказало Максу, с какой стороны зайти. Он отправился к первому помощнику.

— Стажер Джонс, сэр.

Вальтер бросил на него сумрачный взгляд.

— Я бы, пожалуй, на вашем месте сказал «ассистент астронавигатор Джонс». Это было бы ближе к действительности. Так что там у вас?

— Да я, пожалуй, как раз про это и хотел поговорить с вами, сэр.

— Да? А что?

— Я хочу вернуться к своим первоначальным обязанностям.

— Как? Чего это ради вам больше хочется быть картографом, чем астронавигатором? Да и какая вам разница — сейчас?

— Нет, сэр. Я желал бы возобновить исполнение моих обязанностей третьего помощника эконома.

Вальтер выглядел крайне пораженным.

— Для этого, видимо, должны быть какие-то причины. Объясните, пожалуйста.

Заикаясь и запинаясь, Макс в конце концов рассказал о своих отношениях с Саймсом. Он старался быть честным и закончил рассказ с неприятным ощущением, что все это звучало очень по-детски.

— Вы это точно говорите? — усомнился Вальтер. — Мистер Саймс ничего мне про вас не говорил.

— Да он и не станет, сэр. Но все это правда. Да

хоть у Келли можете спросить.

Вальтер немного подумал.

— Мистер Джонс, я бы не придавал этому слишком большого значения. В вашем возрасте такие конфликты зачастую кажутся более серьезными, чем они того заслуживают. Я бы вам посоветовал забыть про все это и продолжать работать. А я поговорю с Саймсом насчет того, что он не пускает вас на пост управления. Это нехорошо, и я узнал об этом с крайним удивлением.

— Нет, сэр.

— Что «нет, сэр»?

— Я хочу снова быть помощником эконома.

— Почему? Я что-то вас не понимаю.

— Это потому, что я хотел бы присоединиться к поселенцам. Как главный эконом Дюмон.

— О… Вот теперь наконец-то забрезжил какой-то свет. Нет! Ни в коем случае, нет! Ни при каких обстоятельствах. — Для подкрепления своих слов Вальтер даже ударил ладонью по столу.

— Сэр?

— Поймите меня, пожалуйста, правильно. Это никакая не дискриминация. Если бы вы были просто парнем из команды эконома и не больше, я рассмотрел бы вашу просьбу — принимая во внимание особые обстоятельства, которые, по

моему мнению, в данном случае имеются. Но вы — астронавигатор. Вы же знаете, в каком положении мы находимся. Доктор Хендрикс умер. Капитан Блейн — ну, вы же видели его сами. Он, может, и оправится, но рассчитывать на это я не могу. Мистер Джонс, пока остается хоть малейшая надежда на то, что этот корабль когда-либо снова поднимется, пока у нас будет команда, могущая его вести, ни один астронавигатор, ни один картограф, ни один вычислитель ни при каких условиях не будет освобожден от исполнения своих обязанностей. Вы меня понимаете, не правда ли?

— Думаю, да, сэр. Что ж, есть, сэр.

— Ну и хорошо. И еще, вы никому не рассказывайте про это, но как только колония сможет некоторое время обойтись без нас, я собираюсь вывести корабль на орбиту, чтобы вы, специалисты, смогли заняться поисками. Вам же трудно работать через атмосферу, верно?

— Да, сэр. Наши приборы приспособлены для работы в открытом космосе.

— Ну вот мы и постараемся его вам предоставить. — Помолчав, первый помощник добавил: — Мистер Джонс — вас ведь зовут Максом, верно? Разрешите мне поговорить с вами, как мужчина

с мужчиной.

— Э? Конечно, сэр.

— М-м… Макс, я, конечно же, лезу не в свое дело, но постарайтесь отнестись к моим словам, как к отцовскому совету. Если у вас появилась возможность жениться, и вы хотите это сделать — вам же совсем не обязательно для этого переходить в поселок. Если мы здесь застрянем, в конечном итоге не будет иметь значения, член вы команды или полноправный поселенец. Ну а если мы улетим отсюда, жена отправится с вами.

Уши у Макса горели. Он не мог придумать никакого ответа.

— Конечно же, я говорю совершенно гипотетично. Но это дает вполне разумное решение вашей проблемы. — Вальтер поднялся. — А почему бы вам не взять выходной? Идите погуляйте, или что там. Свежий воздух пойдет вам на пользу. А с мистером Саймсом я поговорю.

Вместо этого Макс отправился на поиски Сэма, не нашел его на корабле и выяснил, что тот сошел на поверхность. Макс отправился следом за ним в поселок, заложенный в полумиле от корабля.

Не успел он подойти к строящемуся дому, как увидел, что от бригады, трудившейся там, отделилась одна фигура. Вскоре он разобрал, что это

Элдрет. Она остановилась перед ним — маленькая крепкая фигурка в грязном комбинезоне и уперлась кулачками в бедра.

— Приветик, Элли.

— Так ты что, опять за старое? Избегаешь меня? Объясни, пожалуйста, свое поведение.

От несправедливости такого обвинения он даже стал заикаться.

— Но… Да ты послушай, Элли, это же все совсем не так. Это же ты все время…

— Вот я сразу тебе и поверила. Ты похож сейчас на Чипси, когда ее поймаешь ворующей конфеты из конфетницы. Я хотела только сообщить вам, неуступчивый вы Дон Жуан, что беспокоиться вам пока не о чем. В этот сезон я не собираюсь ни за кого выходить замуж. Так что можете вернуться к своему обычному непостоянству.

— Да послушай, Элли… — начал он с отчаянием.

— Вы желаете, чтобы я подтвердила это в письменной форме? Взяла на себя обязательство? — Она яростно поглядела на него, а затем, сморщив носик, расхохоталась. — Ох, Макс, чурка ты здоровенная, ты всегда вызываешь во мне извечное материнское чувство. Когда ты расстраиваешься, лицо у тебя становится длинным, как

у мула. Послушай, забудь про все это.

— А как же, Элли… Ладно, все в порядке.

— Друзья?

— Друзья.

— Ну вот, — вздохнула она, — так-то лучше. Не знаю почему, но я очень не люблю, когда с тобой поссорюсь. Ты сейчас куда?

— Да никуда особенно. Просто гуляю.

— Ну и хорошо. И я тоже пройдусь. Подожди секунду, пока я захвачу Чипси. — Она повернулась и позвала: — Мистер Чипс! Чипси!

— Чего-то я ее не вижу.

— Сейчас я ее возьму. — Элли убежала и вскоре вернулась с паукообразным щенком на плече и со свертком в руке. — Я прихватила заодно и свой обед. Мы можем поделиться.

— Да мы же не будем так долго гулять. Привет, Чипси.

— Привет, Макс. Конфета?

Он залез в карман и вытащил оттуда кусочек сахару, отложенный несколько дней тому назад как раз для этой цели; паукообразный щенок с невероятной серьезностью принял его и сказал:

— Благодарю вас.

— Да, как раз будем, — возразила Элли, — тут кто-то видел стадо этих кентавровых пони на той

стороне того хребта. Дотуда порядочно.

— Что-то не знаю я, стоит ли заходить так далеко, — сказал он с сомнением в голосе. — Они не начнут тебя искать?

— Я свою норму выполняю. Хочешь посмотреть на мозоли? — Она сунула ему под нос свою грязную лапку. — Я сказала мистеру Хорнби, что неожиданно почувствовала смертельное недомогание и поэтому ему придется подыскать кого-нибудь другого, чтобы держать доски, пока он заколачивает гвозди.

Макс с удовольствием сдался. Они стали понемногу подниматься, потом пошли по руслу высохшего ручья и вскоре оказались в хвойных зарослях. Мистер Чипс соскочила с плеча Элли и мгновенно вскарабкалась на дерево. Макс остановился.

— Может, нам лучше поймать ее?

— Ты слишком много беспокоишься. Чипси никуда не убежит. Она бы перепугалась до смерти. Чипси! Сюда, крошка!

Паукообразная собака пробралась сквозь сплетение ветвей, оказалась прямо над их головами, сбросила на Макса шишку и весело захихикала.

— Вот видишь? Ей же просто поиграть хочется.

Хребет был довольно высоким, и Макс обнару-

жил, что, летая среди звезд, порядком растерял свою выносливость горца. Сухое русло петляло, медленно поднимаясь вверх. У Макса еще оставалось достаточное количество лесных привычек, чтобы внимательно следить за направлением движения и ориентирами. В конце концов, совсем уставшие, они перевалили через хребет. Элли остановилась.

— Убежали, — сказала она разочарованно, глядя на расстилавшуюся перед ними равнину. — Нет! Гляди туда. Видишь их? Десятка два маленьких черных пятнышек.

— Угу. Да.

— Подойдем к ним поближе. Я хочу их рассмотреть.

— Не знаю, стоит ли? Мы и так уже довольно далеко от корабля, а я без оружия.

— Да они же никого не тронут.

— Я думаю о том, что еще может водиться в этом лесу.

— Да мы же уже ходили в этот лес и не видели ничего страшного, кроме этих пузырей. — Она имела в виду летучие существа, двое из которых следовали за ними вдоль сухого ручья. Люди уже так привыкли к их присутствию, что не обращали на них никакого внимания.

— Элли, пора возвращаться.

— Нет.

— Да я же за тебя отвечаю. Ты уже посмотрела на этих своих кентавров.

— Макс Джонс, я свободная гражданка. Вы можете, если желаете, идти назад, а я намерена посмотреть поближе на этих вислобрюхих кобылок. — Она направилась вниз.

— Ну что ж. Подожди секунду, я хочу запомнить ориентиры. — Он оглядел все окрестности, навсегда запечатлел картину в своем мозгу и последовал за ней. Макс старался по возможности ни в чем ей не перечить. Он постоянно думал о том, что сейчас самое время объяснить ей, почему он сказал мистеру Дайглеру то, что он тогда сказал. А может, потом непринужденно перейти к вопросу об их будущем? Он бы не хотел заходить так далеко, начав говорить с ней о браке, хотя, может, он и заговорит об этом абстрактно, если только сумеет придумать, как к этому подойти.

А как подойти к такому вопросу? Нельзя же просто сказать: «Вон там пузыри летят, давай поженимся». Элли приостановилась.

— Вон там пузыри летят. Похоже, что они направляются прямо к стаду.

Макс нахмурился.

— Похоже. Может, они с ними разговаривают?

Она рассмеялась.

— Эти штуки? — Она внимательно оглядела его. — Макси, я только что сообразила, чего я с тобой вожусь.

— Э? — Может, она сама подведет разговор куда надо. — Почему?

— А потому, что ты мне напоминаешь Питци. У тебя такое же недоуменное выражение глаз.

— Питци? А кто такой Питци?

— Питци — это человек, из-за которого отец отослал меня на Землю, чтобы увести меня от него. Он — причина того, что я вырвалась из трех школ и возвращаюсь на Гесперу. Да только отец, пожалуй, и его куда-нибудь отправил. Отец — хитрый. Иди сюда, Чипси. Не заходи так далеко.

Она продолжала:

— Тебе бы очень понравился Питци. Он прелесть. Чипси, прекрати.

Макс уже страстно ненавидел этого типа.

— Не хотелось бы зря тебя тревожить, — сказал он, — но отсюда еще очень далеко до Гесперы.

— Я знаю это. Но давай не будем заранее беспокоиться. — Элли снова оглядела его. — Я бы, пожалуй, записала тебя в запасные, не будь ты таким дерганым.

Не успел еще он сообразить, что бы ответить, как она снова стала спускаться. Кентавры — это было самым подходящим названием, хотя нижней своей частью они не очень напоминали лошадей, а часть, выступавшая наверх, была гуманоидной лишь отдаленно, — сгрудились у основания холма, неподалеку от деревьев. Траву они не щипали, а что делали — понять издалека было трудно. Два пузыря висели над их группой, словно из любопытства, так же, как перед этим они висели над людьми. Элли настояла на том, чтобы подойти к самому краю опушки и получше рассмотреть кентавров.

Максу они напомнили клоунов, переодетых лошадьми. У них было простоватое, глупое выражение лиц и слишком мало места в голове, чтобы вместить приличный мозг. Они явно были сумчатыми, сумки их напоминали детские слюнявчики. То ли все это были самки, то ли у самцов тоже были сумки. Несколько маленьких кентавриков носилось вокруг, проскакивая между ног старших.

Один из кентаврят заметил людей и поскакал к ним, фыркая и блея. Позади него самое большое существо из взрослых отделилось от стада, чтобы присмотреть за маленьким. Жеребенок взбежал

вверх по склону и остановился футах в двадцати от людей.

— Ой, какая прелесть, — сказала Элли и, пробежав навстречу ему несколько футов, упала на одно колено. — Иди сюда, лапочка, иди к мамочке.

Макс двинулся к ней.

— Элли! Вернись сейчас же!

Большой кентавр залез в свою сумку, вытащил что-то оттуда и раскрутил вытащенное над головой, как лассо.

— Элли!

Он добрался до Элли как раз в тот момент, когда кентавр отпустил свою веревку. Она хлестнула их, обмоталась вокруг и намертво сжала. Элли вскрикнула, а Макс изо всех сил старался освободиться, но бесполезно, они были опутаны, подобно Лаокоону.

В воздухе мелькнула еще одна веревка и тоже прилипла к ним. И еще одна.

Мистер Чипс бежала вслед за Элли. Теперь она с визгом бросилась прочь. На краю опушки она остановилась и высоким, резким голосом прокричала:

— Макс! Элли! Идите назад! Пожалуйста, назад.

Глава 18
ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Элли не упала в обморок и не начала биться в истерике. После первого непроизвольного крика следующими ее словами были:

— Прости, Макс, это я виновата.

Говорила она прямо ему в ухо, так туго стягивали их липкие веревки.

— Сейчас я их скину! — сказал Макс, изо всех сил пытаясь вырваться.

— Не дергайся, — спокойно ответила ему Элли. — Так они только сильнее затягиваются. Лучше попробовать как-нибудь уговорить этих лошадей, чтобы они нас отпустили.

И правда, чем сильнее он напрягался, тем крепче держали их змееподобные путы.

— Не надо, — взмолилась Элли, — ты только хуже делаешь. Мне больно.

Макс сдался.

Большой кентавр подскакал совсем близко и внимательно их оглядел. С малого расстояния его широкое, глуповатое лицо выглядело еще смехотворнее: большие карие глаза глядели

на людей с выражением легкого удивления. С другой стороны подошел жеребенок, он любознательно обнюхал их и тоненько заблеял. Взрослый кентавр издал трубный звук, похожий на крик оленя; жеребенок отскочил в сторону, а потом прямиком понесся к остальному стаду.

— Не бойся, — прошептала Элли, — думаю, они просто испугались, что мы что-нибудь сделаем маленькому. Может, они просто осмотрят нас со всех сторон, а потом отпустят.

— Может и так. Только жаль, что я не могу добраться до своего ножа.

— И слава богу, что не можешь. Тут нужна дипломатия.

Подошло остальное стадо. Кентавры топтались вокруг связанных Макса и Элли, осматривали их, переговариваясь между собой криками, в которых сочетались трубные звуки, взвизгивания и что-то среднее между кашлем и фырканием. Макс прислушался.

— Это язык, — решил он.

— Да уж ясно. Жаль только, что ему не обучали у мисс Мимси.

Самый большой кентавр наклонился и погладил путы, обвивавшие Макса и Элли. Веревки чуть расслабились, однако продолжали надежно

их удерживать.

— Кажется, они собираются нас развязать, — отрывисто сказал Макс. — Приготовься сразу бежать.

— Есть, капитан.

Другой кентавр залез в свой карман и вытащил оттуда еще одну из этих веревкоподобных штук. Он опустился на одно переднее колено и хлестнул кончиком «веревки» таким образом, что она обвилась вокруг лодыжки Макса. Кончик этот сам спаялся в петлю, которая держала Макса не хуже, чем если бы ее завязали булинем. С Элли сделали то же самое. После этого самый большой кентавр похлопал по их путам, те расслабились и упали на землю, слегка извиваясь. Он подобрал их и сунул в свою сумку. Привязавший их кентавр обернул другие концы поводков вокруг вертикальной части своего туловища. Они сразу же спаялись в сплошные петли. Обменявшись несколькими трубными звуками с вожаком, кентавр похлопал по поводкам, те вытянулись, как сделанные из жевательной резинки, до длины в добрые двадцать футов, сделавшись при этом значительно тоньше. Макс тайком передал свой нож Элли и сказал:

— Попробуй отрезаться. Если получится, беги

со всех сил, а я попробую их задержать.

— Нет, Макс.

— Да! Какого черта, кончай эти детские штучки. Ты и так уже наделала достаточно дел.

— Да, Макс.

Она взяла нож и попыталась перерезать странную веревку в районе своей лодыжки. Кентавры и не пробовали ей помешать, только смотрели с тем же слегка удивленным видом. Было похоже, что они в жизни не видели ножа, не имели ни малейшего представления о том, что это такое. Через некоторое время Элли бросила свои попытки.

— Никакого толку, Макс. Это все равно что резать сталь.

— Чего это, у меня же этот нож всегда как бритва. Дай-ка я попробую.

Максу повезло не больше. Прекратить попытки его заставило в конце концов то, что стадо двинулось — или иди, или тебя потащат. Он сумел закрыть нож, прыгая на одной ноге, чтобы не упасть. Группа сначала пошла тихим шагом, затем вожак протрубил, и кентавры пошли рысью, совсем как доисторическая кавалерия.

Элли сразу же споткнулась, и ее потащило. Макс сел, сумел ухватиться за свой поводок и

висел на нем, крича:

— Эй, вы! Остановитесь!

Кентавр, привязавший их, остановился и оглянулся на них с почти что извиняющимся выражением лица.

— Слушай, дурак, — сказал Макс. — Мы не можем так быстро. Мы же, в конце концов, не лошади. Говоря это, он одновременно помог Элли подняться на ноги. — Тебе нигде не больно?

— Вроде нет. — Она сморгнула с глаз слезы. — А вот если я смогу добраться до этого придурочного травяного мешка, ему-то уж будет больно, и очень.

— Ты ободрала руку.

— От этого я не помру. Ты только скажи им, чтобы они помедленнее, скажешь?

Увидев, что они опять встали на ноги, чудовище сразу же рвануло рысью. И сразу же они снова оказались на земле. Макс пытался зацепиться за что-нибудь, чтобы остановить кентавра. На этот раз вожак прискакал к ним, оставив стадо, и поговорил с их конвоиром. Макс принял участие в беседе, страстностью речей своих компенсируя пробелы в знании языка.

Возможно, он и вправду сумел им что-то объяснить; в дальнейшем конвоир перешел на

быструю ходьбу, дав стаду далеко обогнать их. Еще один кентавр отстал и являл собой арьергард. Один из живых пузырей, которые все это время парили над стадом, тоже отстал и парил теперь над пленниками.

Скорость движения была терпимой, но на пределе — нечто среднее между быстрой ходьбой и бегом трусцой.

Путь пролегал поперек широкой, открытой долины, поросшей густой, достигавшей колена травой. Трава эта несколько спасала Макса и Элли, так как тащивший их кентавр придерживался, видимо, мнения, что одно-два падения на несколько сотен ярдов пути как раз и обеспечивают максимальную эффективность. Он ни разу не выказал нетерпения, всегда сразу останавливался и давал им подняться, но всегда сразу же снова пускался в путь шагом, чересчур быстрым для людей. Макс и Элли быстро перестали переговариваться, горла у них пересохли и горели от отчаянных стараний не отставать. По дну долины петлял ручеек, кентавр с легкостью перепрыгнул его. Людям пришлось переходить вброд. Элли остановилась посреди потока, нагнулась и начала из него пить.

— Элли, не пей этого, — запротестовал Макс. —

Ты же не знаешь, вдруг это опасно?

— Вот и хорошо, если вода ядовитая, я тогда смогу лечь и умереть. Макс, я больше не могу.

— Выше нос, мы отсюда выберемся. Я все запомнил, где мы шли. Он помедлил и — жажда мучила его не меньше — тоже напился.

Кентавр ждал, пока они пили, потом потянул их дальше.

Дальше — это было вверх по поросшему лесом противоположному склону долины. Им раньше казалось, что они вымотаны до последней степени. Они ошибались. Кентавр был резв, как козочка, и, похоже, удивлялся, что им трудно. В конце концов Элли свалилась в полном изнеможении и не могла больше подняться; кентавр вернулся, подошел к ней и грубо пошевелит ее копытом с тремя пальцами.

Макс ударил его сразу обоими кулаками. Кентавр не сделал ни малейшей попытки дать ему сдачи, а только глядел на него с прежним идиотским изумлением. Подошел арьергардный кентавр, парочка посовещалась. После этого они сделали передышку минут на десять. Макс сел рядом с Элли и озабоченно спросил:

— Ну как, тебе полегче?

— Не надо говорить.

Минут через десять задний охранник втиснулся между ними и отогнал Макса, напирая на него. Тем временем другой кентавр подергал поводок Элли. Тот сократился, и Элли пришлось с трудом подняться на ноги. В дальнейшем кентавры еще дважды давали им передохнуть. После того, что показалось Максу и Элли вечностью, когда солнце висело уже низко над горизонтом, они вышли на густо поросшее лесом плато. Тут они прошли (Макс считал шаги) с милю, хотя по ощущениям это было больше похоже на десять. Потом остановились.

Макс и Элли оказались на поляне, густо усыпанной опавшими иглами деревьев. Задний охранник подошел к конвоиру, взял у него конец поводка, к которому был привязан Макс, и захлестнул его вокруг комля дерева; поводок сразу прилип. Другой кентавр сделал то же самое с поводком Элли, но дерево выбрал футов на сорок в сторону. Проделав это, они грубо погнали Макса и Элли друг к другу, время от времени останавливаясь и поглаживая поводки, пока те не стали совсем тонкими. В конечном итоге Макс и Элли могли сойтись и даже пройти друг мимо друга.

Похоже, что это не понравилось кентаврам. Один из них переместил конец поводка Макса

дальше внутрь кустов, окружавших поляну, при этом оттащив его. На этот раз они не могли подойти друг к другу ближе чем на шесть футов.

— Что это они делают? — спросила Элли.

— Похоже, не хотят, чтобы мы могли объединить усилия.

Покончив с этим делом, кентавры ускакали. Элли поглядела им вслед, начала всхлипывать, а потом расплакалась, уже не сдерживаясь. Слезы катились по ее грязному лицу, оставляя на нем бороздки.

— Прекрати это, — жестко сказал Макс, — хныканье нам не поможет.

— Я не могу с собой ничего поделать, — почти прокричала она. — Я была храброй весь этот день, по крайней мере старалась быть. Я… — Она упала ничком и в голос заревела.

Распластавшись на земле и вытянувшись, насколько мог, Макс только-только смог дотянуться до головы Элли. Он погладил ее свалявшиеся волосы.

— Ничего, девочка, — тихо сказал он, — поплачь, если это тебе хоть немного поможет.

— Макси, Макси! Привязана… как собака.

— Вот это мы сейчас и попробуем рассмотреть. — Он сел и начал обследовать свой поводок.

Чем бы ни была эта веревкообразная штука, уж веревкой-то она точно не была. Своей гладкой, блестящей поверхностью она скорее напоминала змею, хотя конец ее, обвивавшийся вокруг Максовой лодыжки, не имел никаких различимых черт. Она просто сливалась сама с собой, образуя петлю. Макс поднял часть поводка и почувствовал в нем легкое биение, вроде пульса. Он погладил «веревку», как это делали у него на глазах кентавры, и та ответила ему потоком пульсаций, не делаясь, однако, при этом ни короче, ни длиннее и не ослабляя хватки.

— Элли, — объявил он, — да ведь эта штука живая.

Она подняла тоскливое лицо.

— Какая штука?

— Да эта веревка.

— А, эта! Конечно.

— В крайнем случае, — продолжал Макс, — если уж она и не живая, то не совсем и мертвая. — Он снова испытал на ней свой нож и снова без малейшего успеха. — Вот точно, будь у меня спички, она бы закричала у меня «мамочка». Элли, у тебя нет зажигалки?

— Я не курю.

— Я вот тоже. Что ж, может быть, мы сумеем

добыть огонь каким-нибудь другим способом. Трением двух палок или еще как-нибудь.

— Ты умеешь это делать?

— Нет. — Он продолжал поглаживать и похлопывать живую веревку, но, хотя каждый раз были ответные пульсации, прикосновение его, видимо, было каким-то не таким; с поводком не происходило ничего. Он был погружен в это бесплодное занятие, когда услыхал свое имя.

— Макс! Элли!

Элли резко села.

— Чипси! О, Макс, она бежала за нами. Иди сюда, радость моя.

Чипси сидела на дереве, высоко над ними. Она внимательно оглядела все вокруг, а затем поспешила вниз, причем последние десять футов покрыла одним прыжком прямо в объятия Элли. Они пообнимались, раздались чмокающие звуки, затем Элли выпрямилась, глаза ее сияли.

— Макс, мне стало настолько лучше!

— И мне тоже, — добавил он, — хотя я и не знаю, чего ради.

Паукообразный щенок очень серьезно объявил:

— Чипси следовать.

Макс вытянул руку и погладил ее.

— Да, Чипси следовала. Хорошая Чипси.

Элли сжала Чипси в объятиях.

— Я не чувствую теперь себя брошенной, Макс. Может, все еще и кончится хорошо.

— Слушай, Элли, мы еще не в таком плохом положении. Может, я сумею найти комбинацию, как пощекотать эту веревку, или змею, или что она там такое, чтобы она отпустила. Если у меня это получится, мы проберемся назад уже сегодня.

— А как мы найдем путь?

— Об этом уж не беспокойся. Я запомнил каждый фут дороги, каждый поворот, каждый ориентир.

— И в темноте найдешь?

— А в темноте еще легче. Я знаю эти звезды — по должности полагается. А если даже не сумеем освободиться, это тоже еще не конец.

— А что же? Мне не очень хочется провести остаток своей жизни привязанной за ногу к дереву.

— А ты хотела бы за руку? Слушай, я думаю, что мы этим тварям просто любопытны. Они нас не съедят — это уж точно, они, вероятно, едят траву. Может быть, мы им наскучим, и они нас отпустят. А если уж они этого не сделают — им же хуже.

— Из-за чего это?

— Из-за мистера Вальтера, Джорджа Дайглера и Сэма, Сэма Андерсона, — вот из-за чего. Они, наверное, прямо сейчас обшаривают все кусты в поисках нас. Мы прошли меньше десяти миль от корабля — или пять по прямой. Они нас найдут. А тогда уж, если эти кентавры с идиотскими мордами попробуют показать свою силу, они узнают кое-что про современное оружие. И они, и эти их веревки.

— Чтобы найти нас, может потребоваться много времени. Никто не знает, куда мы ушли.

— Да, — согласился Макс. — Если бы только у меня была в кармане рация. Или что-нибудь, чем подать сигнал. Или хотя бы с помощью чего развести костер. Но ничего этого нет.

— Я и представить себе такого не могла. Казалось, что это все равно что прогуляться по парку.

Макс мрачно подумал, что он пытался ее предупредить. Даже родные арканзасские холмы, хоженые-перехоженые, не являются полностью безопасными, особенно если ворон считать. Можно нарваться на злую матерую рысь, даже на медведя. А Элдрет никогда не били достаточно сильно, чтобы вбить в нее хоть немного здравого смысла, вот в чем беда.

Подумав, он признался себе, что и сам не ожидал ничего плохого от существ с такой безобидной и простоватой внешностью, как эти кентавры. И в любом случае, как сказал бы Сэм, нет смысла плакать над разлитым молоком, когда лошадь уже украли.

— Элли.

— Что?

— Как ты думаешь, Чипси сумеет найти дорогу домой?

— Не знаю, а что?

— Если она сумеет, мы сможем передать с ней сообщение.

Чипси оживилась.

— Домой? — вопросила она. — Пожалуйста, домой. Идем домой.

Элли нахмурилась.

— Боюсь, что Чипси не настолько хорошо говорит. Она будет только икать и нести всякую несуразицу.

— Я не это имел в виду. Я понимаю, что Чипси не гигант интеллекта. Я…

— Чипси умная!

— Конечно, конечно. Но я хочу послать записку и карту. — Он покопался в кармане и вытащил ручку. — У тебя найдется бумага?

— Посмотрю. — Она нашла в кармане комбинезона сложенный листок бумаги. — Ой, господи! Мне же надо было отнести это мистеру Джордана. Мистер Хорнби очень на меня рассердится.

— А что это такое?

— Заявка на проволоку десятого артикула.

— Теперь все это не важно.

Он взял бумажку, зачеркнул текст заявки, перевернул ее и начал рисовать, иногда останавливаясь, чтобы уточнить по картинам, отпечатанным в его мозгу, расстояния, контуры, положение солнца и прочие детали.

— Макс?

— Помолчи, если можешь.

Он продолжал рисовать. Окончив, он написал: *«СРОЧНО — первому помощнику Вальтеру. Элдрет Кобурн и я захвачены кентаврами. Осторожно, берегитесь их метательных веревок. С уважением, М. Джонс»*. Он протянул записку Элли.

— Этого будет достаточно. Можно как-нибудь прицепить записку к Чипси? Мне не хотелось бы, чтобы она ее потеряла.

— М-м… Дай подумаю. Отвернись, Макс.

— Зачем?

— Затем. Отвернись.

Макс послушался, и через несколько секунд Элли сказала:

— Ну вот, все.

Он повернулся к ней, и она протянула ему ленточку.

— Это подойдет?

— Отлично, то самое!

Они сумели обвязать ленточку, к которой была тщательно прикреплена сложенная в несколько раз записка, вокруг талии мистера Чипса, дополнительно прикрепив ее к одной из средних лапок. Задача была не из простых, так как Чипси, похоже, воспринимала все это как игру и к тому же очень боялась щекотки.

— Ну вот. Чипси, кончай корчиться и послушай. Элли хочет, чтобы ты пошла домой.

— Домой?

— Да, домой. Иди назад на корабль.

— Элли идти домой?

— Элли не может идти домой.

— Нет.

— Лапочка, ты *должна* пойти домой.

— Нет.

— Послушай, Чипси. Ты найдешь Мэгги и скажешь ей, что Элли просила ее дать тебе конфет. Ты отдашь Мэгги это. — Она подергала за привя-

занную записку.

— Конфета?

— Иди домой. Найди Мэгги. Мэгги даст тебе конфету.

— Элли идти домой.

— Пожалуйста, Чипси.

— Элли, — вдруг произнес Макс, — кто-то идет.

Элли подняла глаза и увидела среди деревьев приближающегося кентавра.

— Слушай, Чипси! Они идут! Они поймают Чипси! Иди домой! Беги!

Чипси завизжала от ужаса и понеслась к деревьям. Вскарабкавшись на ветку, она оглянулась и захныкала.

— Иди домой! — прокричала Элли. — Найди Мэгги!

Мистер Чипс бросила взгляд на кентавра и исчезла из виду. У них не оставалось времени для тревожных раздумий, кентавр был почти рядом. Он взглянул на них и прошел мимо, но то, что следовало за ним, полностью приковало внимание Элли и Макса. Элли едва не закричала: «Макс! Они поймали всех».

— Нет, — мрачно поправил он, — погляди получше.

Из-за сгущавшегося мрака он сначала тоже

ошибся; ему показалось, что за кентавром колонной по одному следовали астронавты, связанные лодыжка к лодыжке живыми веревками. Но так казалось только с первого взгляда. Эти существа очень походили на людей, они были более чем гуманоидами, но такие деградировавшие твари никак не могли странствовать между звездами.

Пленники шли быстро, как хорошо обученные животные. Одно или два из них взглянули, проходя мимо, на Элли и Макса, но взгляды их были тупыми и потухшими. Маленькие дети без привязи шли рядом со своими мамами, а один раз Макс с крайним удивлением заметил крохотную сморщенную головку, выглядывавшую из сумки, — эти человекообразные существа тоже были сумчатыми.

Макс с трудом сдержал тошноту и, когда процессия исчезла из виду, повернулся к Элли.

— Господи!

— Макс, — хрипло сказала Элли, — как ты думаешь, мы уже умерли и претерпеваем воздаяние за свои грехи?

— Чего? Не говори глупостей, и без того все достаточно паршиво.

— Да я серьезно. Это же прямо какая-то сцена из Дантова «Ада».

Макс все время сглатывал комки, стоявшие в горле, и был далек от хорошего расположения духа.

— Знаешь, если уж тебе так хочется, можешь считать себя мертвой. Но я лично — живой и намерен им остаться. Эти твари — не люди, пусть все это так тебя не расстраивает.

— Но это же и вправду были люди. Мужчины, женщины и дети.

— Нет, не были. Иметь форму вроде нашей — еще не значит быть человеком. Быть человеком — это нечто совершенно другое. — Он нахмурился. — Вполне возможно, что «людьми» являются как раз кентавры.

— Да не может…

— А ты не будь так уж уверена. Они, похоже, всем здесь заправляют.

Спор был прерван приходом еще одного кентавра. Уже почти совсем стемнело, и Макс с Элли не заметили его, пока он не вышел на поляну. За ним следовали трое — Макс решил называть их людьми, хотя делать это было неприятно, — следовали трое людей. Они были без привязи. У всех троих была поклажа. Кентавр что-то сказал им, они разложили принесенное.

Один из троих поставил между Максом и Элли

большую глиняную миску, наполненную водой. Это был первый артефакт, увиденный на этой планете кем-либо из людей. Миска не говорила о высоком уровне технической культуры. Грубая по форме, она очевиднейшим образом не была знакома с гончарным кругом; налить воду в нее было можно, но ничего интересного она из себя не представляла. Второй носильщик сбросил рядом с миской две охапки мелких фруктов. Пара плодов шлепнулась в миску, выуживать их оттуда он не стал.

Максу пришлось долго приглядываться, пока он разобрал, что принес третий раб. Выглядело это так, словно к каждой из его рук было привязано по три больших яйцеобразных мяча. Присмотревшись, Макс понял, что это — животные размером с опоссумов, которых он нес за хвосты. «Человек» обошел поляну, иногда останавливаясь и поднимая одного из животных к низко висящей ветке. Когда он закончил, поляна была окружена шестью мелкими существами, висящими на хвостах. Кентавр прошел по кругу вслед за рабом; Макс видел, как он погладил каждое из животных и нажал на какую-то точку вблизи его шеи. И каждый раз все тело мелкой твари начинало светиться серебристым светом,

подобным свечению светляка.

Теперь поляна была освещена ровным, мягким светом. «Достаточно ярко, — подумал Макс, — чтобы читать крупный шрифт». Один из пузырей беззвучно проплыл между деревьями и прицепился прямо над ними к ветке на высоте футов в тридцать; похоже, он устроился здесь на всю ночь.

Кентавр подошел к Максу и, вопросительно пофыркав, толкнул его копытом. Макс старательно вслушался, а потом попытался повторить звуки. Кентавр ответил, и Макс снова повторил. Этот бессмысленный разговор продолжался еще некоторое время, после чего кентавр удалился, сопровождаемый членами своей свиты.

Элли поежилась.

— Ох! — воскликнула она. — Хорошо, что они убрались. Кентавров я еще могу как-то выдержать, но эти самые люди… жуть!

Он разделял ее отвращение. С близкого расстояния эти существа меньше походили на людей, их волосяной покров начинался там, где полагалось бы находиться бровям. Черепа у них были такими низкими и плоскими, что кончики ушей торчали выше макушек. Но не это произвело на Макса самое сильное впечатление. Когда кентавр

заговорил с Максом, тот впервые сумел хорошенько рассмотреть внутренность его рта. Эти зубы ни в коем случае не предназначались для пережевывания зерна или травы, они больше походили на клыки тигра — или акулы.

Он решил не говорить об этом Элли.

— Слушай, а это был не тот кентавр, который командовал стадом, когда нас поймали?

— Откуда я знаю? Они все одинаковые.

— Да совсем они не одинаковые, не больше чем одинаковы две лошади.

— Лошади все выглядят одинаково.

— Но… — Он смолк, ошарашенный городской точкой зрения, спорить с которой было бесполезно. — Я лично думаю — это тот самый.

— Не вижу, какое это имеет значение.

— Может и иметь. Я же пробую научиться их языку.

— Слышала я, как ты издавал эти жуткие звуки. И как это у тебя получается?

— Очень просто, просто запоминаешь, на что похож звук, а потом его воспроизводишь. — Макс закинул голову и издал жалкий визг.

— А это что такое?

— Собака застряла в заборе. Маленькая собачка по имени Абнер, которая у меня когда-то жила.

— Звучит трагично.

— Так оно и было, пока я его оттуда не вытащил. Элли, я так понимаю, что они дали нам корм и оставили на ночлег. — Он указан на миску и фрукты рядом с ней. — Так свиней кормят.

— Ну зачем уж так. Гостиничный номер. Номер, и горничная, и освещение. Пища и напитки. — Элли подобрала один из фруктов. Размером и формой он напоминал огурец. — Как ты думаешь, это можно есть?

— Не думаю, что тебе стоит это пробовать, Элли. Пожалуй, было бы разумно не есть и не пить ничего, пока нас не найдут и не спасут.

— Ну, может быть, мы и сможем продержаться без пищи, но без воды-то не обойтись точно. Мы умрем через день-другой.

— Но, может, нас найдут еще до наступления утра.

— Может, и так. — Она сняла кожуру с фрукта. — Пахнет хорошо. Похоже на банан.

Он тоже очистил плод и понюхал его.

— Скорее на папайю.

— Ну и что?

— М-м… слушай, я съем одну штуку. Если со мной все будет в порядке, через полчаса ты тоже попробуй.

— Да, капитан. — Она впилась зубами в свой фрукт.

— Осторожнее, семечки.

— Элли, ты малолетняя правонарушительница.

Она наморщила носик и разулыбалась.

— Ты заговорил комплиментами! Я стараюсь быть такой.

Макс тоже откусил кусочек. Неплохо — аромата поменьше, чем у папайи, но совсем неплохо. Через несколько минут он сказал:

— Может, оставить немного на завтрак?

— Ладно. И вообще я уже объелась. — Элли наклонилась и попила из миски. Не говоря друг другу ни слова, они пришли к общему выводу, что после такой перенасыщенной еды придется рискнуть и с водой. — Ну вот, теперь как-то получше. По крайней мере, теперь можно умереть с удобствами. Макс? Как ты думаешь, можем мы рискнуть поспать? Я больше не могу.

— Думаю, ночью они больше сюда не заявятся. Ты спи, а я посижу.

— Нет, так несправедливо. Честно, ну какой смысл держать караул? Мы же все равно не сможем убежать.

— Ну… вот, возьми мой нож. Ты можешь спать,

не выпуская его из рук.

— Ладно. — Она протянула руку над миской и взяла нож. — Спокойной ночи. Макс. Я буду считать овец.

— Спокойной ночи. — Он вытянулся, поерзал, вытащил из-под себя шишку и попытался расслабиться. Усталость и полный желудок сильно этому помогали, однако мысль о том, в какую историю они влипли, не давала покоя. И этот пузырь, висевший над ними. Может, именно он и стоял в карауле — но не для их пользы.

— Макс, ты спишь?

— Нет, Элли.

— Возьми меня за руку. Я боюсь.

— Мне не дотянуться.

— Дотянешься. Повернись в другую сторону.

Макс так и сделал, и оказалось, что он может, закинув руку через голову, дотянуться до ее руки.

— Спасибо, Макс. Еще раз спокойной ночи.

Он лежал на спине и смотрел между деревьями. Несмотря на свет, испускаемый светящимися тварями, были видны звезды и многочисленные метеоры, бороздившие небо. Чтобы перестать думать, он начал их считать. В какой-то момент они начали взрываться у него в голове. Тогда он заснул.

Разбудили их лучи солнца, прорвавшиеся между деревьев. Макс поднял голову.

— Я вот тут размышляла, сколько ты еще будешь спать, — заявила Элдрет. — Посмотри, кто к нам пришел.

Он сел, морщась от боли при каждом движении, и повернулся. Мистер Чипс сидела на пояснице Элли и чистила один из похожих на папайю фруктов.

— Привет, Макси.

— Привет, Чипси. — Он заметил, что записка все еще висит на ней. — Плохая девочка.

Мистер Чипс повернулась за утешением к Элли. Из ее глаз покатились слезы.

— Нет, нет, — поправила Элли. — Хорошая девочка. Она мне обещала пойти искать Мэгги, как только позавтракает. Ты же обещала, Чипси?

— Пойти искать Мэгги, — подтвердила та.

— Не ругай ее, Макс, она не виновата. У себя дома паукообразные собаки не ведут ночного образа жизни. Она просто подождала, пока мы успокоимся, и тогда вернулась. Она не могла иначе. Я обнаружила ее спящей у себя на руке.

Чипси покончила с едой, затем от души попила из миски. Макс решил, что в этом нет ничего страшного, особенно если учесть, кто еще мог

пользоваться миской до них. Эту мысль он быстренько изгнал из головы.

— Искать Мэгги, — объявила Мистер Чипс.

— Да, лапочка. Возвращайся прямо на корабль как можешь скорее и найди Мэгги. Поспеши.

— Найди Мэгги. Спеши быстро. Пока, Макс. — Чипси со всех ног пустилась в нужном направлении.

— Ты думаешь, она туда доберется? — спросил Макс.

— Думаю, доберется. В конце концов, ее предки находили дорогу в лесу, и в течение стольких поколений. Она знает, что это важно, мы с ней имели длинный разговор.

— Ты и вправду думаешь, что она так много понимает?

— Она понимает, что именно доставляет удовольствие мне, а этого достаточно. Макс, как ты думаешь, смогут они найти нас сегодня? Я не хочу проводить здесь еще одну ночь.

— А кто же хочет! Если Чипси может двигаться быстрее, чем мы.

— Конечно, конечно, может.

— Тогда — возможно. Если не будут долго собираться.

— Я на это надеюсь. Готов к завтраку?

— А что, Чипси что-нибудь оставила?

— По три штуки на нос. Я свои съела. Вот.

— Ты же врешь! Ведь когда мы ложились спать, было только пять. — Элли смущенно отвела глаза и позволила ему поделить пополам третий плод. Потом он вдруг заметил происшедшее изменение. — Слушай, а что случилось с этими светляками-переростками?

— А, одна из этих жутких тварей пришла рано утром и унесла их. Я уже собиралась заорать, но он не подходил слишком близко, так что не пришлось тебя будить.

— Спасибо. А наш надзиратель, я вижу, нас не покидает. — Пузырь по-прежнему висел у верхушек деревьев.

— Да, вокруг тут все утро шпионы высовывались.

— Ты сумела рассмотреть их?

— Конечно, нет. — Элли встала, потянулась и поморщилась. — Ну, а теперь посмотрим, какие прекрасные неожиданности принесет этот ласковый летний денек. — Она состроила кислую физиономию. — Программа, которую я предпочла бы, состоит в том, чтобы сидеть здесь и не видеть никого, пока не появится Джордж Дайглер с дюжиной вооруженных мужчин. Я бы его

расцеловала. Я бы расцеловала всех по очереди.

— И я тоже.

До полудня, и даже дольше, отклонений от программы, выбранной Элдрет, не было; ничего не происходило. Иногда, правда, они слышали трубные звуки и фырканье кентавров, но ни один не появлялся. Беседовали они о каких-то случайных вещах, устав как надеяться, так и бояться. Они дремали на солнышке, когда неожиданно поняли, что на поляну выходит кентавр.

Макс был совершенно уверен, что это — вожак стада, и уж во всяком случае — тот, который кормил и поил их. Тварь не стала зря терять времени и с помощью толчков и пинков объяснила им, что они должны дать себя привязать для того, чтобы куда-то идти.

Они ни на секунду не были свободны от живых веревок. Макс подумывал о том, чтобы напасть на кентавра, прыгнув к нему на шею и перерезав глотку. Однако было крайне сомнительно, что удастся проделать это достаточно тихо; одно-единственное фырканье могло привести сюда все стадо. И кроме того, он не знал, как освободиться от пут, даже убив кентавра. Лучше уж подождать — особенно когда послали гонца за помощью.

Кентавр вел их — а иногда, когда они падали, тащил — по той же тропе, по которой шла вчера группа рабов. Становилось ясно, что они входят в большое поселение. Тропинка влилась в извилистую, хорошо ухоженную дорогу, по которой то в одну, то в другую сторону проходили кентавры и от которой ответвлялись многочисленные более маленькие дорожки. Не было видно ни строений, ни других внешних признаков цивилизации, однако чувствовался дух организованности, обычаев и стабильности. Маленькие кентавры бегали вокруг; когда они оказывались на пути, им что-то говорили и они убирались. По обеим сторонам дороги шла разнообразная деятельность, и гротескного вида человекообразные рабы встречались почти так же часто, как и кентавры; они что-то переносили, выполняли какие-то непонятные работы — одни привязанные живыми веревками, другие без привязи. Макс и Элли не могли рассмотреть все получше из-за слишком большой скорости, с которой им приходилось идти.

Один раз Макс заметил на своей стороне дороги одну любопытную вещь, которую ему хотелось бы рассмотреть получше. Он не стал говорить об этом Элли, и не только потому, что говорить

на ходу было очень трудно, но и потому, что не хотел лишний раз ее беспокоить, — но на его взгляд это сильно напоминало мясной магазин на открытом воздухе. Подвешенные туши не принадлежали кентаврам.

В конце концов они остановились на очень большой поляне, на которой толпилось множество кентавров. «Хозяин» похлопал привязывавшие их веревки, те укоротились, в результате чего Макс и Элли оказались совсем рядом с ним. Тогда он занял место в очереди. Крупный, посеревший и, по-видимому, престарелый кентавр вершил суд на одной из сторон «площади». Он стоял со спокойным достоинством, а тем временем перед ним проходили отдельные кентавры и их группы. Макс наблюдал за происходящим с таким большим интересом, что почти позабыл о своих страхах. Каждое дело вызывало длительное обсуждение, затем главный кентавр произносил одно слово, и с делом было покончено. Те, чье дело разбиралось, спокойно отходили. Неизбежно возникал вывод, что здесь толковались законы либо обычаи и большой кентавр был арбитром.

На этой поляне не было видно пародий на человека, но под ногами шныряли странные твари, вроде расплющенных свиней. Ноги у них

были такие короткие, что напоминали, скорее, тракторные гусеницы. Состояли они по большей части изо рта, зубов и принюхивающегося носа, и что бы ни попалось им по дороге, если только это не было копыто кентавра, они пожирали. Наблюдая за ними, Макс понял, каким образом все вокруг, при таком количестве населения, поддерживается в полной чистоте: эти стервятники были живыми уборочными машинами.

Очередь шла, и их хозяин постепенно продвигался к ее голове. Последнее перед ними дело было связано с кентавром, здоровье которого было единственным в своем роде. Он был стар и тощ, шерсть его была тусклой, кости жалко выпирали сквозь шкуру. Один его глаз был слеп, покрыт белым бельмом, а другой воспален и сочился густым гноем.

Судья, мэр, главный вожак стада или кто уж он там был, обсудил дело с двумя молодыми здоровыми кентаврами, сопровождавшими больного, почти как сестры милосердия. Затем главный кентавр сошел со своего почетного места и обошел больного, осматривая его со всех сторон. Затем он заговорил с ним.

Больной старик ответил тихо, единственным фыркающим словом. Главный кентавр заговорил

снова и получил, как показалось Максу, тот же самый ответ. Вожак вернулся на свое прежнее место и испустил странный визжащий звук.

Со всех сторон стали стекаться плоские стервятники. Десятки их собрались вокруг больного и его сопроводителей, образовав собою сопящее, похрюкивающее кольцо. Вожак издал резкий трубный звук; один из сопроводителей залез в свою сумку и извлек наружу скрутившееся в клубок существо. Он погладил его, и существо развернулось. На взгляд Макса, вид у него был малоприятный, как у угря.

Сопроводитель протянул эту тварь по направлению к больному. Тот не сделал ни малейшего движения, чтобы помешать, только глядел своим единственным зрячим глазом. Голова змееобразной твари ткнулась в шею больного кентавра; тот дернулся, как от электрического удара, и упал.

Вожак фыркнул один раз, и стервятники стремительно бросились вперед, собрались вокруг трупа и совсем закрыли его собой. Когда они, продолжая сопеть, разошлись, не осталось даже костей.

— Спокойно, Элли! — тихо сказал Макс. — Держи себя в руках, малышка.

— Я ничего, — ответила она, еле шевеля гу-

бами.

Глава 19
ДРУГ ПОЗНАЕТСЯ В БЕДЕ

Впервые за все это время их спустили с привязи. «Хозяин» пощекотал поводки, и они упали с лодыжек Макса и Элли. Макс тихо сказал:

— Если ты хочешь попробовать — беги со всех сил. А я их займу чем-нибудь.

Элли покачала головой.

— Бесполезно. Они меня сцапают, не дав пробежать и пятидесяти футов. Кроме того, я не найду обратного пути.

Макс замолчал. Он понимал, что Элли права, но считал своей обязанностью сделать ей это предложение. Главный кентавр осмотрел их с тем же характерным выражением тихого удивления, переговариваясь при этом трубными звуками с «хозяином». Они оставались предметом обсуждения в течение некоторого времени; видимо, что-то требовало решения. Макс вытащил нож. У него не было никаких планов, только решимость, что ни один кентавр не подойдет к ним с этой электрошоковой тварью или чем-либо еще, являющим угрозу, не столкнувшись с сопротив-

лением.

Но все окончилось тихо. «Хозяин» захлестнул поводки у них на лодыжках и оттащил их прочь. Через пятнадцать минут они снова были привязаны на прежней поляне. После ухода кентавра Элли оглянулась вокруг и тяжело вздохнула.

— Каким бы жалким все это ни было… Макс, а ведь действительно очень отрадно снова оказаться здесь.

— Я тоже так думаю.

Монотонность последующих дней разнообразили только постепенно угасающая надежда и нарастающее отчаяние. К ним не относились плохо, они были просто домашними животными — их кормили, поили и почти совсем игнорировали. Раз в день им давали воду и уйму местной папайи. После первой ночи они были лишены роскоши «искусственного освещения», и пузырь не висел больше над их поляной. Но бежать было невозможно — разве что отгрызть себе ногу и уползти куда-нибудь.

Первые два-три дня Макс и Элли обсуждали возможность того, что им придут на помощь, со все возраставшей озабоченностью, потом, исчерпав эту тему, они оставили ее; такие разговоры лишь вгоняли их в еще большую тоску. Элли ста-

ла очень редко улыбаться и совсем оставила свои легкомысленные разговорчики; было похоже, что до нее, через всю ее броню, дошло наконец, что такое действительно может произойти с Элдрет Кобурн, единственной дочерью богатого и почти всесильного Имперского Наместника Кобурна, — чтобы она стала рабом, имуществом, скотом у тварей, которых и самих-то только в зоопарке показывать.

Макс воспринимал ситуацию немного более философски. Он никогда не имел многого и потому особенно многого и не ожидал — не то чтобы ему все это нравилось. Свой самый большой страх он держал в тайне. Элли определяла их положение как «зверей в зоопарке», так как чаще всего к ним прибегали маленькие кентавры, фыркавшие и блеявшие, рассматривая их с любопытством, которого не проявляли старшие. Макс не спорил с таким определением, так как думал, что статус их гораздо печальнее — он подозревал, что их откармливают, чтобы потом съесть.

Примерно через неделю после их пленения Элдрет отказалась от завтрака и промолчала все утро. Любые попытки Макса заговорить вызывали лишь односложные ответы. Не придумав ничего лучшего, в отчаянии, он сказал:

— А спорим, я побью тебя в трехмерные, дав фору в два звездных корабля.

Это ее несколько завело.

— Ты и кто еще? — презрительно спросила она. — Не в одиночку же ты свершишь такой подвиг? И чем играть?

— Ну, можно играть в голове — ты же знаешь, вслепую.

Элли покачала головой.

— Так не пойдет. Ты ведь всегда говоришь, что у тебя память лучше, и мне будет не доказать, что ты жульничаешь.

— Мерзкая, вредная малолетняя девица.

Неожиданно она расплылась в улыбке.

— Вот так-то будет лучше. Последнее время ты со мной что-то слишком нежен и внимателен — это вгоняет в тоску. Макс, а мы можем сделать шахматы.

— Каким образом?

— А вот из этих штук. — Она подобрала одну из шишек, в изобилии валявшихся по всей поляне. — Большая будет флагманом. Мы можем подобрать их разных размеров, отламывать чешуйки и всякое такое.

Мысль заинтересовала их обоих. Миску с водой отодвинули в сторону, так что она не занимала

более середины пространства, ограниченного предельной длиной поводков. Ничейную землю тщательно очистили от иголок и расчертили на доски. Доски по необходимости располагались в одной плоскости, нужно было собирать их в куб в уме, но для игроков с хорошим пространственным воображением это совсем не помеха, так часто делали, если играли на простом, не электронном комплекте — чтобы меньше мучиться, переставляя фигуры.

Камешки стали автоматическими кораблями, клочки ткани, привязанные к шишкам, помогали различать, где черные, а где белые и где какая фигура. К середине второй половины дня все было готово. А к тому времени, как наступившая темнота вынудила их бросить это занятие, Макс с Элли все еще играли первую партию. Когда они ложились спать, Макс сказал:

— Пожалуй, я лучше сегодня не буду держать тебя за руку. Так можно в темноте посшибать все фигуры.

— Я не засну без этого — я буду бояться. Да и все равно эта горилла все перевернула на одной из досок, когда меняла воду.

— Это не страшно, я помню, как там все стояло.

— А в таком случае ты сможешь вспомнить и

где стоят остальные. Дай руку.

Он пошарил в темноте и нащупал ее пальцы.

— Спокойной ночи, Макс. Спи крепко.

— Спокойной ночи, Элли.

С этого времени они играли от рассвета до заката. Их владелец пришел однажды во время игры, с час понаблюдал за ними и удалился, не проронив ни слова. Однажды, когда Элли сумела свести партию вничью, Макс сказал:

— Знаешь, Элли, а ты жутко хорошо играешь в эту игру — для девушки.

— Преогромнейшее тебе спасибо.

— Да нет, я же серьезно. Я думаю, что женщины, вероятно, такие же разумные, как и мужчины, но только вот большинство из них никак этого не проявляет. Вероятно, это потому, что такого от них и не требуется. Если девушка хорошенькая, ей совсем и не обязательно думать. Конечно, если она не может полностью положиться на свою внешность, тогда — ну, возьмем вот для примера хоть тебя. Если ты…

— О! Так значит, мистер Джонс, я уродина!

— Да подожди ты секунду. Я же этого не говорил. Давай предположим, что ты прекраснейшая из женщин со времен Елены Троянской. В таком случае ты… — Тут Макс обнаружил, что разго-

варивает с ее спиной. Элли отвернулась от него, обхватила руками колени и полностью его игнорировала.

Он вытянулся изо всех сил, насколько позволял ему поводок, и сумел дотронуться до ее плеча.

— Элли?

Она стряхнула его руку.

— Держись-ка чуть подальше от меня. От тебя воняет, как от старого козла.

— Ну, — рассудительно проговорил Макс, — ты ведь тоже не лилия. И давно не мылась.

— Я прекрасно это знаю, — почти крикнула она и начала всхлипывать. — И мне от этого противно. Мне это совершенно отвратительно. Я выгляжу жутко.

— Нет, для меня ты не выглядишь жутко.

Она повернула к нему очень грязное и все мокрое от слез лицо.

— Врешь ты все.

— Ничего такого страшного, с чем бы не справились вода и кусок мыла.

— Если бы только они у меня были. — Элли посмотрела на него. — Вы и сами не в наилучшей форме, мистер Джонс. Вам крайне необходимо подстричься, а то, какими клочками растет у вас борода, — это просто ужас.

Макс потрогал пальцем щетину на своем подбородке.

— Ничего не могу с этим поделать.

— Вот так же и я. — Она вздохнула. — Расставь тогда фигуры по местам.

После этого Элли побила его в трех партиях подряд. Один раз — поставив ему позорный, идиотский мат. По окончании он тоскливо посмотрел на доски.

— Так это ты — та самая девица, которая прогуляла неправильные дроби?

— Мистер Джонс, а вам никогда не приходило в голову, что женщины иногда предпочитают не казаться чересчур умными, понимая, в каком мире они живут? — Пока Макс пытался переварить такую неожиданную мысль, она добавила: — Этой игре я научилась, сидя на коленях у папы, раньше, чем стала читать. Я была чемпионом Гесперы среди юниоров, пока меня оттуда не похитили. Заходи как-нибудь в гости, я покажу тебе свой кубок.

— Ты что, серьезно? Правда?

— Да я легче обойдусь без еды, чем без игры. Но ты понемногу учишься. Когда-нибудь ты сумеешь оказать мне серьезное сопротивление.

— Наверное, я совсем не понимаю женщин.

— Это еще очень слабо сказано.

Этой ночью Макс долго не мог заснуть. Элли давно уже тихо посапывала, а он все еще продолжал смотреть на сверкающий хвост большой кометы, наблюдать за падающими звездами, думать. И ни одна из его мыслей не была утешительной.

Положение, приходилось признать, выглядело безнадежным. Пусть даже с Чипси ничего не вышло (он и сразу не слишком на нее надеялся), все равно уж за такое количество времени поисковые группы должны были их найти. А раз этого не случилось — нет никаких оснований думать, что их вообще когда-нибудь найдут.

А теперь в довершение всего еще и Элли откровенно его презирала. Он умудрился опять ее обидеть — опять этот его длинный, болтливый язык. Да надо было сказать, что она — самое красивое существо на этом свете, прекраснее Елены Троянской, если только это могло хоть чуть-чуть ее порадовать; в эти дни у бедной девушки так мало причин для радости.

Как не признать, положение пленника, в которое попал Макс, становилось хотя бы немного терпимее от того, что рядом Элли, а что теперь? Оставалось только день за днем проигрывать ей

в 3-шахматы, пока она будет мрачно доказывать, что женщины ничем не хуже мужчин, а еще и лучше. А в конечном итоге оба они пойдут на пропитание твари, которой, если на то пошло, и родиться-то смысла не было. Вот если бы не умер доктор Хендрикс.

Вот если бы он был тверд с Элли в то время, когда все еще могло пойти по-другому.

Вдобавок ко всему он чувствовал, а по временам это было хуже всего остального, что, если он съест еще хоть один из этих проклятых фруктов, тот застрянет у него в глотке и задушит его.

Разбудила его рука, дотронувшаяся до его плеча, и шепот.

— Макс!

— Какого?..

— Тихо. Ни звука.

Над ним склонился Сэм. Сэм!

Макс резко сел, адреналиновый шок сразу вышиб из него весь сон. Он увидел, как Сэм неслышно двинулся к месту, где спала Элли. Он присел около нее на корточки, но не дотронулся до нее.

— Мисс Элдрет, — тихо сказал он.

Элли открыла глаза и уставилась на него. Потом она открыла рот, и Макс с ужасом ждал, что сей-

час она закричит. Сэм поспешно знаком велел ей молчать; она посмотрела на него и утвердительно кивнула. Сэм опустился рядом с ней на колени и стал что-то рассматривать при лунном свете, кружевными узорами ложившемся на землю, потом он вынул бластер. Последовал кратчайший из возможных слабых разрядов, абсолютно беззвучный, и Элли поднялась на ноги — свободная от пут. Сэм вернулся к Максу.

— Не шевелись, — прошептал он. — Не хотелось бы тебя обжечь.

В первый момент после вспышки веревка так стиснула лодыжку Макса, что казалось — нога будет парализована, затем путы свалились. Большая часть веревки судорожно сжалась и рывком убралась куда-то в тень. Макс встал.

— Каким образом…

— Ни слова. Идите за мной.

Сэм направился в кусты, Элли за ним и последний — Макс. Они не прошли и двух десятков ярдов, как раздался плачущий голос:

— Элли! — И Чипси прыгнула в руки Элдрет.

Сэм резко повернулся.

— Заткни ее, — прошептал он, — если хочешь выбраться отсюда живой.

Элли ворошила мех своей крошечной послан-

ницы и что-то ей тихо нашептывала; в конце концов она кое-как затолкала ее себе за пазуху. Все это время Сэм ждал, а теперь, не произнеся ни слова, двинулся дальше.

Они прошли несколько сотен ярдов так бесшумно, как только могут это три человека, считающие, что на карту поставлена их жизнь. Потом Сэм остановился.

— Дальше я не рискну идти, — тихо произнес он. — Еще немного в этой темнотище, и мы заблудимся. Но я совершенно уверен, что мы уже за пределами тех мест, где они спят. Мы двинемся снова, когда хоть чуть-чуть рассветет.

— Тогда как же ты сюда попал в темноте?

— А я и не в темноте. Мы с Чипсом прятались в густом кустарнике, футах в пятидесяти от вас, чуть ли не полдня.

— О, — Макс огляделся по сторонам, взглянул на звезды. — Я могу найти обратный путь в темноте.

— Можешь? Вот это было бы очень здорово. Эти крошки ночью спят без задних ног — то есть это я так думаю.

— Дай я пойду первым, а ты иди после Элли.

Чтобы добраться до края плато, потребовалось больше часа. Темнота, кусты под ногами, необ-

ходимость соблюдать полную тишину и то, что Максу приходилось идти медленно, чтобы, даже при своей фотографической памяти, не потерять дорогу, все это сильно задерживало. Спуск в долину пошел еще медленнее.

Когда они вышли из леса и перед ними развернулся относительно гладкий луг, Сэм сделал знак остановиться и внимательно оглядел долину при тусклом лунном свете.

— Мне не хотелось бы нарваться здесь на этих тварей, — прошептал он. — Среди деревьев им довольно трудно бросать этих змеюк, но на открытом месте — боже ты мой.

— Ты знаешь про эти бросательные веревки?

— Ясное дело.

— Сэм, — прошептала Элли. — Мистер Андерсон, а почему…

— Тсс! — остановил он ее. — Все объяснения потом. А теперь вперед рысцой. Мисс Элдрет, вы задаете темп. Макс, высматривай свои ориентиры и веди нас. Побежим бок о бок. Договорились?

— Одну секунду. — Макс взял Чипси у Элли, засунул ее за пазуху и застегнул молнию. Мистер Чипс даже не проснулась, а только чуть застонала, как потревоженный ребенок. — Ну все.

Они бежали, шагали и снова бежали в течение

получаса или более, не тратя дыхания на разговоры, выкладываясь до предела, чтобы оказаться как можно дальше от кентавров. Двигаться было трудно из-за полутьмы и травы, доходившей до колена. Они почти достигли дна долины, и Макс старался уже разглядеть ручей, когда Сэм крикнул:

— Ложись! Ложись и прячься.

Макс шлепнулся на землю, выставив вперед локти, чтобы не повредить Чипси; рядом с ним шлепнулась Элли. Макс осторожно повернул голову и прошептал:

— Кентавры?

— Нет. Заткнись.

На высоте футов в сто долину пересекал летучий пузырь. Макса поразило, что он летает ночью. Пузырь пролетел чуть поодаль, ярдах в ста, а затем развернулся и полетел уже прямо на них.

Он снизился и начал парить почти над самыми их головами. Макс увидел, как Сэм тщательно целится, держа бластер в обеих руках. Потом на мгновение от оружия к пузырю протянулся бледный фиолетовый луч, тварь лопнула и упала так близко, что Макс ощутил запах горелого мяса. Сэм спрятал бластер и поднялся на ноги.

— Одним шпионом меньше, — с удовлетворением произнес он. — Двигаемся, ребята.

— Ты думаешь, что эти штуки подглядывают?

— «Думаешь». Мы это прекрасно знаем. У этих меринов все здесь вокруг прекрасно организовано. Ну, кончай трепаться и двигай ногами.

Ручей обнаружила Элли, свалившись в него. Они выудили ее из воды и перешли ручей вброд, остановившись, только чтобы попить. На противоположном берегу Сэм спросил:

— Мисс Элдрет, а где ваша левая туфля?

— Свалилась в ручей.

Сэм остановился и попытался поискать, но это явно было бесполезно.

— Без толку, — решил он. — Так мы можем проторчать здесь всю ночь. Ну, как ни жаль, вы будете сегодня с ободранными ногами. Лучше выкинуть сразу и вторую.

Сначала, пока они не добрались до хребта, за которым находился поселок, это не замедляло их движения. Но вскоре после того, как начался подъем, Элли поранила о камень правую ногу. Она вела себя молодцом, сжала зубы и не жаловалась, однако темп снизился. К тому времени, как они перевалили через гребень, появились уже первые намеки на рассвет. Макс пошел было

по сухому руслу, где они с Элли поднимались так много долгих, как годы, дней тому назад, но Сэм остановил его.

— Давай разберемся точно. Это не та ложбина, которая прямо напротив корабля?

— Нет, та будет следующей за этой, северней. — Макс представил себе, как выглядела окрестность корабля, если смотреть от него, и сравнил эту картину с фотоснимками, сделанными во время приземления. — Если уж говорить точно, прямо напротив корабля лежит выступ, который находится за следующей ложбиной.

— Так я и думал. Это та самая, по которой меня вел Чипс, но я хочу, сколько это возможно, оставаться под прикрытием деревьев. К тому времени, как мы выйдем на ровное место, уже совсем рассветет.

— А какая разница? В долине, где стоит корабль, никогда не было никаких кентавров.

— Ты хочешь сказать, что ты их там никогда не видел. Тебя, сынок, долго не было. Мы сейчас находимся в опасности — и чем ближе к кораблю, тем опаснее. Так что говори потише и веди нас к тому выступу, который выходит к кораблю. Если можешь это сделать.

Макс мог, хотя для этого пришлось идти по

незнакомой местности и определяться по восстанавливаемой в памяти мелкомасштабной карте, кроме того, приходилось еще и идти «поперек борозд» вместо того, чтобы идти по какому-либо сухому руслу. В результате они часто попадали в непроходимые места, вроде отвесных обрывов футов в тридцать, которые приходилось потом обходить долго и с большими мучениями. По мере того как светало, Сэм все больше и больше нервничал, он все время требовал, чтобы шли быстрее и тише. В то же время все ухудшавшееся состояние Элли мешало выполнению этих его требований.

— Ты уж меня прости, — прошептал он, когда ей пришлось наполовину сойти, наполовину соскользнуть со склона, удерживая себя босыми израненными ногами. — Только лучше уж добраться до места на культяпках, чем попасться к ним.

— Я знаю.

Лицо Элли было искажено болью, однако она не издала ни звука. К тому времени, как Макс вывел их на выступ, уже совсем рассвело. Он молча указал на корабль, стоявший в полумиле. Они находились примерно на уровне верхней его точки.

— Я думаю, спустимся здесь, — тихо сказал он Сэму.

— Нет.

— Как?

— Деточка, дядюшка Сэм такого мнения, что лучше нам будет полежать как проклятым вот в этих кустиках тихо-тихо, разрешая слепням кусаться в свое удовольствие, до того, как совсем стемнеет.

Макс окинул глазом расстояние в тысячу ярдов.

— Мы можем пробежать этот кусок.

— Но только четыре ноги бегают быстрее двух. За последнее время мы очень хорошо это поняли.

Выбранные Сэмом кусты росли на самом краю обрыва. Он прополз сквозь них и выбрал себе место, с которого можно было, самому оставаясь незамеченным, осматривать лежавшую внизу долину. Элли и Макс проползли следом за ним. Они были на краю крутого обрыва. Прямо перед ними находился корабль, левее и поближе — поселок.

— Устраивайтесь поудобнее, — скомандовал Сэм, — и будем караулить по очереди. Поспите, если сможете, это будет продолжаться недолго.

Макс попытался немного сдвинуть Мистера

Чипса, чтобы иметь возможность лечь на живот. Из его воротника высунулась маленькая головка.

— Доброе утро, — очень серьезно произнесла она. — Завтрак?

— Нет завтрака, лапа, — ответила ей Элли. — Сэм, можно ее выпустить?

— Пожалуй, можно. Только скажи ей, чтобы она потише. — Сэм внимательно изучал равнину. То же самое делал Макс.

— Сэм? А почему бы нам не направиться в поселок? Он же поближе.

— Там нет никого. Брошен.

— Что? Слушай, Сэм, ты бы не рассказал нам, что там у вас случилось?

Сэм ответил, не отрывая глаз от равнины:

— О'кей, только говори шепотом. Так что вы хотите знать?

Это было трудным вопросом — Макс хотел знать все.

— Что случилось с поселком?

— Его оставили. Слишком опасно.

— А что, они кого-нибудь поймали?

— Ненадолго. У Дайглера был бластер. И вот тогда-то и началось это веселье. Сначала мы думали, что единственное их оружие — эти самые

метательные веревки и что к тому же мы перепугали их до смерти. Но у них есть еще и уйма всего прочего. К примеру, такие твари, которые роют ходы под землей. Поэтому поселок пришлось бросить.

— Кто-нибудь пострадал?

— Ну… Новобрачные жили уже в своем доме. Бекки Вебербаур стала теперь вдовой.

Элли громко охнула, и Сэм резким шепотом сказал, чтобы она не шумела. Макс, подумав, сказал:

— Сэм, я только не понимаю, почему, получив мою записку, вы не…

— Какую записку?

Макс объяснил. Сэм покачал головой.

— Зверюга эта вернулась домой в полном порядке. К тому времени мы уже знали, что вы пропали, и искали вас — к счастью, с оружием. Только вот записки никакой не было.

— Да? А как же ты нас нашел?

— Меня привел Чипс, я же тебе уже говорил. Но это все. Кто-то засунул ее в клетку, где она раньше сидела, там я ее и нашел вчера. Я остановился погладить ее, зная, что вы, мисс Элдрет, пропали, — и нашел бедную крошку почти обезумевшей. В конце концов до меня постепенно дошло, что она знает, где вы находитесь. Ну и… —

Он пожал плечами.

— Только я еще одного не понимаю, — прошептал Макс, — почему ты пошел на такой риск в одиночку. Ты же уже знал, что они опасны; тебе было нужно взять с собой всех мужчин, какие есть на корабле, с оружием.

Сэм отрицательно покачал головой.

— И потерять таким образом всех мужчин, какие есть на корабле. Проскользнуть потихоньку было можно, по-другому — нет. А мы должны были вытащить вас.

— Спасибо. Не знаю, что и говорить, Сэм. В любом случае — спасибо.

— Да, — добавила Элли, — и кончай называть меня «мисс Элдрет». Для друзей я Элли.

— Хорошо, Элли. Как твои ноги?

— Жива буду.

— Хорошо. — Он повернулся к Максу. — Только я не сказал, что мы хотели вытащить вас, я сказал — мы были должны. В первую очередь — тебя, Макс. Не обижайся, Элли.

— Как? А почему меня?

— Ну… — Теперь Сэм говорил с явной неохотой. — Подробности узнаешь, когда вернешься. Но похоже, что, если корабль будет стартовать, без тебя не обойтись. Ты — последний оставший-

ся у нас астронавигатор.

— Да? А что случилось с Саймсом?

— Тише! Помер он.

— Господи боже! — Макс подумал, что как бы он ни не любил Саймса, но смерти от рук кентавров он не пожелал бы ни одному человеческому существу. Так он и сказал.

— Да нет, это было не так. Понимаешь, когда умер капитан Блейн…

— И капитан тоже?

— Да.

— Я знал, что он болел, но не думал, что настолько.

— Ну, можешь назвать это разбитым сердцем. Или гордым харакири. Или несчастным случаем. Когда я помогал паковать его вещи, я нашел пустую коробочку от снотворного. Может, он сам проглотил таблетки, а может — твой дружок Саймс подсыпал ему в чай. Врач удостоверил «смерть от естественных причин». Так и записано в журнале. А что считать «естественной причиной», когда человек не хочет больше жить?

— Он был хорошим человеком, — прошептала Элли.

— Да, — согласился Сэм. — Может быть, даже слишком хорошим.

— Ну, а что же с Саймсом?

— Ну, понимаешь, это совсем другая история. Похоже, что Саймс стал считать себя наследником престола, только первый не был с этим согласен. Что-то такое в связи с какими-то пленками, которые были у главного вычислителя. В общем и целом, ему пришло в голову показать Вальтеру, какой он крутой, и я… в общем, я сломал ему шею. Времени не было для нежностей, — торопливо добавил Сэм. — Он уже вытащил бластер.

— Сэм! Ты что, опять влип в историю?

— Нет, если не считать той, которая здесь и сейчас. Если только мы… тише, ребята. — Сэм пристально всмотрелся в просвет между кустами. — Ни звука, не шевелиться, — прошептал он. — Даст бог, не заметит.

Пузырь летел с севера, параллельно хребту, чуть повыше и чуть в стороне от него. Было похоже, что он обследует возвышенность. Макс прошептал на ухо Сэму:

— Может, нам лучше податься немного назад?

— Поздно. Главное теперь — не шевелись.

Пузырь проплыл совсем рядом с ними, остановился и медленно двинулся в их сторону. Макс увидел, что Сэм держит бластер наготове. Он не стрелял, пока пузырь не завис прямо над ними.

Разряд опалил ветки, но и тварь сбил тоже.

— Сэм, там еще один.

— Где? — Сэм посмотрел туда, куда указывал Макс. Второй пузырь, по-видимому, прикрывал первого, он летел повыше и дальше. У них на глазах он развернулся и стал набирать высоту.

— Сними его, Сэм!

Сэм встал.

— Поздно. Слишком далеко и слишком поздно. Ну что же, ребята, вот теперь мы двинулись. Больше нет смысла прятаться. Элли, садись и съезжай, это будет легче для твоих ног.

И они покатились вниз, сбивая по дороге камни, в клочья раздирая одежду. Чипси, к большому своему удовольствию, двигалась самостоятельно. На дне лощины Сэм сказал:

— Макс, за сколько ты можешь сделать полмили?

— Не знаю. Минуты за три.

— Лучше бы быстрее. Двигай. Я помогу Элли.

— Нет.

— Тебе надо туда добраться! Ты там нужен.

— Нет!

Сэм вздохнул.

— Ты всегда такой мужественный и героический. Ладно, бери ее за другую руку.

Когда они, наполовину неся девушку, покрыли сотни две ярдов, Элдрет стряхнула их.

— В одиночку я могу двигаться быстрее, — сказала она, задыхаясь.

— О'кей, двинули! — выдохнул Сэм.

И действительно, теперь они двигались быстрее. Не обращая внимания на свои израненные ступни, Элли так быстро перебирала ногами, что Макс, хотя и не был еще на пределе, уже хватал ртом воздух. Корабль становился все ближе. Макс заметил, что клеть подъемника наверху, и подумал, сколько потребуется времени, чтобы их заметили и опустили ее вниз.

Они были уже на полпути, когда Сэм крикнул:

— А вот и кавалерия! Давай со всех сил.

Макс оглянулся на бегу, стадо кентавров, дюжины две, может — еще больше, неслось со стороны холмов. Направление их движения не оставляло сомнений — они стремились отрезать людей от корабля. Элли тоже увидела опасность и прибавила скорости, мгновенно опередив Макса.

До корабля оставалось всего несколько сотен ярдов, когда клеть сошла с упора и лениво поползла вниз. Макс хотел было закричать, что они все-таки успеют, когда услыхал топот копыт, теперь совсем неподалеку.

— Давай, ребята! — заорал Сэм. — В корабль!

Сам он остановился.

Макс остановился тоже, крича:

— Беги, Элли!

— Да беги же ты, кому сказано! — рявкнул Сэм. — Ты-то что можешь сделать? Без оружия.

Макс стоял в нерешительности, невыносимость выбора разрывала его. И тут Элли тоже остановилась. Сэм глянул назад, потом ударил Макса по губам тыльной стороной ладони.

— Двигай! Доведи ее до корабля.

Макс побежал, обхватив Элли одной рукой и принуждая ее тоже двигаться. А позади них Сэм Андерсон лицом к лицу встретил свою смерть, встав на одно колено и оперев ствол бластера на согнутую левую руку, в точности как на картинке из армейского руководства.

Глава 20
«КОРАБЛЬ — ЭТО НЕ ПРОСТО ЖЕЛЕЗО»

Клеть с размаху ударилась о землю, из нее выскочили четыре человека, в тот же самый момент Макс свалился внутрь, втащив за собой Элли. Дверь за ними с грохотом закрылась, но прежде в клеть успела влететь Чипси. Она подбежала к Элли, вцепилась в ее руку и завыла. Элли попыталась сесть.

— Как ты там? — спросил Макс.

— Да вроде ничего. Только… — Она заплакала, а Макс резко повернулся и отчаянно рванул дверь.

Дверь не открывалась. Только через некоторое время он сообразил, что лифт уже оторвался от земли. Макс ударил по кнопке «стоп». Реакции не последовало никакой, клеть продолжала подъем. Футах в десяти от земли она остановилась. Макс посмотрел через решетку вверх и крикнул: — Эй! Там, наверху! Опускай!

Реакции опять не было. Он попробовал дернуть дверь — бесполезно, так как предохранительное устройство не позволяло открыть ее при подня-

той клети. Бессильный что-либо сделать, Макс ухватился за прутья и выглянул наружу. Сэма он не увидел. Кентавры носились кругами не очень далеко от корабля. Он увидел, как один из них споткнулся и упал, затем другой. Потом он заметил четверых, которые выскочили из лифта навстречу ему. Они лежали плашмя неподалеку от корабля, развернувшись в грамотную стрелковую цепь. У каждого был бластер с прикладом, каждый, тщательно целясь, стрелял.

Дистанция была не слишком большой, сотни три ярдов, и выстрелы часто попадали в цель. Макс насчитал еще семь убитых кентавров, а потом чудовища развернулись и врассыпную понеслись в сторону холмов. Стрельба продолжалась, и, прежде чем расстояние стало слишком большим, упало еще несколько кентавров.

Кто-то крикнул:

— Не стрелять! — Один из людей поднялся на ноги и побежал туда, где был центр сражения. Остальные тоже поднялись и последовали за ним.

Вернулись они, неся что-то, похожее на тюк грязной одежды. Клеть опустилась на землю, они вошли и осторожно положили свою ношу на пол. Один из вошедших искоса взглянул на

Элдрет, торопливо снял с себя куртку и накрыл ею лицо Сэма. Только тогда Макс увидел, что это был мистер Вальтер.

Остальные трое были мистер Дайглер, какой-то человек с силовой установки, которого Макс не знал по имени, и главный эконом Джордана. Толстяк плакал, не скрывая слез.

— Вшивые ублюдки, — говорил он, всхлипывая, — у него не было никаких шансов. Они просто затоптали его насмерть. — Он задохнулся, потом добавил: — Но он успел достать их штук пять, не меньше. — Джордана глядел прямо на Макса, видимо не узнавая. — Он хорошо с ними посчитался.

— Он умер? — тихо спросила Элдрет.

— Что? Конечно же. Не задавай глупых вопросов. — Эконом отвернулся.

Лифт рывком остановился. Вальтер заглянул через шлюз внутрь и зло произнес:

— Уберите отсюда зрителей. Тут что, цирк для них? — Он повернулся внутрь лифта. — Ребята, давайте внесем его.

Нагибаясь, чтобы помочь, Макс увидел, как миссис Дюмон уводит Элдрет. Очень осторожно они внесли Сэма на корабль и положили его на палубу около уже ожидавшего врача. Вальтер

выпрямился и, как казалось, только теперь заметил Макса.

— Мистер Джонс? Вы бы не могли как можно скорее зайти ко мне?

— Да, сэр. Но только… — Макс посмотрел на лежавшего на полу друга. — Я бы только хотел…

— Вы все равно не можете здесь ничем помочь, — оборвал его Вальтер. — Идем. — И добавил более мягким голосом — Заходите минут через пятнадцать. За это время вы успеете умыться и переодеться.

Макс появился в каюте первого помощника вовремя, приняв душ, наскоро побрившись и в чистой форме — хотя и без фуражки.

Единственная его форменная фуражка была где-то в далекой долине, он потерял ее еще при первой встрече с кентаврами. Кроме Вальтера в каюте находились старший механик Компаньон и мистер Сэмьюэлс, казначей. Они сидели вокруг стола и пили кофе.

— Входите, мистер Джонс, — пригласил Вальтер. — Садитесь. Кофе?

— Да, сэр. — Макс вдруг понял, что страшно голоден. Он положил в чашку уйму сливок и сахару.

Несколько минут, пока Макс пил кофе и по-

немногу приходил в себя, говорили о всяких мелочах. В конце концов Вальтер сказал:

— Как ваше состояние, мистер Джонс?

— Да, пожалуй, ничего. Устал только.

— Да уж, думаю. Очень жаль, что приходится так сразу за вас браться. Вы знаете, в какой ситуации мы находимся?

— Кое-что знаю, сэр. Сэм мне рассказывал… Сэм Андерсон… — Макс не смог говорить дальше.

— Мы все очень сожалеем об Андерсоне, — рассудительно произнес мистер Вальтер. — Во многих отношениях он был одним из лучших, с кем я служил. Но вы продолжайте.

Макс пересказал то, что успел рассказать ему Сэм, однако сократил сведения о Саймсе и капитане Блейне до простого утверждения, что они мертвы.

Вальтер кивнул.

— В таком случае, вы, конечно, понимаете, чего мы от вас хотим?

— Думаю, да, сэр. Вы хотите взлететь, и поэтому вам нужно, чтобы я занимался астронавигацией, — он немного помолчал. — Думаю, что я справлюсь.

— М-м… да. Только это не все.

— Сэр?

— Вы должны быть капитаном.

Все трое без отрыва глядели на него. У Макса закружилась голова, и он на мгновение подумал, что это такое с ним происходит. Лица собеседников выросли в размерах, потом куда-то отступили. Он с трудом сообразил, что уже много часов почти не ел и почти не спал, жил на одних нервах — да, все дело, видимо, в этом. Откуда-то издалека до него донесся голос, Вальтера:

— …Крайне необходимо без малейшего промедления покинуть эту планету. В юридическом смысле наше положение сейчас совершенно очевидно. В космосе командовать кораблем имеет право только офицер-астронавигатор, вы получаете предложение возложить на себя эту ответственность в очень юном возрасте, но у нас нет, кроме вас, никого, удовлетворяющего всем требованиям, и поэтому вы просто обязаны согласиться.

Макс с трудом взял себя в руки; расплывшиеся, колеблющиеся очертания окружающих вновь сфокусировались.

— Мистер Вальтер?

— Да?

— Но я же не астронавигатор. Я только стажер на испытательном сроке.

— А Келли говорит, что вы — астронавигатор, — прорычал старший механик Компаньон.

— Да Келли сам больше астронавигатор, чем я!

— Нет! — Компаньон потряс головой. — Вы не можете судить о своих возможностях.

Сэмьюэлс кивком выразил согласие.

— Давайте покончим с этим, — добавил Вальтер. — Вопрос о том, чтобы главный вычислитель стал капитаном, даже не стоит. И ваше положение в гильдии не имеет значения. Последовательность передачи командования кораблем по необходимости ограничена одними астронавигаторами. И вы — старший в этой последовательности, каким бы вы ни чувствовали себя молодым. В настоящий момент командование кораблем лежит на мне — пока я его не передал. Но я не могу поднять корабль в пространство. И если вы откажетесь… я не знаю, что мы будем тогда делать. Я совершенно не знаю.

Макс сглотнул и сказал:

— Послушайте, сэр. Я же не отказываюсь исполнять свои обязанности. Я буду заниматься астронавигацией — какого черта, я думаю, что при сложившихся обстоятельствах меня вполне можно назвать астронавигатором. Но зачем же притворяться, что я — капитан. Я буду направ-

лять корабль, а вы командуйте. Так будет лучше всего, сэр. Я же даже не знаю, как должен себя вести капитан.

Вальтер отрицательно покачал головой.

— Это невозможно с точки зрения закона.

— Я-то лично не очень забочусь обо всех этих юридических штучках, — добавил Компаньон. — Но в то же время я понимаю, что ответственность нельзя поделить. Если говорить откровенно, молодой человек, я бы предпочел видеть на посту шкипера Вальтера — но он не знает астронавигации. Я был бы в восторге, если бы это был док Хендрикс, — но его нет. Я бы даже охотнее потащил эту ношу сам, чем возлагать ее на вас, — но я физик и того, что я знаю из математики астронавигации, вполне достаточно, чтобы понять, что всей моей жизни не хватит, чтобы достичь той скорости, которая астронавигатору просто необходима. Не тот у меня темперамент. Келли говорит, что у вас она есть. Я служил с Келли много лет, я ему доверяю. Так что, сынок, дело это как раз для тебя: ты должен взять его на себя — и пост, который к нему прилагается. Вальтер поможет — да мы все тебе поможем, — но ты просто не имеешь права уклониться и оставить его со всеми этими делами на руках.

Мистер Сэмьюэлс спокойно сказал:

— Я не могу согласиться со старшим механиком насчет маловажности легального аспекта: чаще всего все законы имеют под собой очень серьезные основания. Но со всем остальным, что он сказал, я согласен вполне. Мистер Джонс, корабль — это не только кусок железа, это еще и сложный политический организм. И нарушать его законы и обычаи — значит нарываться на большие неприятности, может, даже катастрофу. Значительно проще будет сохранять мораль и дисциплину на этом корабле при юном капитане, поддерживаемом всеми офицерами, чем дать пассажирам и команде повод заподозрить, что человеку, обязанному принимать критические решения, решения по управлению кораблем, от которых зависит его жизнь и смерть, что этому всемогущему человеку в то же время невозможно доверить командование кораблем. Нет, сэр, такая ситуация по-настоящему испугала бы меня; именно так и начинаются мятежи.

Макс чувствовал биение своего сердца, голова его разламывалась на куски от боли. Вальтер хмуро посмотрел на него и спросил:

— Ну так как?

— Я принимаю ваше предложение. — Потом он

добавил: — А что мне еще остается делать?

Вальтер встал.

— Какие будут указания, капитан?

Макс сидел не двигаясь и пытался успокоить сердцебиение. Он сжал пальцами свои пульсирующие виски, вид у него был перепуганный.

— Ну… Продолжайте работы по графику. Начните приготовление к старту корабля.

— Есть, сэр. — Вальтер помолчал, потом спросил: — Позвольте вас спросить, когда капитан намерен произвести старт?

Максу опять стоило больших трудов сконцентрировать внимание на происходящем.

— Когда? Не раньше чем завтра — завтра в полдень. Мне нужна ночь для того, чтобы выспаться. — Про себя он подумал, что вместе с Келли они могут вывести корабль на орбиту вокруг планеты, убравшись таким образом от кентавров, а затем спокойно обдумать следующий ход.

— Я думаю, что это правильно, сэр. Нам нужно время. — Компаньон встал. — Если вы позволите, сэр, я начну подготовку своего хозяйства.

К нему присоединился Сэмьюэлс.

— Ваша каюта готова, сэр. Я распоряжусь, чтобы через несколько минут туда перенесли ваши

вещи.

Макс посмотрел на него с удивлением. Он еще не успел осознать все новые обстоятельства своей теперешней должности. Жить в святая святых капитана Блейна? Спать на его койке?

— Я не думаю, что это так уж необходимо. Мне вполне удобно в моей каюте.

Сэмьюэлс бросил взгляд на первого помощника, а затем сказал:

— С вашего позволения, капитан, это как раз одно из тех обстоятельств, которые я имел в виду, говоря, что корабль — сложный политический организм.

— Э? — Макс немного подумал, а затем неожиданно почувствовал, как одновременно на него опускается тяжкая ноша и у него появляется сила, чтобы эту ношу выдержать. — Очень хорошо, — ответил он голосом, в котором появилась уверенность. — Так и сделайте.

— Да, сэр. — Сэмьюэлс взглянул на него. — Кроме того, капитан, — если, конечно, вы того желаете, — я скажу Лопесу, чтобы он зашел в вашу каюту и подровнял вам волосы.

Макс сдвинул прядь волос с уха назад.

— Да уж, я действительно оброс, не правда ли? Очень хорошо.

Казначей и старший механик вышли из каюты. Макс несколько секунд постоял в неуверенности. Что ему делать дальше в своей новой роли?

— Капитан, вы не могли бы уделить мне еще несколько минут? — спросил Вальтер.

— О, конечно.

Они сели за стол, и Вальтер снова налил кофе. Макс сказал:

— Мистер Вальтер, как вы думаете, могли бы мы позвонить и попросить, чтобы принесли бутербродов? Я не ел сегодня.

— Как же, конечно! Простите меня, сэр. — Вальтер не стал вызывать звонком посыльного, а вместо этого позвонил по телефону и заказал ленч. Затем он повернулся к Максу. — Капитан, я рассказал вам не все, да и не хотел делать это в присутствии других.

— Да?

— Только поймите меня правильно. То, что я передаю командование вам, не зависит от этих обстоятельств. Кроме того, совсем не обязательно, чтобы ваши подчиненные знали все, что знает их капитан, даже если эти подчиненные — командиры подразделений.

— Пожалуй, что так.

Вальтер смотрел на свой кофе.

— Вы знаете, каким образом умер Саймс?

Макс рассказал ему то немногое, что успел узнать у Сэма.

Вальтер кивнул.

— В основных чертах так все это и было. М-м-м… Не полагается, конечно, плохо говорить о мертвых, но Саймс был крайне неуравновешенным. Когда умер капитан Блейн, он счел само собой разумеющимся, что он сразу же становится капитаном.

— Ну, я думаю, что так оно и выглядело с его точки зрения, с точки зрения закона.

— Да ни в коем случае! Извините меня, что я вас поправляю, капитан, но это ошибочно на все сто процентов.

Макс нахмурился.

— Я, наверное, чего-то совсем не понимаю, — но мне казалось, что вы убеждали меня именно этим доводом.

— Нет, сэр, так как корабль находился на земле, командование переходило ко мне, старшему по званию. И от меня не требуется, чтобы я передавал командование астронавигатору — только тогда и в том случае, когда корабль уходит в космос. И даже в таком случае не обязательно передавать командование именно старшему по

званию офицеру-астронавигатору. Мои обязанности в данном случае определены предельно ясно — при возможности производить выбор из нескольких кандидатур. Я обязан передать командование только тому офицеру, относительно которого имею уверенность, что он справится со своими обязанностями. Так вот, у меня уже давно были сомнения относительно мистера Саймса, я имею в виду его характер. Однако в данной ситуации мне было бы крайне трудно не передать ему командование, как только началась бы предстартовая подготовка. Но вышло так, что еще до того, как мы лишились капитана, мне представился случай познакомиться со способностями мистера Саймса по части астронавигации — отчасти из-за того разговора с вами. Я поговорил с Келли — как вы совершенно верно поняли, у Келли очень хорошая репутация. Думаю, теперь я понимаю, каким образом получилось, что последний переход был неудачным, — Келли не пожалел сил на объяснения. Так вот, этот факт и то, что, как совершенно прямо сказал мне Келли, ни один из членов вашей команды из Ямы не желал бы отправляться в космос под началом мистера Саймса, привело меня к решению, что, если уж дойдет до этого, я скорее навсегда остав-

лю корабль на планете, чем позволю Саймсу стать капитаном. Все это, конечно, было предварительными размышлениями: капитан был болен, и предусмотрительность заставляла меня рассматривать различные варианты.

А потом капитан умер — и Саймс объявил себя капитаном. Этот идиот даже перебрался в капитанскую каюту и послал за мной. Я сказал, что он не командует этим кораблем и никогда не будет им командовать. Затем я ушел, запасся свидетелями и прихватил с собой главу нашей полиции, чтобы выкинуть его из каюты. А что произошло потом, вы уже знаете. Не только вы обязаны жизнью Андерсону, и я тоже.

Вальтер резко переменил тему разговора.

— А вот про этот потрясающий трюк, который вы проделываете, — вычисление без таблиц и справочников. Вы всегда можете это делать?

— Что? Конечно, да.

— И вы помните все эти таблицы? Или только некоторые из них?

— Я помню все стандартные таблицы и справочники, то, что астронавигаторы называют своими «орудиями труда». — Макс начал было рассказывать о своем дяде, но Вальтер мягко его остановил.

— Если позволите, сэр, я рад это услышать. Я очень рад это услышать. Так как единственные такие книги, имеющиеся на этом корабле, это те, которые находятся у вас в голове.

Пропажу, естественно, обнаружил не Вальтер, а Келли. Когда он поделился своими подозрениями с Вальтером, они устроили обыск. Когда это не дало результатов, было объявлено, что один (правда, он всего один и был) комплект книг пропал. Вальтер предложил вознаграждение, корабль прочесали от кормы до астрокупола — книг не было.

— Я думаю, он спрятал их где-то снаружи, — закончил свой рассказ Вальтер. — Вы понимаете, в какое положение это ставит нас — мы же находимся в осаде. И даже если бы не это, найти их можно было бы только случайно. Так что я очень рад, что вы так же уверены в своей памяти, как в ней уверен Келли.

У Макса начали появляться сомнения — одно дело проделывать что-нибудь как трюк, для своего удовольствия, совсем иное — делать это по необходимости.

— Все не так плохо, — ответил он. — Возможно, Келли не подумал об этом, но таблицы логарифмов и двоичных переводов, вероятно, найдутся

у механиков, а с ними мы сумеем справиться с любым обычным маршрутом. Остальное нужно в основном для аномальных переходов.

— Келли тоже об этом подумал. Скажите мне, капитан, каким образом возвращается назад корабль после того, как он проникнет в новооткрытую конгруэнтность?

— Что? Так что́ вы хотите, чтобы я сделал с этим кораблем?

— Я не имею права, — официальным голосом сказал Вальтер, — говорить капитану, куда он должен вести свой корабль.

— Я тоже думал об этом, — медленно произнес Макс. — Последние дни у меня была уйма времени для размышлений. — Он не стал уточнять, что думал об этом в плену ночами, чтобы уберечь свой рассудок. — Конечно же, у нас нет тех приборов, которые несет исследовательский корабль, да и прикладная астронавигация не занимается слишком подробно методами вычисления конгруэнтности. И не все исследовательские корабли возвращаются.

— Но…

Тут их прервал стук в дверь. В каюту вошел человек из команды эконома и уставил стол едой. Макс почувствовал острое чувство голода.

Намазав ломтик тоста маслом и джемом, он отхватил от него большой кусок.

— Господи, да как же хорошо!

— Мне надо было самому догадаться. Не хотите банан, сэр? Внешне они выглядят вполне прилично. Кажется, гидропоникам пришлось недавно их прореживать.

Макса передернуло.

— Не думаю, чтобы я когда-нибудь смог опять есть бананы. И папайю.

— Аллергия, капитан?

— Не то чтобы… Ну, в общем, да. — Покончив с тостом, он сказал: — Так насчет того варианта, с конгруэнтностью. Я уведомлю вас позже.

— Хорошо, капитан.

Незадолго до обеда Макс стоял в капитанской спальне перед высоким зеркалом и рассматривал свое отражение. Волосы его снова были коротко подстрижены, а двухчасовой сон немного снял усталость с лица. Он аккуратно надел форменную фуражку под необходимым углом. Внутри фуражки, которую Макс обнаружил в каюте вместе с одной из своих собственных форм, было написано «Хендрикс». На форму чья-то рука нашила капитанские знаки различия. Макс уже смирился с тем, что он — капитан, хотя это

и казалось каким-то диким сном, но все равно большое изображение солнца на груди беспокоило его. Он чувствовал, что, несмотря на четыре капитанских шеврона, не имеет права ни на что большее, чем маленькое солнышко, обведенное окружностью.

Однако Вальтер и Сэмьюэлс, при всей почтительности, были тверды в этом вопросе. Сэмьюэлс цитировал какие-то прецеденты, проверить которые Макс не мог. Он сдался.

Еще раз посмотрев на себя в зеркало, он расправил плечи и вздохнул. Ну что же, надо идти, никуда не денешься. Спускаясь по трапу, он услыхал, как корабельные динамики несколько раз повторили:

— Всем членам команды! Всем пассажирам! Всем собраться в гостиную палубы Б.

Толпа молча расступалась перед Максом. Он подошел к столу капитана — к своему столу — и сел во главе его. Вальтер стоял рядом с его стулом.

— Добрый вечер, капитан.

— Добрый вечер, мистер Вальтер.

Элдрет сидела напротив. Она поймала его взгляд и улыбнулась.

— Привет, Элли. — Он ощутил, что краснеет.

— Добрый вечер, капитан, — твердым голосом

сказала Элли. Одета она была в таком же великосветском стиле, как и в первый раз, когда Макс увидел ее в гостиной. Казалось совершенно невероятным, что эта леди — та самая девчонка, чье грязное личико смотрело на него поверх нацарапанных на земле шахматных досок.

— А как ваши ноги?

— Сплошные бинты и домашние шлепанцы. Врач очень хорошо над ними поработал. Я прямо завтра буду уже танцевать.

— Вы лучше так не торопитесь.

Она бросила взгляд на его шевроны и солнце на груди.

— И это вы мне говорите.

Не успел Макс ответить — а ответить было нечего, — как Вальтер наклонился к его плечу и тихо сказал:

— Мы готовы, капитан.

— О! Давайте.

Вальтер постучал по стакану.

Первый помощник обрисовал положение в спокойных тонах, от чего оно представилось разумным, неизбежным. Закончил он, сказав:

— И таким образом, в соответствии с законами и обычаями космоса, я передал свое временное командование вашему новому капитану. Капи-

тан Джонс!

Макс поднялся. Он огляделся, сглотнул, попытался заговорить и не смог. Затем так, словно это была намеренная драматическая пауза, а не просто жест отчаяния, он взял свой стакан и сделал глоток.

— Уважаемые гости и члены команды, — начал он, — мы не можем здесь оставаться. Все вы это знаете. Мне сказали, что врач назвал систему, противостоящую нам на этой планете, «симбиотическим рабством» — это отношения, похожие на отношения человека с собакой, только в большем масштабе, и покрывают собой они, видимо, весь животный мир этой планеты. Но человек не создан для рабства — симбиотического или любого другого. В то же время нас слишком мало, чтобы одержать сейчас победу, поэтому мы должны уйти.

Он сделал паузу, чтобы отпить еще глоток; в это время Элли ободряюще поймала его взгляд.

— Возможно, когда-нибудь сюда вернутся другие — подготовленные лучше нас. Ну а что касается нас, я собираюсь попытаться провести «Асгард» назад через… ну, «дырку», вы можете называть это так, через которую мы попали сюда. Это рискованное дело. Мы не заставляем ни

одного из вас принимать в этом участие, однако учтите, что это — единственный доступный нам путь домой. Любой, кто испугается этого риска, будет высажен на северном полюсе третьей планеты — вечерней звезды, которой мы дали имя «Афродита». Возможно, вы сумеете там выжить, хотя даже на полюсах этой планеты очень жарко. Если вы предпочитаете такой вариант, сообщите свои фамилии казначею сегодня вечером. Все остальные попытаются попасть домой. — Он замолк, затем неожиданно сказал: — Это все, — и сел.

Аплодисментов не последовало, и он пришел в мрачное настроение, считая, что скомкал свое первое появление перед населением корабля. Обедавшие понемногу начали переговариваться, члены команды покинули зал, официанты стали быстро подавать блюда. Элли посмотрела на него и чуть-чуть одобрительно кивнула. Миссис Мендоса сидела слева от него.

— Мак… то есть, я хотела сказать «капитан», — это и вправду так опасно? — спросила она. — Мне как-то совсем не нравится мысль о том, чтобы сделать нечто рискованное. Неужели мы больше ничего не можем придумать?

— Нет.

— Но ведь должен же быть какой-нибудь еще выход?

— Нет. И я бы предпочел не обсуждать этот вопрос за столом.

— Но… — Макс твердо продолжал черпать ложкой суп, стараясь, чтобы руки не дрожали. Когда он поднял голову от тарелки, его глаза встретились с поблескивающими глазами сидевшей напротив женщины, миссис Монтефьоре, которая предпочитала, чтобы ее на французский манер называли «Принципесса» — титул, сомнительный до крайности.

— Долорес, отстаньте вы от него с такой ерундой. Мы все хотим послушать про его приключения — ведь правда, капитан?

— Нет.

— Не ломайтесь, пожалуйста. Мне говорили, что все это было ужасно романтично. — Она растянула последнее слово и искоса, исподтишка, бросила взгляд на Элли. Потом она снова поглядела на Макса глазами хищной птицы и оскалила в улыбке зубы. Казалось, что зубов у нее больше, чем полагается. — Расскажите нам все-все про это.

— Нет.

— Но вы же просто не имеете права отказать

даме.

Элдрет одарила ее лучезарной улыбкой и промурлыкала:

— Принцесса, милочка, вы слишком широко открываете рот.

Миссис Монтефьоре прикусила язык.

После ужина Макс поймал Вальтера один на один.

— Мистер Вальтер?

— Да, капитан?

— Я не ошибаюсь, считая, что одной из моих привилегий является право выбирать лиц, которые сидят за моим столом?

— Именно так, сэр.

— В таком случае — эта особь женского пола, Монтефьоре… Не могли бы вы сказать, чтобы ее пересадили? И уже к завтраку.

Вальтер слегка улыбнулся.

— Есть, сэр.

Глава 21
КАПИТАН «АСГАРДА»

Сэма отнесли наружу и похоронили на том самом месте, где он погиб. Макс ограничил число участников похорон собой, Вальтером и Джордана, передав Элли, чтобы та не приходила. Имелся и почетный караул, вооруженный боевым оружием. Он лежал кольцом вокруг могилы, не спуская глаз с холмов. Макс прочел заупокойную службу почти неслышным голосом — громче он просто не мог.

Механики срочно изготовили надгробный памятник — заостренный сверху прямоугольный столбик из нержавеющего металла. Макс смотрел на столбик, лежавший рядом с могилой, и вспоминал, как он выбирал эпитафию. «Никто иной так сильно не любил?» Нет, решил он, Сэму с его циничным презрением к любой сентиментальности это не понравилось бы. Он думал о надписи. «Он играл теми картами, которые ему сдали» — но и это не подходило Сэму; если Сэму не нравились карты, он мог иногда подменить и всю колоду. Нет, вот это было больше в духе

Сэма. Макс воткнул столбик в землю и прочитал написанное на нем:

В ПАМЯТЬ

сержанта Сэма Андерсона

из Имперской морской пехоты

«Он съел все, что подали на стол»

Вальтер видел памятник впервые.

— Так вот, значит, какие дела? В общем-то я и сам о чем-то таком догадывался.

— Да. Я так и не знаю настоящую его фамилию. Ричардс. А может — Робертс?

— О! — Вальтер немного обдумал, что из этого следует. — Мы можем восстановить его в звании, сэр, посмертно. Его можно будет установить по отпечаткам.

— Думаю, Сэм был бы доволен.

— Я займусь этим, сэр, когда мы вернемся домой.

— Если мы вернемся.

— Если вы не возражаете, капитан, то лучше — когда мы вернемся.

После похорон Макс направился прямо на пост управления. Он был здесь накануне вечером и оправился уже кое-как от шока, полученного им,

когда в Хитрой яме к нему тоже стали относиться как к капитану. На этот раз, когда Келли встретил его словами: «Доброе утро, капитан», — он сумел воспринять это почти непринужденно.

— Доброе утро, шеф. Доброе утро, Ланди.

— Кофе, сэр?

— Спасибо. Так с выходом на орбиту — все уже готово?

— Еще нет, сэр.

— Тогда и забудьте про нее. Я решил двигаться прямо назад. Спланировать все успеем на ходу. Эти пленки у вас?

— Я взял их оттуда перед вахтой. — Они говорили о пленках, спрятанных в каюте Макса. Саймс сумел избавиться от первого комплекта сразу после смерти капитана Блейна; запасной комплект был единственным источником информации о том, когда и где «Асгард» прорвался в это пространство, там же находились записи всех стандартных наблюдений, произведенных сразу после скачка.

— О'кей. Тогда за работу. Кнопки нажимать может Ковак.

Остальные уже понемногу подходили, хотя оставалось еще порядочно времени до начала вахты. Так было принято в команде Келли.

— Если вы не возражаете, сэр, я охотно посидел бы за компьютером вместо капитана.

— Ковак с этим справится. А вы можете помочь Ногучи и Ланди с этими пленками.

— Есть, сэр.

Через некоторое время к Максу стали поступать данные. Прошлой ночью он дважды просыпался в холодном поту от страха, что утратил свою уникальную память. Однако когда пошли данные, он программировал без малейших усилий, нужные страницы сами открывались перед его внутренним зрением. В основных чертах программа полета состояла из короткого отхода от планеты, чтобы избавиться от ее влияния, изменения положения корабля, чтобы местное солнце оказалось «сзади» и было проще учитывать его поле, а затем прямого ускоренного полета в тот район, где они прорвались в это пространство. Все это не обязательно должно было выполняться точно, произвести скачок с первого подхода не планировалось; необходимо было сперва исследовать нужную область пространства, произвести много фотографических наблюдений и обработать результаты. В этом месте разведка никогда не проводилась, придется провести ее самостоятельно.

Старт был просчитан, результаты расчета записаны на ленту автопилота, а лента была поставлена на пульт управления задолго до полудня. Корабль придерживался местного времени, в результате час содержал около пятидесяти пяти стандартных минут. Теперь корабль вернется к Гринвичскому времени, временем всегда распоряжался центр управления. Обед будет попозднее, кое-кто из пассажиров, как обычно, переставит свои часы не в ту сторону и будет, как обычно, винить в этом правительство.

Они синхронизировались с двигательщиками, пленка в автопилоте закрутилась, дел больше не осталось — только нажать кнопку за несколько секунд до установленного времени и тем самым разрешить автопилоту поднять корабль. Зазвенел телефон, Смит взял трубку и повернулся к Максу.

— Это вас, капитан.

— Капитан, — голос говорившего звучал озадаченно. — Мне очень не хотелось отвлекать вас на посту управления.

— Ничего. А в чем дело?

— Это миссис Монтефьоре. Она хочет, чтобы ее высадили на Афродите.

Макс секунду подумал.

— Кто-нибудь еще передумал?

— Нет, сэр.

— Им же всем было сказано, чтобы они сообщили свои фамилии вчера вечером.

— Я указал ей на это, сэр. Ее ответы нельзя назвать вполне логичными.

— Мне бы доставило ни с чем не сравнимое удовольствие скинуть эту особу за борт. Но, как ни говори, мы все-таки за нее отвечаем. Скажите ей «нет».

— Есть, сэр. Позволительно будет мне иметь некоторую свободу в том, каким образом я скажу ей это?

— Конечно. Только держите ее от меня подальше. — Макс положил трубку и обнаружил, что рядом стоит Келли.

— Уже скоро, сэр. Может быть, вы сядете за пульт и все сами проверите? До того, как поднимете корабль?

— Э? Да нет, поднимайте вы, шеф. Первая вахта ваша.

— Есть, капитан. — Келли сел за пульт. Макс занял капитанское кресло, чувствуя себя несколько неловко. Жаль, что он не научился курить трубку, так бы все было на месте: капитан сидит в стороне, спокойный, с трубкой в зубах, а тем

временем корабль маневрирует.

Он ощутил легкую пульсацию, и его вдавило в кресло чуть сильнее: «Асгард» снова был в собственном поле искусственного тяготения, не зависимом от внешних факторов. Через несколько секунд корабль поднялся; заметно это было только по тому, что голубое небо за куполом сменилось усыпанной звездами тьмой Космоса.

Макс встал, заметил, что все еще держит в руке воображаемую трубку, и поспешно ее бросил.

— Пойду вниз, шеф. Позовите меня, когда первые результаты наблюдений будут готовы для расчетов. Кстати, по какому расписанию будут вахты?

Келли закрыл пульт, встал и подошел к нему.

— Знаете, капитан, я планировал, что мы с Коваком будем через раз, а остальные ребята будут стоять одну из трех, сдвоим позднее.

Макс отрицательно покачал головой.

— Нет. Вы, я и Ковак. И останемся на одной из трех как можно дольше. Сейчас никто не может сказать, как долго мы там провозимся, пока решим сделать попытку.

Келли понизил голос.

— Капитан, можно я скажу, что я думаю?

— Келли, как только вы перестанете быть со

мной откровенным, я потеряю какие-либо шансы довести это дело до конца. Вы же сами это знаете.

— Благодарю вас, сэр. Но капитан не должен себя выматывать. Так получилось, что Вам придется производить все вычисления. — Потом Келли добавил тише: — Безопасность корабля важнее вашей… Ну, подходящим словом будет, пожалуй, гордости.

Ответил Макс далеко не сразу. Он на собственном опыте, без посторонней помощи и предварительного обучения знал, что командиру непозволительны обычные, простительные человеку в любой другой должности, слабости. Власть, врученная ему, управляет им самим значительно сильнее, чем кем-либо другим. Привилегии капитана — вроде права убрать из-за своего стола надоедливую бабу — были малозначительны, в то время как трудности этой нечеловеческой работы множились самым неожиданным образом.

— Шеф, — медленно произнес он, — как вы думаете, хватит места за компьютером, чтобы перенести туда все это кофейное хозяйство?

Келли прикинул на глаз размеры свободного места.

— Да, сэр. А зачем?

— Я подумал, что тогда здесь хватит места поставить койку.

— Вы собираетесь спать здесь, сэр?

— Иногда. Но я думал вообще обо всех нас — ведь вы проводите здесь половину своего времени. Ближайшие несколько недель совсем не обязательно, чтобы старший по вахте большую часть времени бодрствовал — так все мы сможем немного дремать, когда представится такая возможность. Что вы об этом думаете?

— Это противоречит инструкциям, сэр. Плохой прецедент… и плохой пример. — Он бросил взгляд на Ногучи и Смита.

— Вы запишете это соответствующим официальным образом, цитируя пункт инструкции и временно отменяя его по случаю чрезвычайных обстоятельств и из соображений безопасности корабля. А я подпишу.

— Если вы так хотите, сэр.

— В вашем голосе что-то не слышно уверенности, так что возможно, я и не прав. Подумайте, а потом скажете мне.

Койка появилась, и приказ был записан в журнал, однако Макс не видел, чтобы Келли или Ковак хоть раз легли на нее. А что касается его самого, не пользуйся он этой койкой, спать ему

пришлось бы совсем мало.

Ел Макс обычно тоже на посту управления. По пути на свидание с ничто делать было, собственно, почти нечего, только время от времени проводить наблюдения для того, чтобы выяснить, где расположено это ничто в окружающем небе. Однако Макс быстро заметил, что, когда он не вычисляет, он беспокоится или делится своими беспокойствами с Келли.

Каким образом разведывательные корабли находят путь назад через впервые обследуемые конгруэнтности? И что происходит с теми из них, которые не возвращаются? Возможно, доктор Хендрикс сумел бы найти оборотную сторону не нанесенной на карты конгруэнтности при помощи стандартных приборов корабля — а может быть и нет. Макс решил, что доктор Хендрикс сумел бы; покойный был фанатиком своей профессии и обладал обширнейшими познаниями в области теоретической физики, на которой основываются рутинные числовые расчеты, — познаниями, Макс был уверен, значительно более широкими, чем у большинства астронавигаторов.

Макс знал, что разведывательные корабли обсчитывают конгруэнтности с обеих сторон,

используя теорию гравитационного поля и данные, полученные на первоначально неизвестной стороне. Он предпринял попытки провести грубые прикидки подобных вычислений, но потом бросил это занятие. У него не было ни малейшей уверенности в получаемых результатах — он был уверен в том, что правильно производит сами математические операции, но крайне сомневался в теоретических предпосылках и остро ощущал сомнительность закладываемых в расчет исходных данных. Было просто невозможно точно измерить массы звезд, отстоящих на целые световые годы, при помощи оборудования, имевшегося на «Асгарде».

Похоже было, что, когда Макс бросил свои попытки, Келли почувствовал облегчение. Теперь они вдвоем посвятили все свое время стараниям проложить «колею» к тому не обозначенному на картах участку неба, в котором они — согласно сделанным в прошлый раз фотоснимкам — прорвались в это пространство, с целью в конце концов скользнуть по этой колее, появиться в нужном месте со скоростью только чуть меньше световой, затем дать кораблю толчок и надеяться на хороший исход.

Аналогичный маневр на поверхности планеты

был бы простым делом, но ситуация в космосе не имеет себе аналогов на поверхности. «Неподвижные» звезды двигаются с большими скоростями, а других ориентиров в космосе нет; для того чтобы решить, какой участок безликого пространства является тем самым, в котором ты был в прошлый раз, нужно численно решать уйму уравнений, не имеющих изящного теоретического решения. По каждой нанесенной на карту конгруэнтности астронавигатор получает таблицу заранее вычисленных решений — «Критические таблицы обследованных аномалий». Максу с Келли предстояло составить такую таблицу самим.

Макс проводил так много времени на посту управления, что в конце концов первый помощник осторожно сказал ему, что настроение пассажиров, вероятно, заметно улучшится, если он найдет время иногда показываться в гостиной. Вальтер не добавил к своим словам, что Макс обязан улыбаться и излучать спокойную уверенность, это ясно подразумевалось. С этого времени Макс при каждой возможности обедал с офицерами и пассажирами.

Само собой, Макс очень нечасто видел Элдрет. Когда он встретил ее во время первого обеда после ненавязчивого совета Вальтера, она выглядела

дружелюбно, но несколько отстраненно. Макс решил про себя, что Элли проявляет уважение к нему, что заставило его серьезно задуматься, не заболела ли она. Он припомнил, что первоначально ее принесли на корабль на носилках; возможно, она совсем не такая крепкая, какой хотела бы казаться. Он решил разузнать об этом у врача, но не напрямую, конечно же!

За кофе шла пустая болтовня, и Макс начинал уже ерзать от желания вернуться поскорее в Хитрую яму. Нет, нельзя, ведь Вальтер настоятельно просил не проявлять торопливости и озабоченности. Он огляделся по сторонам и провозгласил.

— Что-то это место стало сильно смахивать на морг. Неужели теперь больше никто не танцует? Дюмон!

— Да, капитан!

— Организуйте танцевальную музыку. Миссис Мендоса, вы окажете мне честь?

Миссис Мендоса слегка хихикнула и приняла его приглашение. Выяснилось, что она — полный позор Аргентины, ни малейшего чувства ритма. Однако Макс умудрился провести ее вокруг зала ценой всего нескольких небольших столкновений с окружающими и доставить на исходную точку как раз к концу танца, что дало ему воз-

можность вполне вежливо с ней раскланяться. Затем он воспользовался привилегией своего положения для того, чтобы разбить чету Дайглеров. Прическа Мэгги все еще была короткой, однако во всех остальных отношениях она вернула свое великолепие.

— Капитан, мы без вас скучаем.

— Я работал. Вы же знаете, как не хватает людей.

— Наверное, так оно и есть. Э… Капитан, ведь осталось уже совсем недолго?

— До того, когда мы будем совершать скачок? Недолго. Потребовалось так много времени потому, что нам пришлось проделать жуткое количество дурацких вычислений — понимаете, для пущей осторожности.

— А мы действительно попадем домой?

Макс одарил ее тем, что, как он надеялся, было уверенной улыбкой.

— Абсолютно. Не беритесь ни за какую толстую книгу из корабельной библиотеки, казначей не даст вам взять ее на поверхность.

Она вздохнула.

— Ну, вы меня успокоили.

Макс поблагодарил ее за вальс, оглянулся по сторонам, заметил миссис Монтефьоре и решил,

что его обязанности по поддержанию корабельной морали не простираются так далеко. Элдрет сидела, и он подошел к ней.

— Ноги еще беспокоят вас, Элдрет?

— Нет, капитан. Спасибо за внимание.

— Может быть, вы тогда потанцуете со мной?

Она изумленно распахнула глаза.

— Вы хотите сказать, что у капитана может найтись время для такой маленькой бедной девочки, как я?

Он наклонился к ней поближе:

— Еще одна такая шуточка, замарашка ты несчастная, и тебя закуют в кандалы.

Она хихикнула, наморщив нос.

— Есть, капитан!

Некоторое время они танцевали молча. Максу немного ударила в голову ее близость, и он не понимал, почему не пригласил ее раньше. В конце концов Элли сказала:

— Макс? Ты совсем бросил 3-шахматы?

— Как? Еще чего. После того как мы сделаем этот скачок, у меня будет время для игры — если, конечно, ты дашь мне два корабля форы.

— Мне очень жаль, что я тогда проболталась. Но я очень хочу, чтобы ты иногда навещал Чипси. Вот сегодня утром она спрашивала: «Где Макси?»

— О, я и вправду очень виноват. Я бы брал ее иногда с собой на контрольный пост, но только она может нажать какую-нибудь кнопку и погубить нам месячную работу. Пойди, принеси ее.

— Она будет нервничать в такой толпе. Пошли лучше мы к ней.

Он покачал головой.

— Только не в твою каюту.

— Что? Не говори глупостей. У меня и так не осталось никакой репутации, а капитан может делать все, что ему заблагорассудится.

— Ты просто не была капитаном. Видишь, как та стервятница наблюдает за нами? — Он глазами указал на миссис Монтефьоре. — А теперь иди, принеси Чипси, и чтобы больше не спорить.

— Есть, капитан.

Макс почесал Чипси подбородок, дал ей несколько кусочков сахара и уверил ее, что она — самый очаровательный паукообразный щенок в этом участке Галактики. Затем он распрощался.

Макс ощущал возбуждение и какую-то неожиданную уверенность в себе. Увидев, как мистер Вальтер входит в свою каюту, он чуть задержатся на трапе, а потом, повинуясь мгновенному импульсу, последовал за ним. Вопрос беспокоил его все время, и этот случай был не хуже любого

другого.

— Вальтер, вы не заняты?

Первый помощник обернулся.

— О нет, капитан. Заходите, пожалуйста.

Макс не говорил о своем деле, пока они пили традиционный кофе. Затем он сказал:

— У меня тут есть один вопрос, мистер Вальтер, — совершенно личный.

— Что-нибудь такое, в чем я могу вам помочь?

— Не думаю. Но у вас во много раз больше опыта, чем у меня, и я хотел бы посоветоваться с вами.

— Если капитан так желает.

— Слушайте, Вальтер, это дело Макса, а никак не капитана.

Вальтер улыбнулся.

— Хорошо. Только не просите меня, чтобы я менял форму обращения к вам. Может образоваться плохая привычка.

— О'кей, о'кей. — Макс хотел прощупать Вальтера относительно истории с липовой трудовой книжкой: доложил доктор Хендрикс об этом? Или нет?

Однако теперь он понял, что не может следовать такой линии: он был капитаном, и это все меняло.

— Я хочу рассказать вам, каким образом я попал на этот корабль. — Он рассказал все, больше не скрывая роли Сэма. Сэму теперь ничто не повредит. Вальтер очень серьезно слушал его рассказ.

— Я ждал, когда вы заговорите об этом, капитан, — сказал он, когда Макс закончил. — Доктор Хендрикс доложил мне все это, правда не так подробно, когда выдвинул вас в стажеры-астронавигаторы. Все мы согласились, что внутри корабля нет необходимости поднимать этот вопрос.

— Меня беспокоит, что случится, когда мы вернемся. Если мы вернемся.

— Когда мы вернемся. Так чего вы хотите? Совета? Помощи? Или чего?

— Я не знаю. Я просто хотел рассказать вам.

— М-м-м… тут есть такие альтернативы. В одном случае мы можем разобраться с этим вопросом здесь, на корабле, несколько изменив не слишком важный документ. В этом случае…

— Нет, Вальтер. Я не хочу, чтобы с «Асгарда» подавались липовые отчеты.

— Я был почти уверен, что вы так скажете. Я того же мнения, хотя, с другой стороны, я чувствовал, что по… ну, скажем, по различным причинам — обязан покрывать вас, если вы об

этом попросите.

— Когда-то я собирался организовать такую подделку. Мне даже казалось, что это оправданно. Но теперь я не могу этого сделать.

— Понимаю. Следующая альтернатива состоит в том, чтобы доложить обо всем и ждать, что последует. В этом случае я до конца буду стоять рядом с вами. Я уверен, что старший механик и казначей поступят также.

Макса переполняло счастье и теплое умиротворение.

— Спасибо, Вальтер. Мне все равно, что там со мной сделают… Лишь бы только не отлучили меня от космоса.

— Не думаю, что дело повернется подобным образом, особенно после того, как вы приведете корабль домой. Но если уж они решатся на такое — эту драку они хорошо запомнят. Ну а пока не думайте об этом.

— Попытаюсь. — Макс нахмурился. — Вальтер! Скажите мне честно, что вы сами думаете про то, что я сделал?

— Трудный вопрос, капитан. Важнее другое — как к этому относитесь вы.

— Я? Не знаю. Я хорошо знаю, как я относился к этому раньше. Я был очень воинствен.

— Э?

— Я постоянно занимался объяснениями — про себя, конечно, — почему я так поступил. Я оправдывал себя, доказывал, что виноват не я, а вся система. А теперь я не хочу больше оправдываться. Не то чтобы я жалел о том, что сделал, — особенно когда подумаешь, чего бы я иначе лишился. Но в то же самое время я не хочу уклоняться от расплаты за содеянное.

Вальтер кивнул.

— Это правильный подход. Капитан, не бывает идеальных законов. Каждый обязан подходить к ним на основе собственного суждения и здравого смысла, а не слепого подчинения. Я тоже нарушал правила, кое за что я поплатился, кое за что — нет. Этот ваш поступок мог превратить вас в педантичного морализирующего придурка, обреченного идти всегда по прямой, не видя ничего вокруг, следя за тем, чтобы все окружающие четко следовали букве закона. Или, наоборот, вы могли превратиться в вечного ребенка, считающего, что законы писаны для всех, кроме вас. Похоже, что ни того ни другого не произошло; я думаю, что эта история добавила вам зрелости.

Макс ухмыльнулся.

— Ну что ж, спасибо, первый. — Он поднял-

ся. — Вернусь-ка я в Яму и поиграюсь немного с числами.

— Капитан? А вы достаточно высыпаетесь?

— Я? Конечно, я же ложусь на часок почти во время каждой вахты.

— Минус четыре часа, капитан.

Макс, протирая глаза и пытаясь стряхнуть с себя сон, сел на койке, стоявшей на посту управления. «Асгард» был в колее, шел по ней с максимальным ускорением уже несколько дней, готовясь к последнему рывку, который выбросит их из этого пространства в другое — в то, которое они знали, или какое-либо другое, в зависимости от того, насколько соответствовали их вычисления истинной структуре Вселенной.

Макс, моргая, поглядел на Келли.

— Сколько времени вы уже здесь?

— Не очень долго, капитан.

— Да вы вообще хоть сколько-нибудь спали?

— Ну, если так говорить, капитан…

— Ладно, вас не исправишь. Есть готовое?

— Да, сэр.

— Читайте.

Они зачитывали ему данные, а Макс, сидя с закрытыми глазами на койке, программировал задачу и переводил ее в двоичные числа,

понятные машине. В течение многих дней он не отлучался из Ямы больше чем на несколько минут. Он дремал между наблюдениями, просыпался, обрабатывал результаты и снова ложился.

Он держал Келли и Ковака на попеременных вахтах, сколько было возможно, хотя было очень трудно заставить Келли отдохнуть. Ланди, Смит и Ногучи продолжали работать по очереди, задерживаясь и работая вдвоем, когда дел было больше, чтобы помогать друг другу в наблюдениях. Макса заменить было некем, он должен был обрабатывать каждое наблюдение, выдавая из своей феноменальной памяти информацию, содержавшуюся в пропавших таблицах.

Сейчас на месте были все, кроме Ланди. Он вернулся как раз в тот момент, когда Макс закончил счет задачи и передал приказание о коррекции курса.

— Наилучшие пожелания от кока, — объявил он, ставя на стол галлон мороженого.

— Какое? — спросил Макс.

— С крупнотертым шоколадом, сэр.

— Самое любимое. Не забывай, когда будешь его раскладывать, что на днях я буду выставлять оценки эффективности работы.

— Капитан, это же нечестно. Шефу приходится

кормить значительно большую массу, чем вам.

— А у меня очень высокая скорость обмена веществ, — объявил Ногучи. — Поэтому мне надо больше.

— Ногги, у тебя, наверное, в каждой ноге по пространственной свертке. Мы поручили Келли раскладывать в надежде на то, что гордость удержит его от неверных поступков. — Макс повернулся к Келли. — Как там с графиком?

— Двадцать минут, капитан.

— Думаете, надо так часто?

— Так будет вернее, сэр.

— О'кей.

Они провели еще одно наблюдение и съели мороженое, после чего Макс перешел к уточнению точки перехода. Келли не сел за компьютер. Кнопки, нажимаемые Коваком, давали тот же ответ, как и нажимаемые Келли, а Максу нужен был Келли за верньерным стереографом, где его большой опыт позволял извлекать максимум из скудных данных. Ланди помогал Келли, в то время как Смит и Ногучи занимались съемкой и обработкой пластинок.

В минус два часа Макс позвонил Компаньону и сказал ему, что они уже почти на точном курсе. Старший механик заверил его, что с этого момен-

та он лично будет нежно заботиться о величине и направлении ускорения.

— Ни пуха ни пера, капитан!

При десятиминутном графике наблюдений Макс не испытывал еще никаких трудностей, хотя должен был признаться, что свежим как огурчик назвать его трудно. Однако все было хорошо, он был при деле, коррекции были приятно малы — Компаньон, видимо, серьезно работал там, у себя внизу. Когда таймер на компьютере показал, что осталось меньше часа, он встал и потянулся.

— Все по местам. Кто-нибудь, разбудите Ногги. Все заглотили стимулятор? А у кого есть для меня?

Келли повернулся и протянул ему таблетку. Макс кинул ее в рот и запил глотком кофе.

— Если хотите, жуйте последний бутерброд. Ну, ребята, давай.

Данные потекли непрерывным потоком. Через некоторое время Макс начал уставать. Он едва успевал прочитать по огонькам компьютера коррекцию и передать ее на двигатели, как Келли выдавал новые числа. Появилась коррекция, которая казалась лежащей вне кривой, как если бы они рыскали по курсу. Он еще раз бросил взгляд

на лампочки компьютера, прежде чем ввести ее, — и только тут понял, что ему продиктовали новый набор данных.

— Повтори! — попросил он.

Келли повторил. Макс прогнал числа через свой мозг и обнаружил, что они для него ровно ничего не значат. Интересно, откуда взялась эта последняя коррекция? Законны ли были методы, использованные им при исследовании аномалии? Да и можно ли вообще назвать это исследованием? Действительно ли именно так делает разведывательный корабль, чтобы вернуться? Как они могли надеяться, что человек…

— Капитан! — резко сказал Келли.

Макс помотал головой и сел.

— Простите. Давай следующую.

С паническим чувством он просмотрел в уме числа и попытался программировать. Он понял, наконец, что это такое — потерять уверенность в себе тогда, когда критический момент приближается со скоростью света.

Он сказал себе, что должен оставить эту попытку, проскочить мимо заданной точки на скорости меньше световой, потратить недели на разворот и попробовать снова. Но он понимал, что, если он так сделает, нервы его не выдержат второй

попытки.

И в этот тяжелый момент к нему пришло ощущение, что кто-то стоит за его спиной, положив руки ему на плечи. Стоит, успокаивает, утешает его. И он начал диктовать числа Коваку, ясно и четко.

Через двадцать минут Макс все еще продолжал диктовать их с безупречной точностью автомата. Он принял еще один набор данных, обработал его и передал Коваку, не сводя глаз с таймера. Он ввел коррекцию, совсем крошечную, и скомандовал:

— Внимание!

Джонс нажал кнопку, позволявшую хронометру произвести последний толчок в нужный, с точностью до микросекунды, момент. И только тогда он оглянулся, но за спиной его было пусто.

— Вон там Джип, — услышал он восторженный голос Келли. — А вон там — Гадкий Утенок.

Их опять окружало небо Ню Пегаса и Алкионы.

Пятью минутами позднее Келли с Максом пили холодный кофе и подчищали остатки из тарелки с бутербродами. Тем временем Ногучи и Смит проводили стандартные послепереходные наблюдения, а Ковак с Ланди, которым надо было стоять следующую вахту, спустились вниз немного отдохнуть. Макс снова взглянул на купол.

— Так что, получается, мы сумели? Вот уж никак не думал.

— Вы это серьезно, капитан? Лично у меня с того момента, как вы приняли командование, не было никаких сомнений.

— Слава Богу, что вы не знали, как я себя чувствовал.

Келли пропустил его слова мимо ушей.

— А вы знаете, сэр, когда вы программируете, ваш голос поразительно похож на голос доктора Хендрикса.

Макс пристально посмотрел на него.

— У меня был очень плохой момент, — медленно произнес он. — Совсем незадолго до скачка.

— Да, сэр. Знаю.

— А потом — понимаешь, это было просто такое ощущение. Я же не верю в привидения. Только мне показалось, что доктор стоит у меня за спиной, как он это делал когда-то, и проверяет меня. И тогда все пошло хорошо.

Келли кивнул.

— Да. Он был здесь. Я был уверен, что он придет.

— Как? Что ты хочешь сказать? — Но Келли не ответил, вместо этого он блаженно улыбнулся и начал просматривать послепереходные пластин-

ки, сравнивая их с эталонными, вынутыми из сейфа, — первая возможность такой операции с того момента, как корабль заблудился.

— Думаю, — сказал Макс, когда Келли покончил со своим занятием, — что нам бы лучше прикинуть орбиту к Ню Пегаса, прежде чем отправиться на боковую. — Он широко зевнул. — Господи, да я совсем помираю.

— К Ню Пегаса, сэр? — спросил Келли.

— Не можем же мы с такого расстояния прицеливаться прямо в Алкиону. Что ты имеешь в виду?

— Ничего, сэр.

— Говори.

— Понимаете, сэр, я все время считал, что мы теперь займем позицию для перехода на Новую Землю. Но если капитан хочет так…

Макс постучал пальцами по сейфу с картами. Он собирался проложить курс к простой, видимой глазом цели, откуда они и ушли недавно, чтобы там, на Алкионе, ждать себе в замену компетентного специалиста. Ему и в голову не могло прийти, что кто-нибудь ждет, что, совершив невозможное, он займется иным.

— Вы ожидали, что я проведу корабль до конца? Без таблиц и без помощи?

— Я ничего не имел в виду, капитан. Это было просто бессознательное предположение.

Макс выпрямился:

— Скажи Коваку, чтобы он просто держал корабль на постоянном курсе. Позвони Вальтеру, чтобы он сейчас же зашел ко мне в каюту.

— Есть, сэр.

Первый помощник встретил его у дверей каюты.

— Привет, Вальтер. Заходите. — Они вошли в каюту, и Макс бросил фуражку на стол. — Ну что же, мы-таки выкрутились.

— Да, сэр. Я наблюдал через иллюминатор гостиной.

— Вы не выглядите удивленным.

— А я должен так выглядеть, капитан?

Макс вытянулся в кресле, разминая усталую спину.

— Должны. Да, сэр, вы должны.

— Хорошо. Я удивлен.

Макс посмотрел на него и улыбнулся.

— Вальтер, а куда теперь направляется этот корабль?

— Капитан еще не сообщил мне этого.

— Какого черта! Вы же понимаете, о чем я говорю. По расписанию мы идем на Новую Землю.

Но вот тут, прямо перед нами, торчит Алкиона — даже слепой мог бы нащупать ее своей тростью. Так какой маршрут имели в виду вы, когда протолкнули меня в капитаны? Скажите, чего вы ожидали тогда? До того, как обвесили меня этими нашивками.

— Я имел в виду, — ответил Вальтер, — подобрать для «Асгарда» капитана.

— Это не ответ. Послушайте, от всего этого зависела жизнь пассажиров. И конечно, мне пришлось ради них рискнуть. Выбора не было никакого. Но теперь-то выбор есть. Вам следует рассказать им все, и пусть они голосуют.

Вальтер потряс головой, выражая крайнее неодобрение.

— У пассажиров никогда и ничего не спрашивают. Во всяком случае — на корабле, который находится в пути. Это было бы просто нечестно по отношению к ним. Им только говорят.

Макс вскочил с места и зашагал по каюте.

— Вы говорите «нечестно». Честность. Это нечестно по отношению ко мне. — Он резко развернулся и встал лицом к лицу с Вальтером. — Ну так что? Вы же не пассажир. Вы мой первый помощник. По вашему мнению, что я должен делать?

Вальтер глядел ему глаза.

— Я не могу принимать решения за капитана. Именно поэтому вы и капитан.

Макс остановился и закрыл глаза. Числа стояли перед ним совершенно отчетливо, аккуратными столбиками. Он подошел к телефону и ударил по кнопке вызова центра управления.

— Говорит капитан. Келли еще там? Привет. Очень удачно, шеф. Мы готовимся к переходу на Новую Землю. Начинайте работу, я буду через пару минут.

Глава 22
ТОМАГАВК

Макс любил это время года, это время дня. Он лежал в траве на небольшом холмике к западу от амбара, повернув голову так, чтобы смотреть на северо-запад. Макс глядел не отрываясь в эту сторону, на выходное кольцо ЧСЗ магнитной дороги, откуда с минуты на минуту должен был вырваться «Томагавк». Вырваться и по свободной траектории перелететь через провал. На этот раз Макс не читал, никакая работа его не подгоняла, он просто бездельничал и наслаждался летним вечером.

Белка села столбиком неподалеку от Макса, уставилась на него и, решив, что он безопасен, вернулась к своим делам. Мимо пропорхнула птица.

Последовала захватывающая дух тишина, а затем серебряный снаряд вырвался из выходного кольца, перелетел провал и вошел в кольцо на дальней его стороне. В тот же момент по ушам Макса ударил грохот звуковой волны.

— Ни фига себе! — тихо произнес он. — Ведь

каждый раз кажется, что на этот раз не выйдет.

Макс поднялся на холмик только для того, чтобы поглядеть на это, однако сразу вставать не стал. Вместо этого он вытащил из кармана письмо и перечитал его конец. *«…Думаю, папаша очень обрадовался, получив меня назад в целости, так как он в конце концов смилостивился. Мы с Путци поженились неделю назад, и, Макси, я такая счастливая! Обязательно зайди к нам в следующий раз, как будешь на Гесперe».* Далее она добавила: *«P. S. Мистер Чипс целует тебя — и я тоже».*

Отличная она девчонка, Элли. Она обычно добивалась своего — не мытьем, так катаньем. Путци ему было немного жалко. Но с другой стороны, если бы все они тогда остались на Надежде…

Все это ерунда, астронавигатор не должен жениться. Макс с нежностью потрогал рисунок солнца на своей груди. Жалко, что не получилось остаться на «Асгарде», но они, конечно же, правы. Как же можно служить младшим офицером на корабле, капитаном которого ты только что был?! А помощник астронавигатора на «Королеве Елизавете» — тоже очень хорошее назначение; все говорят, что «Лиззи» — корабль что надо.

А к тому же не у каждого молодого П. А. есть на счету новая конгруэнтность — ее как раз сейчас исследуют. Так что не на что ему тут обижаться. Его даже не слишком напугал огромного размера штраф, наложенный на него Советом гильдий, и официальное взыскание, внесенное ему в трудовую книжку. Самое главное, ему разрешили остаться в космосе, а взыскание это записано рядом с благодарностью за конгруэнтность «Хендрикс».

Но хотя никто не оспаривает справедливость наказания — он, конечно же, заслужил его, — все равно гильдии организованы неправильно. Законы должны давать каждому свой шанс. Когда-нибудь у него будет достаточно высокое положение, чтобы попробовать что-нибудь с этим сделать.

Ну а тем временем, если он здесь еще засидится, придется, наверное, покупать это такси. Макс поднялся и пошел по склону вниз. Вертолет был перед домом, таксист стоял рядом с ним и смотрел на огромный свежевырытый котлован Миссури-Арканзасской энергетической стройки. Полей, где Макс недавно трудился, уже не было, выемка доходила почти до самого их двора. Дом пока еще стоял, но дверь висела на одной петле,

а кто-то из ребятишек перебил все стекла. Макс смотрел на дом и думал, где могут сейчас быть Мамочка и этот парень, за которого она вышла замуж. Не то чтобы это слишком его волновало, да и в Клейдовских Углах, похоже, ни одна собака этого не знала. В конторе ему сказали, что Мамочка забрала свою половину государственной компенсации, после чего эта парочка покинула город.

Вполне может быть, что деньги у них уже кончились — половина Макса разошлась полностью, даже на весь штраф не хватило. Если они без гроша, вполне возможно, что Монтгомери придется-таки заняться какой-нибудь честной работой — не такая Мамочка женщина, чтобы позволить мужчине бездельничать в то время, когда у нее нет денег. Макс подумал про это с удовольствием; он считал, что у него есть счеты с Монтгомери, но Мамочка, возможно, сама хорошо с ним рассчитается.

Таксист повернулся к нему.

— Мощная штука будет, когда они закончат. Вы уже отправляетесь, сэр?

Макс бросил последний взгляд вокруг.

— Да, у меня здесь все.

Они забрались в кабину.

— Куда? Назад в Углы?

Макс поразмыслил. Деньги, конечно, надо экономить — но какого черта, после следующего рейса у него наберется их порядочно.

— Нет, летим в Спрингфилд, а там высади меня на станции южного направления магнитной дороги. Хорошо бы поймать «Копье».

Если успеть, он еще ночью будет в Земпорте.